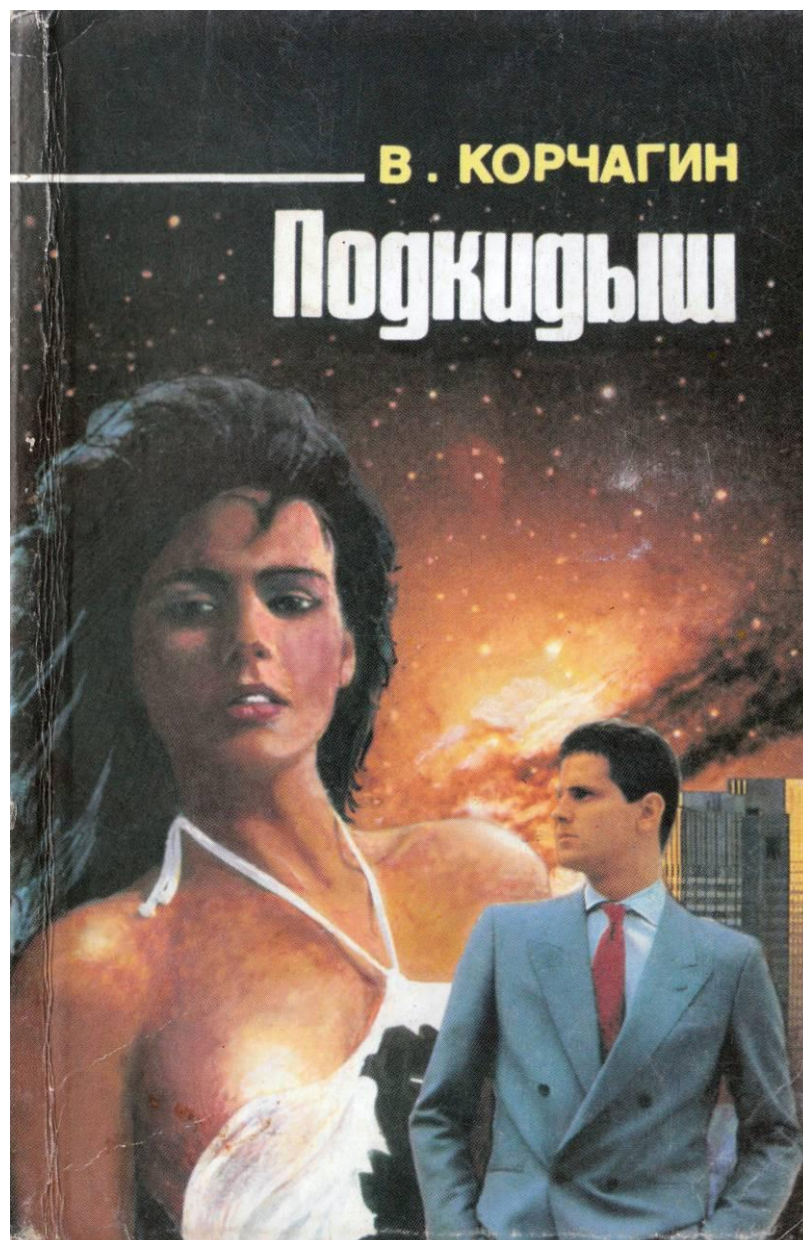

Тайны Владимира Корчагина

Прошло тридцать лет с тех пор, как молодой ученый-минеролог, доцент Казанского университета Владимир Корчагин решил показать своеобразную красоту и раскрыть удивительные тайны мало кому известного мира – мира природного камня. Для этого ученый избрал неожиданную форму, он нанизал свои мысли на волшебную нить художественного повествования. Так родился приключенческий роман «Тайна реки Злых Духов».

Дебют писателя имел фантастический успех. Роман стал своего рода бестселлером для целого поколения молодежи. В течение нескольких лет несколько массовых изданий книги разошлись практически мгновенно. Исключительно тепло отозвался о романе патриарх отечественной фантастики Иван Ефремов. Именно Ефремов поддержал идею и дал поощрительный отзыв на рукопись другого научно-фантастического романа В. Корчагина «Астийский эдельвейс», который в 1994 году вышел в Татарском книжном издательстве.

«Мне уже шестьдесят, – говорит один из героев романа «Именем человечества» (продолжения «Астийского эдельвейса») врач Зорин, – и тем не менее я готов повторить вслед за Эйнштейном, что самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности окружающего мира. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае слепым». В этих словах, наверное, ключ к пониманию всех

произведений В. Корчагина, особенно повестей последних лет – «Конец легенды», «Узники страха»...

И еще один немаловажный штрих. В сюжете каждой книги писателя-фантаста заключена тайна, разгадка которой и держит читателя в напряжении от первой и до последней страницы. Повесть «Подкидыш» – наиболее яркое тому свидетельство. Разгадке тайны здесь посвящен весь ход повествования, включая расследование предполагаемого убийства молодой женщины. Вместе с тем эта новая книга В. Корчагина таит в себе и оригинальную научно-фантастическую идею, актуальность которой в наше время трудно переоценить. А что может быть увлекательней, чем вместе с сочинителем пуститься в путешествие в неизведанное, стать как бы первооткрывателем мира, в котором кроме тебя и автора еще никто не бывал.

Ахат Мушинский.

1

Кириллу Градову, молодому двадцатилетнему преподавателю физики Верхнегорского педучилища, не повезло с самого начала, с первого дня нынешнего летнего отпуска. И дело было не только в том, что теплые солнечные дни внезапно сменились холодной дождливой непогодой. Это куда бы ни шло. Хуже было то, что его друг и коллега Сергей Цугов, вместе с которым они собирались отдохнуть дикарями в небольшом приморском поселке, и кто, собственно, и предложил этот «классический» вариант проведения отпуска, вчера вдруг уведомил Кирилла, что поехать с ним к морю он не может. Его, Сережку Пугова, преподавателя истории в электромеханическом техникуме, «пригласили», видите ли, принять участие в какой-то археологической экспедиции, и он должен поехать с ней чуть ли не на границу с Турцией именно в то самое время, какое они планировали провести в Прибрежном.

А ведь он, Сергей, уже и с знакомой квартирной хозяйкой списался и даже задаток выслал. Да и что будет делать Кирилл один в этой забытой богом дыре, которую он никогда не видел, где, по словам самого же Сергея, насчитывалось не больше десятка домишек и куда и добраться-то можно лишь на случайной машине.

Нет, надо еще раз позвонить Сережке, и если тот по-прежнему будет упорствовать с этой своей экспедицией, то твердо и решительно сказать ему, что ни в какой Прибрежный он, Кирилл, не поедет.

Он набрал номер приятеля и, услышав знакомый басок, прямо, без обиняков сказал:

– Слушай, Серега, ты не одумался, не отказался от своей идиотской затеи?

– Это ты о раскопках?

– О чем же еще?

– Чудак ты, Кирилл. Одуматься! Я же говорил тебе, это не обычные раскопки. Похоже, археологи наткнулись на остатки какой-то чрезвычайно высокоразвитой цивилизации. Невероятно высокоразвитой! Чуть ли не такой, как наша. А возраст ее оценивается в десять-двенадцать тысяч лет. И все это увидеть собственными глазами! Такой случай выпадает раз в сто лет. Я и не мечтал, что когда-нибудь так бешено повезет. Ведь не исключено, что нам всю историю человечества придется перекроить...

– Ну, это ты кому-нибудь другому скажи – буркнул Кирилл.

– Экий ты Фома неверующий. Но пусть даже все это окажется не совсем так, как говорят. Все равно мне, как историку...

– Ну да, без тебя там не обойдутся!

– Не в этом дело! Я хочу сказать, нельзя заниматься историей, учить историю, не пощупав ее, так сказать, своими руками.

Кирилл с минуту помолчал:

– Да уж, в изречении прописных истин тебя не перещеголять. А впрочем... Поступай как знаешь, только имей в виду, ни в какой Прибрежный я без тебя не поеду!

– Да почему, Кирилл? – искренне возмутился Пугов. – Лучшего места ты просто не найдешь. Разве я тебя не знаю. Тебе что, так танцульки нужны? Светское общество? Или ты без ресторанов не проживешь и всяких там концертов-балетов? Ты и в городе из своей берлоги не вылезашь. А там,

в Прибрежном – воздух, тишина, море! Ни тебе машин, ни дачной публики. Хочешь, сиди над своей диссертацией, хочешь жарься на солнце. Да и в смысле жратвы: уж чего-чего, а голодным тетка Лизавета не оставит. Недаром я два сезона у нее квартировал. У нее и завтрак, и обед, и ужин, и черешни – от пуза! И за все про все – его целковых в месяц. Где ты еще такое сыщешь?

– Так-то оно так... А все-таки не хотелось бы совсем одному ехать к незнакомым людям.

– Так поезжай с кем-нибудь другим. Если у тебя найдется еще хоть один приятель.

Кирилл промолчал. Друг уколол его в самое больное место: будучи страшно стеснительным и замкнутым, Градов очень трудно сходилась с людьми, и Сергей был, пожалуй, единственным человеком, с кем он сдружился еще в студенческие годы.

– Ладно, я подумаю... – вздохнул он в рубку.

– И думать нечего! – снова заговорил Сергей. Сегодня же бери билет и, как говорится, с богом! А я сейчас черкну пару слов Лизавете, тебе и объяснять ничего не придется. Да, кстати, – прибавил он заговорщическим тоном, – там ждет тебя такой сюрприз, что навек моим должником станешь.

– Что еще за сюрприз? – насторожился Кирилл.

– Ну, этого я тебе не скажу, иначе что от сюрприза останется.

– Знаю я твои сюрпризы, – отмахнулся Кирилл. – Опять что-нибудь из любезной твоему сердцу старины глубокой?

– Да нет, скорее из обожаемых тобой необъяснимых явлений.

– Что-что?! Уж не хочешь ли сказать, что там меня ждет встреча с НЛО?

– Нет, НЛО я тебе не обещаю. Но бьюсь об заклад, что то, с чем ты действительно встретишься, будет почище любого НЛО.

– Ну, если так...

– Именно так, дружище. Так что бросай все и беги за билетом.

2

Так получилось, что недели полторы спустя, рано поутру, молчаливый грузин высадил Кирилла из своего обшарпанного «Москвича» у подножья большой горы, подступившей к самому морю, и, пересчитав полученные деньги, указал на несколько домишек, еле заметных в сплошной стене густых зарослей:

– Вот он, твой Прибрежный. Шагай прямо.

Машина, фыркнув, сорвалась с места и быстро скрылась за поворотом. Кирилл огляделся по сторонам.

Места здесь были действительно райскими.

Узкая, сплошь заросшая травой дорожка, чуть затененная невысокими тутовницами, мягко поднималась к первым домам поселка и сразу терялась в тесном переплетении склонившихся над ней деревьев. Дальше было видно лишь несколько деревянных выцветших на солнце крыш да сильно покосившуюся треногу старого триангуляционного пункта, казавшегося какой-то нелепой загогулиной на фоне ярко-зеленой громадины, вздыбившейся к самому небу. А сзади, в какой-нибудь сотне шагов от дороги, свободно и властно, заполняя собой весь пронизанный солнцем оком, раскинулась бескрайняя серебристо-синяя гладь, четко отороченная широкой полосой ровного, удивительно белого пляжа. Все вокруг дышало какой-то сказочно-неестественной тишиной. Казалось, сам воздух застыл здесь в спокойной сонной дреме.

Кирилл не спеша поднялся к крайнему дому-развалюхе и, увидев за калиткой старую, склонившуюся над грядкой женщину, несмело спросил:

– Простите, вы не скажете, как пройти к дому Елизаветы Александровны?

Женщина медленно выпрямилась и, поправив на голове платок, неожиданно улыбнулась теплой материнской улыбкой:

– Так я та Лизавета и есть. А ты не иначе, как тот хлопчик, о котором писал Сергей. Так что прошу до хаты.

Кирилл подхватил чемодан и, пройдя по густо заросшей бурьяном дорожке, не без робости вступил вслед за хозяйкой в ее более чем убогое домовладение. Впрочем, вопреки всем ожиданиям, сразу за порогом перед ним открылась очень небольшая, но очень чистая комната, одна из дверей которой привела в совсем уж крохотную комнатку, какая, как оказалось, и предназначалась для Кирилла.

– Вот тут и устраивайся, сынок, – ласково проговорила хозяйка. – Здесь, стало быть, будет твоя спальня. А днем можешь ходить по всей хате. Я тут одна живу, никто тебе не помешает. Кирилл взглянул в единственное, на всю комнату, окно. Его почти полностью затенял золотисто-зеленый разлив пышно разросшейся лозы винограда, сразу за которым высилась глухая стена высокого забора с грозно ошестинившейся поверх него ржавой гирляндой колючей проволоки.

– А это что за концлагерь у вас под боком? – решил пошутить Кирилл.

– Концлагерь и есть! – подхватила хозяйка. – Сосед мой, Игнат Полипчук отгородился тут от всего мира, чтобы никто из нас, горемычных, на его добро не позарился.

– И много у него добра?

– Кто знает. Все теперь только и видят крышу его хором, – указала тетка Лизавета на ярко поблескивающие на солнце широкие листы оцинкованного железа. – А что под той крышей, одному богу известно. Да, видно, есть что, коль такой забор понадобился.

– Так, может, у него такая семья, что...

– Какая семья! Сам, жена, дочь-невеста. А уж хапает, хапает! И все мало. Да вот увидишь. Сергей-то, приятель твой, терпеть их всех не мог.

– Странно... Он ни о чем подобном не рассказывал.

– Было бы о ком рассказывать! Это же нелюди какие-то. Помню, еще позапрошлым летом приехал он вот так же, устроился, пообжился немного. Ну и, сам понимаешь, скучновато одному. А он человек городской, компанейский, взял однажды бутылочку, хотел, как водится, познакомиться с соседями. Так они его на порог не пустили. А уж дочка их... Не знаю, что он там сказал или сделал ей – известно, дело молодое – только приходит как-то домой, а от рукава рубашки – одни лохмотья: собака-то у нее – волк! Так что, ты не очень с ними.

– Да я собственно... Я вообще люблю больше быть один, – поспешил ответить Кирилл.

– Как это один? В твои-то годы! С какой стати? У нас тут, конечно, не то, что в городе. А все же собираются по вечерам, кто помоложе, в верхнем конце улицы. Поют, дурачатся. И Сергей, бывало...

– Нет, Елизавета Александровна, – прервал Кирилл словоохотливую старушку. – Я оглохнуть приехал. Да и поработать немного.

– Ну-ну, – поджала губы тетка Лизавета. – Это я так, к слову. А ты, конечно, как знаешь... Ты располагайся, устраивайся пока. А я завтраком похлопочу. Сергей-то у меня все время об эту пору завтракал. А ты как будешь?

– Мне все равно, как вам удобнее.

Распаковав чемодан и разложив свои вещи, Кирилл вышел познакомиться с поселком. Прежде всего его почему-то заинтересовал особняк Полипчуков, соседствующий с усадьбой тетки Лизаветы. Впрочем, здесь, со стороны улицы, его так же скрывал сплошной забор. Ничего нельзя было рассмотреть и сквозь массивные ворота с глухой калиткой, на которой красовалась блестящая табличка с грозным предупреждением о «злой собаке».

Кирилл прислушался. Из-за забора не доносилось ни звука. Однако не успел он отойти на несколько шагов, как там раздался шум мотора, а вслед за тем ворота раскрылись и из них выкатил мотоцикл с широченной коляской, доверху нагруженной коробками и корзинками с ягодами, помидорами, свежими огурцами, зеленым луком и громадными букетами цветов, заключенными в марлевые пакеты.

За рулем мотоцикла восседал плотный коренастый мужчина в черном пластмассовом шлеме, за спиной у него примостилась маленькая худенькая женщина с красным изможденным лицом и грубыми обветренными руками. Мужчина соскочил наземь, плотно прикрыл ворота, и через минуту мотоцикл скрылся из глаз, оставив за собой сизое облако скверно пахнущего дыма.

Кирилл пошел дальше вверх по улице, если можно было назвать улицей широкую, сплошь поросшую травой дорогу, вдоль которой по обе стороны выстроилось несколько разномастных, сложенных из дикого камня домов, плотно обсаженных яблонями, айвой, черешней, фундуком, меж которых без всякого порядка пробивались кусты перца, помидоров, вились плети арбузов и дынь.

Двери большинства домов были раскрыты настежь. Но ни возле них, ни на самой улице не было видно ни души, хотя солнце поднялось уже довольно высоко и обещало погожий жаркий день.

Кирилл прошел всю улицу до конца и остановился возле небольшого родничка, заключенного в аккуратный сруб с легким навесом из позеленевшей черепицы. Дальше дорога шла круто на подъем, теряясь в молодом сосняке, сплошь окаймляющем нижнюю часть горы. Эта узкая тропинка, петляющая меж янтарнокрасных стволов, будто манила окунуться в пахучую прохладу, напоенную смолистым ароматом. Но Кирилл вспомнил о ждущем его завтраке и повернул обратно, к дому своей гостеприимной хозяйки.

Прибрежный нравился ему все больше и больше. Даже глухой забор Полипчуков не казался уже столь мрачным и гнетущим. Тем более, что теперь, когда он снова проходил мимо него, там, за воротами, послышалось вдруг радостное, а отнюдь не злое, повизгивание собаки и прозвучал в ответ очень приятный девичий голос.

3

За завтраком разговор снова зашел о соседях тетки Лизаветы.

– Они куда, на рынок поехали? – спросил Кирилл, вспомнив нагруженный овощами мотоцикл.

– На рынок, в Чернореченск. Каждый божий день ездят. С весны до поздней осени. Не один мешок, поди, деньгами-то набили. И было б для чего! Одна дочь растет. Да и та не от мира сего.

– Как не от мира сего?

– А вот сам увидишь. Лет двадцать уж ей или около того. А никто в поселке голоса ее не слышал. Сиднем сидит в четырех стенах. А если выйдет в лес или на берег моря, так идет, голову в сторону не повернет, будто и не люди кругом. И обязательно с собакой.

– Вот как! Кто же она? Работает где-нибудь или учится?

– Учится. Чуть ли не в самом Ставрополе, говорят, на учительшу учится. В позапрошлом году Игнат ее туда увез. Теперь только на лето приезжает. И уж совсем зазналась, словом ни с кем не перекинется. Ну ладно, мы не в счет. Всю жизнь в земле – деревенщина. А взять того же Сергея. С собой видный, уважительный, говорить начнет – заслушаешься. Так поди ж ты, и он ей не чета, и на него с собакой. А уж сама-то, сама... Да вон, смотри, – легка на помине!

Кирилл выглянул в окно. Там, вниз по улице, по направлению к морю, действительно, шла девушка. Высокая, смуглая, темноглазая, с пышной копной светло-каштановых волос, свободно выходящих по спине и плечам, мягко обрамляющих красивое, но очень уж холодное, строгое, даже надменное лицо. В руках девушки была толстая книга. Рядом с ней бежала крупная бело-рыжая шотландская овчарка.

– Вот, видишь. И так всегда. Идет, как принцесса на горошине.

– Почему же на горошине? – рассмеялся Кирилл.

– А чего нос воротить, чего от людей отворачиваться?

– Мало ли чего... – ответил Кирилл, невольно любясь отлично сложенной фигуркой удаляющейся девушки. – Кто знает, что у человека на душе...

– На душе-то? А это еще вопрос, что у нее за душа. Я не успела сказать: никакая она им не дочь, Игнату-то со Степанидой. Подкинули им ее, подбросили уже большенькой. Она в то время уж и на ножках стояла. Только вот незадача: лопотала-то не по-нашему, не по-русски то есть. И на внешность тоже: глазищи черные, сама как хной выкрашена. А главное, оставили при ней узелок с каким-то несметным богатством...

– С каким богатством? – не понял Кирилл.

– А этого я тебе не скажу. Всякое потом болтали: то ли тьма-тьмущая денег было в том узелке, то ли каменья драгоценные. А только не успели Полипчуки удочерить ее, как сразу, точно в сказке, озолотились. Прежде-то они в такой же, как у меня, развалюхе ютились. А тут и домище отгрохали, и накупили всего: холодильников, мебели всякой, мотоцикл вот тоже. Только скажу тебе, не впрок пошло им это богатство, осатанели от скупости, на людей стали не похожи.

– Пойдите, Елизавета Александровна. Вы говорите, девочку большенькой подкинули. Она и ходила, и говорила. Значит, ей годика три-четыре было?

– Вроде того...

– Так какой же она подкидыш? В таком возрасте ребенок мог сам прийти в поселок. Мог заблудиться, мог потерять отца или мать, мог, наконец, просто убежать из дома. Почему никто не попытался разыскать его родителей?

– Искали, как не искать. Даже милиционер приезжал из города. Нигде – ничего!

– Ну, а сама она? Сама что рассказывала?

– Что рассказывала! Говорю тебе, она ни слова ни по-русски, ни по-украински, ни по-грузински. Лопочет что-то по-своему, а никто ничего не поймет. И она не понимает. Потом, месяца два спустя, из самой Москвы приезжал этот... Как его? Полу... Полы...

– Полиглот?

– Вот-вот, полиглот. Так он, сказывают, полдня с ней провозился, чуть ли не на сорока языках старался говорить. И все без толку. Так и осталась она у Полипчуков. Со временем и говорить по-нашему научилась. И Игната со Степанидой отцом и матерью стала звать. А как была нелюдью, так нелюдью и осталась. Ты вот говоришь, что-то там на душе у нее. А может, и нет в ней христианской души-то? Может, отроду она нехристь какая: арабка или бусурманка?

– Что из этого. Дети своих родителей не выбирают. И не ее вина в том, что девочка осталась сиротой. Как и в том, что судьба связала ее с Полипчуками.

– Не знаю, не знаю, а только не лежит у меня душа к ней, и все тут. Не наша она какая-то, не тем миром мазана. Ну да бог с ней...

– Вот именно. Не нам судить ее. Да и ни к чему. Пойду-ка я лучше искупаюсь.

– Иди, иди. Заговорила я тебя, – тетка Лизавета принялась убирать со стола, а Кирилл быстро переоделся и пошел к морю.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Роса на траве обсохла. Море вдали сверкало и переливалось всеми тонами сине-зеленых цветов спектра. А из головы у Кирилла все не шло то, что он только что узнал о своей таинственной соседке.

Откуда, все-таки, взялась здесь девочка-ребенок? Кому понадобилось привести или привезти ее в такой заброшенный в глуши поселок? И зачем? Что за тайна окружает эту красивую гордую смуглянку? Уж не этот ли сюрприз имел в виду Сергей, когда уговаривал его поехать в Прибрежный?

И захотелось еще раз увидеть ее, рассмотреть поближе, попробовать понять, что же было в ней такого необычного и в то же время неотступно притягательного.

Однако пляж был пуст. Девушка, очевидно, ушла далеко за мыс или скрылась в прибрежных зарослях.

– Вот досада! – посетовал Кирилл. – Надо было сразу пойти за ней. А впрочем... Что бы я сказал ей сейчас? Как подошел, с чего начал разговор? А сидеть и молчать рядом с девушкой на абсолютно пустом пляже... Нет, хороню, что она ушла. И все-таки...

Кирилл сошел почти к самой воде и, выбрав площадку поровнее, сбросил с себя рубашку и брюки. Море было спокойным. Прибой еле шелестел у его ног. В прозрачной голубизне легко просматривались каждый камень, каждая рытвинка на дне. Он готов был уже броситься в эту искрящуюся прохладу, как вдруг услышал за своей спиной старческий кашель и чьи-то тяжелые шаркающие шаги.

Кирилл быстро обернулся. Перед ним стоял мужчина весьма странной наружности и совершенно неопределенного возраста. По его щуплой угловатой фигуре и длинной, тонкой, как у ощипанного цыпленка, шее он мог сойти за сильно вытянувшегося подростка, однако обширная лысина на голове, седая, давно не бритая щетина, сплошь покрывавшая дряблые морщинистые щеки, и какие-то безжизненные, словно потухшие глаза могли принадлежать лишь человеку весьма почтенного возраста. Несмотря на довольно жаркое утро, незнакомец был одет в старый, сильно заношенный свитер и плотные брезентовые штаны, на ногах его болтались стоптанные кирзовые сапоги. Он подошел почти вплотную к Кириллу и, с трудом откашлявшись, просипел прямо ему в лицо:

– Видать, приезжий?

– Да... – односложно ответил Кирилл, растерявшись от столь неожиданной встречи.

– А закурить у тебя, случаем, не найдется, гражданин приезжий?

– С удовольствием бы. Но я, знаете, не курю...

– Ладно и так, – легко согласился незнакомец. – А ты что же, отдохнуть здесь, у нас собрался?

– В общем, да. Вы же, можно сказать, в раю живете.

– В раю, говоришь? Это точно. В самом, что ни на есть, раю. А я, стало быть, здешний ангел-небожитель, – он зло рассмеялся и снова зашелся кашлем. – Что, не похож? А ты присмотришь

получше. Я ведь ровесник тебе, и если бы не здешняя райская жизнь... Ну да ты, кроме этих вот прибрежных «райских куц» еще ничего не видел. А если бы занесла тебя нелегкая за перевал...

– Что же там, за перевалом?

– За перевалом-то что? Зона! Слышал ты о такой райской обители? Кругом – проволока, вышки, а внутри – карьер и душегубка, что обогатительной фабрикой зовется. Ну, а на фабрике – такие вот, как я. Зэки, одним словом.

– Так вы, значит...

– Нет, не бойся. Теперь я свободный гражданин. Она ведь, эта райская обитель, тем и хороша, что из нее до срока освобождают. Тех, кто не загнется раньше времени. Правда, не загнуться там... Ну да я вот выжил. Если можно, конечно, назвать меня живым человеком. Выжил и теперь – свободен, как птица. Ты видел когда-нибудь на дороге птицу, раздавленную машиной? Вот такая птица и я. Свободен и... – он снова закашлялся и тяжело опустил на успевшую прогреться гальку. Кирилл присел рядом:

– Вы имеете в виду непосильный труд и систематическое недоедание там, в зоне?

– Ну, что ты! Совсем наоборот. В этой обители зэки работают меньше, чем где-либо. И жрать дают от пуза.

– Так что же?

– Атом! Атом, язви его в корень! Слышал ты о такой пакости?

– Вы хотите сказать, что в этой «зоне» добывается и перерабатывается радиоактивное сырье?

– Ну, что там добывают и перерабатывают, одно начальство знает. Наше дело – тачку молить и лопатой орудовать. Одно могу сказать, кто бы там ни был и что бы ни делал, консул один. И все называют это «атом». Вот полюбуйся, что он сделал со мной, этот атом, – мужчина приподнял свитер, и Кирилл едва заставил себя не отшатнуться при виде страшных язв, покрывавших тело незнакомца.

– Да это бы полбеды, – продолжал он, – хуже, что я совсем уж не мужик. Да и не человек, а так... чучело на двух ногах. А ведь и пяти лет не прошло, как я таким же вот здоровяком, как ты, по глупому делу попался. Подрались мы с пьяных глаз с ребятами из соседнего поселка. Не помню уж из-за чего и подрались. Бывало такое не раз. Дрались и сильнее. А тут вмешался в драку участковый. И чего он сунулся? Без него бы подрались да и помирились. Дело житейское. А ему понадобилось порядок навести. Ну и звезданул ему кто-то. Случайно, видно, звезданул. Зачем нам надо было увечить человека. Я и не заметил, кто его угостил. А наутро узнаем, отдал концы участковый. Ну и закрутилось дело. Меня и еще троих ребят признали зачинщиками, увезли в город. Потом – следствие, суд и – зона. А теперь вот и живу и не живу. Ни дома, ни семьи. Всякий только шарахается как от прокаженного. А чем я виноват, чем?! Ну, дрались. Ну, прикончили человека ненароком. Так посади нас в обычную тюрьму. Пусть на десять, пусть на пятнадцать лет. Так вышли бы все-таки людьми. А теперь... И кто придумал этот атом? И зачем он людям? Ты вот, похоже, грамотный человек. Объясни, за что я страдаю?

Кирилл долго молчал, застигнутый врасплох этим страшным откровением. Потом медленно заговорил:

– К сожалению, вы не единственный человек, кто вправе задать такой вопрос. Требовать ответа за искалеченные судьбы могут сейчас не сотни, даже не тысячи, а миллионы несчастных из Белоруссии, с Украины, Урала и других мест, подвергшихся радиоактивному заражению. Но ответить им... Конечно, я мог бы сказать вам о неизбежных издержках научно-технического прогресса, о якобы навязанной нам гонке ядерных вооружений, об энергетическом кризисе, нависшем над человечеством. Но я этого не скажу. Не скажу, потому что говорить об этом людям, подобным вам, не только непорядочно, но по меньшей мере цинично. А главное, потому, что все это бессовестная ложь. Успехи в практической ядерной физике до сих пор не принесли людям ничего, кроме страданий. Гонку ядерных вооружений нельзя объяснить ничем, кроме политических амбиций наших вождей, поскольку никто никогда нападать на нас не собирався. Что же касается энергетического кризиса, то энергии, вырабатываемой сейчас, в избытке хватило бы на удовлетворение насущных человеческих нужд. А тратится она в основном на ту же гонку вооружений да на создание никому не нужной техники, которая в свою очередь используется, чтобы создавать новую никому не нужную технику, и так без конца. Я уже не творю, что абсолютно ничто не может уравновесить здоровье и жизнь человека. А что будет дальше? Боюсь,

что если эти тенденции сохранятся еще хотя бы несколько десятилетий, то человечество реально встанет перед угрозой неминуемой гибели. Я понимаю, все, что я сказал, мало вас утешит. Но что я мог ответить еще? И что мог посоветовать вам сделать?

– Как что? Мстить!

– Мстить – кому?

– Я знаю, кому. Знаю! И после всего, что услышал от тебя, окончательно понял: мстить – вот единственное, что мне осталось в жизни. Кстати, а ты кто? В смысле, кем работаешь?

– Я преподаю физику.

– Физику? Так-так... А ведь ты сможешь мне помочь. Ну да мы еще потолкуем об этом. А сейчас извиняй, что не дал тебе покупаться. И прощай. Честно говоря, не думал, что ты поговоришь со мной вот так, по-человечески. Со мной давно уж так никто не говорил. А ведь я еще... немного человек. – Он встал и, словно спохватившись, быстро направился обратно к поселку.

– Послушайте, а как звать-то вас? – попытался остановить его Кирилл.

– Как звать-то? Афоня, – ответил он, не сбавляя хода.

– Афоня... Значит Афанасий. А отчество?

Он горько усмехнулся:

– Был Афанасий, было и отчество. А остался Афоня, Афоня Болдин. Ну, бывай!

Кирилл проводил его взглядом и медленно прошелся по опустевшему пляжу. Все вокруг: море, небо, изумрудная зелень прибрежных гор вмиг потеряло всякую привлекательность. Однако, взглянув еще раз на удаляющегося Афону, он вдруг заметил далеко впереди него знакомую девичью фигуру. Жизнь словно спешила подчеркнуть, какую пропасть разверзла она между крайними полюсами человеческого Пития.

А впрочем... Можно ли было быть уверенным, что неожиданное появление здесь Афони и его стремительный уход с пляжа не были связаны с приходом сюда таинственной незнакомки? Но это делало ее еще более загадочной и необыкновенной.

Кирилл не жалел уже, что приехал в Прибрежный. Что-то подсказывало ему, что все, что он узнал сегодня о гордой, своенравной, несомненно окруженной какой-то тайной, дочери соседей тетки Лизаветы и встреча с несчастным, обездоленным, но явно не смирившимся, готовым пойти на все, чтобы отплатить за всю исковерканную судьбу, Афоней могли оказаться прологом чего-то очень большого, неординарного, такого, с чем он, Кирилл, не сталкивался еще ни разу в жизни.

4

Прошло несколько дней, погожих, солнечных, и жизнь Кирилла в Прибрежном вошла в размеренную, ставшую привычной колею. Поднявшись рано поутру, он шел к морю, купался, делал зарядку, загорал, затем, позавтракав, два-три часа работал над диссертацией, перед обедом снова купался, а после обеда шел с книжкой или газетой в небольшую беседку, в глубине сада, где можно было полежать в уютном гамачке, поесть черешни и даже вздремнуть под монотонное жужжание пчел. Потом он снова шел к морю, снова работал. И лишь поздним вечером, когда на землю опускалась сажисто-черная ночь, опять выходил в сад, где ему нравилось посидеть на высоком крылечке хаты, глядя на большие яркие звезды и слушая стрекот цикад и шум прибоя.

Иногда теплый ночной вечер доносил до него обрывки песен и взрывы громкого девичьего смеха. То веселилась на верхнем конце улицы молодежь Прибрежного. Но это не трогало Кирилла. Он знал, что в собравшейся у ключа компании не было той, кто уже много дней занимала все его мысли.

С той памятной минуты, когда он случайно увидел ее идущей на пляж, он не встретил свою соседку ни разу, как ни старался выглядывать в окно и поджидать ее на берегу моря. Таинственная смуглянка словно исчезла из поселка хотя мотоцикл Полипчуков изо дня в день в одно и то же время тарахтел у ворот «концлагеря», и за стенами его частенько слышались то радостное повизгивание, то недовольный лай шотландской овчарки.

Так было и сегодня. Не успел Кирилл справиться с завтраком, как под окном послышался треск мотоцикла, а чуть позже нетерпеливое повизгивание собаки. Он сел было, как обычно, за работу. Но уже через полчаса солнце закрыла большая туча, в хате стало непривычно темно, работа что-то не заладилась, и он решил побродить по лесу.

Скоро знакомая тропинка привела его в сосновую рощу. Лес здесь был густым, но чистым, без обычного подлеска, и Кирилл, сойдя с тропинки, пошел напрямик в гору. Вспомнился почему-то Сергей, последний разговор с ним. Что принесут им раскопки «невероятно высокой цивилизации»? Возможна ли такая вообще? А впрочем...

Вдруг меж стволов забрезжил просвет, показалась небольшая уютная полянка. Кирилл шагнул было к ней, но тут же круто остановился: прямо перед его глазами, в каких-нибудь пяти-шести метрах впереди возникла грозно оскаленная пасть, послышалось глухое урчание. Он попятился. Но огромная шотландская овчарка двинулась прямо на него, шерсть у нее па холке встала дыбом. Кирилл в растерянности метнулся в сторону, в другую. Но в это время раздался властный женский голос:

— Дэзи, ко мне!

Собака еще раз рыкнула, но тут же повернулась и послушно пошла в глубь поляны. Тут только Кирилл заметил, что там, на сухой поваленной лесине сидит его пропавшая соседка. Вот так сюрприз! Он попытался ретироваться. Но она уже заметила его, поспешно поднялась и, закрыв книгу, лежавшую на коленях, шагнула ему навстречу.

— Простите, пожалуйста. Дэзи, кажется, очень напугала вас.

— Нет, не очень... А в общем, конечно...

Она оглядела его с ног до головы:

— Вы, кажется, мой сосед?

— Да, я снял комнату у Елизаветы Александровны.

— Вы москвич?

— Нет, я из маленького провинциального городка Верхнегорска.

— Преподаватель?

— Да... Как вы догадались? Я действительно преподаю физику в педучилище.

— Так вы физик?! — воскликнула она с явным интересом.

— Да, в некотором роде... во всяком случае это моя любимая наука.

— Чем же вас привлек наш Прибрежный?

— Как вам сказать... Я даже не собирался сюда. Но мой приятель, вы, наверное, знаете его... Сергей Пугов... Он уже два года отдыхал здесь, у Елизаветы Александровны... — Кирилл вдруг вспомнил, что успела рассказать ему тетка Лизавета и, словно поперхнувшись, испуганно взглянул на свою собеседницу. Но та продолжала, как ни в чем не бывало, с чуть заметной полуулыбкой слушать его, будто никогда и знать не знала никакого Пугова.

— Так вот, — поспешил закончить Кирилл, — он и уговорил меня поехать с ним, а сам... В общем, уехал на какие-то раскопки, а я, как видите...

— Уехал на раскопки? Он что, археолог?

— Нет, он историк, преподаватель истории. Но раскопки не совсем обычные. Где-то на границе с Турцией археологи наткнулись, как предполагают, на остатки какой-то поразительно высоко развитой цивилизации, и сейчас весь мир живет этой сенсацией.

— Я слышала о таких предположениях. Однако насколько это правдоподобно?

— Кто знает, раскопки покажут. Но в принципе... Вы слышали, наверное, сколько сенсационных, даже невероятных фактов всплыло при изучении памятников прошлого. И в области технологии, и в строительной технике, и в астрономических познаниях наших предков. Многие были склонны даже приписать это посещениям Земли какими-то инопланетянами.

— Но, может, инопланетяне здесь и ни при чем, а все это отголоски таких вот исчезнувших цивилизаций?

— Но отчего они исчезли, эти высокоразвитые цивилизации? Неужели и в те древние времена были атомные войны или что-то в этом роде?

— Нет, это, пожалуй, исключено. Однако люди могли уничтожить себя, среду своего обитания и без всяких войн. В разное время мне пришлось побывать на некоторых рудниках Урала, в окрестностях Аральского моря, па лесоразработках Сибири. Картина страшная. Природа плачет кровавыми слезами. Да и у вас здесь, оказывается... Недавно я встретил одного вашего земляка Афоню Болдина. Вы знаете, наверное...

– Не надо об этом! Прошу вас! – девушка нервно всплеснула руками. – Это ужасно. Ужасно! Пугающее всего, что, по-видимому, пришлось повидать вам и на Урале и в Сибири. А впрочем, вы правы, все это вещи одного порядка.

– Конечно. И если люди не перестанут так безрассудно относиться к окружающей среде, так безответственно вторгаться в сокровеннейшие тайны природы, не говоря уже о полнейшем пренебрежении к своей собственной безопасности, то еще десятка два-три лет и... Не пришлось бы и нашей цивилизации исчезнуть с лица Земли. Вот над чем следовало бы задуматься ученым, да и тем, кто стоит у кормила власти. А эти раскопки древнейших цивилизаций... До них ли сейчас?

Она окинула его изучающим взглядом:

– Вас действительно так волнует судьба окружающей среды и состояние здоровья человечества?

– Как всех, наверное.

Она резко вскинула голову:

– Что значит, как всех? Я не знаю проблемы, отношение к которой было бы столь различно, как проблема борьбы за сохранение природы и здоровья людей. Даже среди сторонников ее есть и действительно что-то делающие для спасения рек, озер, воздуха, наших братьев меньших, решительно выступающие против строительства все новых и новых ядерных реакторов и опасных химических предприятий, есть лишь сочувствующие им, а есть и просто болтуны-краснобаи. – Она глянула прямо в глаза Кириллу.

Тот выдержал ее взгляд:

– Я понял, что вы хотите сказать, и думаю, вправе ответить, что я немного больше, чем просто сочувствующий.

– Да? Мне хотелось бы вам верить. Но что, по-вашему, нужно предпринять, чтобы все или почти все поняли наконец, что пора переходить от слов к делу?

– Я много думал об этом. Вопрос не простой. Но в какой-то мере ответом на него и явилось создание Всероссийской партии «зеленых». Вы, конечно, слышали о такой партии?

– Слышала... Только плохо представляю, чем она занимается кроме составления всякого рода заявлений и деклараций.

– Заявления и декларации иной раз тоже необходимы, особенно для партии, которая только еще пропагандирует свою программу и собирает своих единомышленников. А что предложили бы вы?

– Не знаю... Вопрос действительно не простой. А что если... если в самом деле обратиться к прошлому? Вы, кажется, полагаете, что и у наших предков было нечто подобное?

Я вполне допускаю это.

– Но в таком случае раскопки, о которых вы отозвались с таким пренебрежением, не помогут ли они раскрыть людям глаза на надвигающуюся катастрофу?

– Раскопки в местах исчезнувших цивилизаций? – Кирилл не мог не подивиться остроте мышления своей собеседницы. – Вы считаете, что, вскрыв истинные причины вызванных человеком экологических кризисов в древности, можно заставить более бережно относиться к природе и современных людей?

– А вы так не считаете?

– Нет, почему же, это вы здорово заметили. Только...

Но в это время яркая молния ослепила глаза, страшный раскат грома раздался прямо у них над головой, лес зашумел под ударами налетевшего ветра, крупные капли дождя упали на землю. Тугой вихрь взметнул в воздух целую охапку сухой хвои, рванул с колен подол платья девушки. Та еле успела прижать его обеими руками.

– Ой, смотрите, что делается? – указала она на выползшую из-за горы темно-фиолетовую тучу. – Бежим скорее, вон хоть под то дерево!

– В грозу под дерево! Ни в коем случае! С молнией так не шутят. Останемся здесь.

– Но как же... Я не захватила даже зонта.

– Сейчас попробую что-нибудь соорудить. – Кирилл сбросил с плеч куртку и туго натянул ее на сучья поваленного дерева. – Встаньте сюда.

– Вы думаете, это поможет?

– Если я натянул как следует и под нужным углом.

Она покачала головой, но встала рядом с ним. Дэзи примостилась у них под ногами.

Ветер сразу стих. Но дождь полил как из ведра. Теперь они перебрасывались лишь отдельными словами и стояли так близко друг от друга, что Кирилл смог наконец рассмотреть свою собеседницу как нельзя лучше.

Одета она была более чем скромно, в легкое ситцевое платье и простые светлые босоножки. На ней не было никаких украшений, не видно было ни малейших следов косметики. И только тщательно причесанные волосы да слабый, еле ощутимый запах дорогих французских духов выдавали то, что принято называть у женщин аристократическими наклонностями. Впрочем, какая-то естественно-утонченная, явно врожденная аристократичность была и в ее голосе, всех ее жестах, манере говорить и слушать. Не менее естественно и в то же время подчеркнуто аристократично было и то, как держалась она сейчас, стоя почти вплотную к Кириллу и не испытывая, по-видимому, ни малейшей неловкости или стеснения. Так держались, наверное, римские матроны по отношению к своим рабам.

«Откуда она взялась здесь, такая? Кем была по национальности, по происхождению?» – без конца вертелось в голове у Кирилла.

Говорила девушка по-русски, говорила чисто, без всякого акцента. И все же было в ней что-то необычное, неуловимо странное, такое, что вызывало представление о чем-то непривычном, не нашем, неземном. Необычным был овал ее лица, очертания шеи. Необычным казался цвет кожи: такой золотисто-шоколадный оттенок, каким отливали ее лицо и руки, не мог дать никакой загар. Но самым необычным были ее глаза. Не цветом и не формой, а тем, что они будто завораживали, и была в них какая-то бездонная глубина. И хотелось смотреть ей смотреть в эту глубину, непрерывно, вечно...

Однако дождь так же неожиданно прекратился, как и начался. Туча ушла к далекому горизонту. Выглянуло солнце. Лес снова наполнился птичьим гомоном.

Дэзи выскочила из-под укрытия и принялась торопливо отряхиваться от попавших на нее брызг. Вслед за ней вышла и ее хозяйка. Она поправила прическу, разгладила платье, осторожно переступила через несущийся сверху поток:

– А вы это здорово придумали: соорудить такой тент. Но теперь домой. И быстро! Видите, какая туча снова показалась из-за горы. У нас всегда так: если начнет лить, то надолго.

Она поспешно, не оборачиваясь и не произнося ни слова, устремилась вниз по дороге и остановилась, лишь поравнявшись с забором своей усадьбы. Остановился и Кирилл, лихорадочно соображая, о чем бы еще заговорить, чтобы хоть на несколько минут задержать возле себя очаровательную спутницу. Но в голову не приходило абсолютно ничего.

– Вот мы и пришли, – промямлил он наконец и тут же проклял себя за эту пустую никчемную фразу.

– Да. Всего доброго вам, – откликнулась она, направляясь к калитке. – И спасибо за то, что спасли нас с Дэзи от дождя.

– Ну, что там, спасибо... А я... Простите, я совсем забыл спросить, как вас зовут...

– Так же, как забыли назвать и свое имя.

– Я Кирилл. Кирилл Градов. А вы?

– Можете называть меня, как все другие, – Ольгой.

– И потом... Мы с вами так и не договорили. Этот дождь... А вы совершенно верно заметили, что...

– Простите, мне пора, – остановила его Ольга. – Что же касается нашего разговора... Вы теперь знаете, где я провожу свои утренние часы. А Дэзи, наверное, больше не будет так нетерпима к вашему появлению.

5

На другой день Кирилл и не садился за работу. Сразу после завтрака, лишь только прогремел под окнами мотоцикл Полипчуков, и за забором смолкло повизгивание Дэзи, он вышел их хаты и, убедившись, что из-за закрытых ворот не доносится ни звука, быстро, чуть не бегом, припустился вверх по улице.

Он был уверен, что Ольга ждет его там, в лесу, где они встретились накануне, приготовил даже несколько приличествующих фраз для начала разговора. Но знакомая поляна была пуста. Не было девушки и на тропинке, по которой они бежали вчера, после дождя.

Он обошел поляну со всех сторон и опустился на поваленную лесину, перебирая в памяти нее, что успел узнать о своей таинственной соседке. Но стоило ли принимать на веру то, что говорила о ней тетка Лизавета? Пожилым людям свойственно не одобрять молодое и неординарное. А Ольга, конечно же, была человеком неординарным. Как здорово она утерла ему нос с этими раскопками! Ведь если археологи действительно докажут, что человечество уже ставило себя на грань катастрофы неразумным отношением к природе, то лучшего аргумента в пользу охраны окружающей среды и не придумаешь.

Только где же она? Он взглянул на часы. Вчера в это время Ольга была уже здесь. А сегодня... Неужели что-то случилось у нее? Похоже, так. Но почему это так трогает его? Лишь потому, что не удалось закончить интересный разговор?

Он снова мысленно повторил все, что говорила она и возражал ей он. Вспомнил, как стояли они совсем рядом под дождем и как хотелось ему смотреть и смотреть в ее необыкновенные глаза. И вдруг понял, что он только »того и ждал – снова увидеть ее, снова взглянуть в глубину ее глаз, снова пережить то волнующее чувство таинственности, какое исходило от этой девушки.

Он встал и снова заходил по поляне. На глаза ему попала молодая сосенка, возле которой стояла вчера Ольга. Он подошел к ней ближе и увидел, что нижняя ветка деревца, пышная, красиво отороченная молодой весенней хвоей, была чуть надломлена, видимо, под ударами вчерашнего шквала, и крохотная капелька смолы, как желтая слезинка, повисла под свежей ранкой. Кирилл постарался выправить ветку. Но, стоило убрать руку, как та снова склонилась вниз, точно безжизненное крыло подбитой птицы.

«Какая жалость!» – Кирилл сунул руку в карман и нащупал кусок провода, случайно завалившийся там со вчерашнего вечера, когда он ремонтировал настольную лампу у тетки Лизаветы.

«Отлично! Как раз то, что надо!» – Он закрепил ветку проводом и тщательно смазал ранку смолой. Сосенка словно заново расправила свой пышный убор.

«Расти, расти! Догоняй своих сестреноч!» – мысленно порадовался за нее Кирилл, отойдя чуть в сторону и любуясь стройной красавицей. И вдруг почувствовал, как в ноги ему ткнулось что-то холодное и мокрое. Он инстинктивно отпрянул в сторону и в тот же миг услышал голос Ольги:

– Полюбуйтесь, пожалуйста, они совсем уж подружились!

Действительно, у ног его, обняв бьюки, стояла Дэзи, а от края поляны, совсем с другой стороны, чем ждал Кирилл, шла ее хозяйка. На этот раз она была без книги, но с ярко-зеленым, в клетку, зонтиком, одетой в сильно расклешенную, такого же цвета юбку и белую полотняную кофточку.

Кирилл шагнул ей навстречу:

Здравствуйте, Ольга. Я думал, вы уж не придете...

– Да, у меня сегодня много дел. Но Дэзи не может без прогулки. А вы? Вы здесь, у нас, только отдыхаете?

– Нет, я тоже немного работаю. Надо закончить диссертацию.

– Диссертацию?! Разве преподаватели педучилищ обязаны писать диссертации?

– Напротив. Там смотрят на меня как на белую ворону. Но я не собираюсь вечно торчать в училище. Моя мечта – университетская кафедра.

– Вот как! На какую же тему ваша диссертация? Что-нибудь из атомной физики?

– Нет, я специализируюсь по газовым средам. Но атомной физикой интересуюсь еще со школы.

– И могли бы расшифровать любое изображение атома?

– Наверное. Смотря какое изображение. Кстати, вы знаете, что самой сенсационной находкой в тех раскопках, о которых я вам рассказывал, были рисунки, напоминающие стилизованное изображение атома. Трудно поверить, конечно. Но чем черт не шутит. Зато, если это подтвердится, то идея, которую вы высказали вчера...

– Какая идея? Простите, я уж и забыла...

– Я имею в виду вашу мысль, что если археологические раскопки докажут, что гибель древних цивилизаций...

– А, вспомнила! Но это так, к слову. Главное, что я хотела сказать... Но что же мы стоим? Давайте сядем вот хоть на эту лесину.

Она опустилась на поваленное дерево, с минуту подумала:

– Так вот, я хотела сказать, что данные археологии, да и всей исторической науки должны привлечь внимание людей к другому очень важному обстоятельству. Ведь в представлении наших предков природа всегда была неким божеством, некой святыней, малейшее осквернение которой считалось величайшим грехом. Возьмите любой учебник истории, прочтите, как древние египтяне поклонялись священному Нилу. А с каким чувством благоговения относились древние русичи к Волге- матушке или потомственные сибиряки к своему батюшке Байкалу.

– Это я знаю.

– Еще бы не знать! А вспомните, с каким восхищением и трепетом смотрели наши предки на весеннее половодье, как радовались благодатному дождю, первому снегу, с каким восторгом встречали возвращающихся из дальних стран птиц. Или их отношение к земле. Они и называли ее не иначе, как «землица- матушка», «мать – сыра земля», «кормилица наша».

– Да... Но все это, пожалуй, лишь отголоски древних языческих верований.

– Ни в коем случае! Сами языческие религии возникли как следствие извечного поклонения людей природе.

– А почему не страха перед ней?

– Был и страх. Но никто никогда не поклонялся страху. Поклоняться можно лишь силе, красоте, щедрости. И это главная задача истории – доказать, что и в былые времена отношение человека к природе определялось не столько страхом, сколько благоговением перед ее величием и красотой. Страх приходит и уходит, а чувство благоговения... Я не могу сказать за всех. Но для меня... Когда я возвращаюсь сюда из душного, пыльного, пропахшего бензиновой гарью города, мне хочется припасть грудью к земле, зарыться лицом в траву, хочется гладить стволы этих вот сосен, смотреть на плывущие по небу облака, на бьющий о камни прибой, слушать крик чаек и чувствовать себя частицей этого изумительного мира, может быть единственного во всей вселенной.

Она взглянула прямо ему в глаза:

– А вы? Разве вы никогда не переживали чего-нибудь подобного?

– Я как-то не задумывался над этим...

– Даже не задумывались?! Ну, знаете... – В глазах Ольги, только что светившихся теплом и вдохновением, мгновенно, точно серия взрывов, пронеслись растерянность, недоумение, гнев и наконец – горькое, испепеляющее разочарование. – Жить и не задумываться над тем, что живет рядом с тобой, жить и не замечать всей прелести окружающего тебя мира! Как можно...

– Нет, что касается моего отношения к окружающей среде, к проблеме сохранения природных ресурсов...

– Что?! Как вы сказали? Сохранение природных ресурсов? Всего лишь ресурсов?!

– Ну, может, я не совсем точно выразился...

– Нет, вы очень точно выразились. Точнее некуда! Я уже не раз слышала, как природу отождествляют со «средой обитания человека», с необходимыми ему «экологическими факторами» и тому подобным. Но вы выразились еще определеннее: природа всего лишь источник потребных человеку ресурсов. За сбережение их, конечно, надо бороться. Только знаете, что я скажу вам. Вам и всем, кто так же, как вы, борется за сохранение этой «среды» и этих «ресурсов»? Природа и среда обитания не одно и то же! И вами, в вашей борьбе, движет не благородный порыв, а всего лишь страх. Нет, не тот страх, о котором вы только что упомянули, говоря об истоках язычества. От этого страха вас, слава богу, избавила наука. Я говорю о другом страхе, страхе перед тем, как бы не исчезли на Земле все запасы пресной воды, как бы не пропал озоновый слой, как бы не были сведены все леса и не исчез плодородный слой земли, как бы не превратился в зловонную клоаку океан и не вымерла большая часть полезных растений и животных. Это, конечно, страшно. Но до тех пор, пока двигать вами будет только такой страх, а не искренняя бескорыстная любовь к природе, какая жила в крови наших предков, до тех пор вся ваша «борьба» останется лишь благими намерениями, какими, как говорится, дорога в ад вымощена. Я понимаю – это слишком резко, но... Иначе я не умею. – Ольга стремительно поднялась. – Дэзи – домой!

Она махнула рукой собаке и круто повернулась, чтобы уйти, но взгляд ее нечаянно упал на сосну, которую врачевал Кирилл. Она подошла к деревцу, провела рукой по возвращенной к жизни ветке, оглянулась на Кирилла:

– Ваша работа?

– Ждал вас, делать было нечего, вот и... – смущенно пробормотал Кирилл.

– Так-так... – она снова провела ладошкой по еле заметной ранке на коре. – Думаете, срастется?

– Должно срастись: излом свежий. Ветку обломил, должно быть, вчерашний вихрь.

– Да, я еще вчера это заметила, но мне и в голову не пришло... – она вернулась к лесине, с минуту почертила кончиком зонта по земле:

– Вот что, Кирилл... Я должна извиниться перед вами...

– Извиниться передо мной?! За что?

– За все, что наговорила вам только что. И еще... Сейчас мне действительно необходимо уйти. Но завтра или послезавтра, если у вас будет время, поднимитесь, пожалуйста, сюда. Часов в десять – пол-одиннадцатого. Мне надо сказать вам кое-что. А теперь – до свидания.

Кирилл встал.

– Нет, провожать меня не стоит. Так надо. – Она, не оглядываясь, пошла с поляны и быстро скрылась за деревьями.

«Рассказать мне кое-что... Но что?! Что могли значить эти слова? И почему узнать об этом можно будет только завтра или послезавтра, а сегодня нельзя даже проводить ее до дома?» Кирилл подождал, пока стихнут шаги Ольги, и медленно пошел за ней следом, снова и снова стараясь угадать, что скажет ему при новой встрече эта удивительная девушка. Интереснее этого, любопытнее этого, важнее этого не было и не могло быть теперь ничего на свете.

6

Вот почему утром следующего дня, едва позавтракав, еще задолго до назначенного времени он снова был на горной поляне. Здесь он прежде всего осмотрел сращенную им ветку сосенки – она была живой, затем полюбовался на игру двух молодых белочек, которые, не обращая ни малейшего внимания на присутствие человека, распушив хвосты, с громким цоканьем гонялись друг за другом вокруг массивного ствола большой сосны, потом поднялся на верхний обвод поляны и принялся ходить из стороны в сторону, нетерпеливо поглядывая на часы.

Время упорно не хотело подходить к десяти. Тогда он вернулся на тропу и пошел потихоньку вниз, надеясь встретить Ольгу там, на перегибе склона, но, пройдя с полсотни шагов, поспешил обратно на поляну, вспомнив, что вчера она ушла оттуда совсем другим путем, и принялся снова мерить шагами залитый солнцем пятачок.

Наконец стрелки часов придвинулись к десяти. Кирилл присел на успевшую прогреться лесину, стараясь унять охватившее его волнение. Разве можно было показать Ольге, что творилось у него в душе! А она, наверное, вот-вот покажется из-за деревьев со своей Дэзи.

Но прошло полчаса, час, еще час... Солнце поднялось почти в зенит. Сонная тишина нависла над поляной. А Ольга так и не пришла. Ждать ее здесь дальше было, по-видимому, совершенно бессмысленно. Тем не менее он посидел еще с полчаса, выждал, когда тень от сосны совсем уйдет с поляны и только после этого встал и нехотя побрел вниз, к поселку. Потеряв всякую надежду на встречу, он не свернул даже на тропу, а пошел напрямик через лес и спустился уже почти к самой опушке, когда за спиной у него раздался хруст сломанной ветки.

Ольга?!

Кирилл живо обернулся и увидел вывернувшегося из-за деревьев... Афоню. Тот был явно навеселе:

– А-а, знакомый приезжий! Наше – вам- с! – он сорвал с головы кургузую кепчонку и картинно помахал ею перед собой.

– Здравствуйте, Афанасий. Рад вас видеть, – постарался скрыть досаду Кирилл.

– Рад – не рад, а вот встретились. Я знал, что встречу тебя тут.

– Знали, что встретите меня здесь? – смутился Кирилл. – Это почему же?

– Да нет, это я так, вроде как в шутку, – усмехнулся Афоня. – А встретиться с тобой надо было. Дело есть.

– Слушаю вас.

– Да хватит тебе: вам, вас! Я же с тобой по-простецки.

– Ну, хорошо. Так что у тебя за дело?

– Дело-то... в общем, есть у меня к тебе большая просьба. Но потом. А сначала открою я тебе один секрет. Скажи, ты в летающие тарелки и всякие такие штуки веришь?

– Как тебе сказать...

– А если бы, к примеру, я показал тебе место, где лежит одна такая штуковина?

– Ты шутишь?!

– Зачем шучу? Могу показать хоть завтра. Только... Ты, я вижу, все-таки не веришь. Тогда смотри! Вот эту деталь я собственноручно оторвал от той штуковины, – Афоня пошарил у себя в кармане и протянул Кириллу небольшое металлическое кольцо красивого, золотисто-желтого цвета.

– Что это, золото? – удивился Кирилл.

– Я сам думал, что золото. Уверен был, что враз богачом стану. Ан нет! Показал я это колечко одному знающему человеку, так тот меня на смех поднял. Да ты и сам сейчас убедишься, что золотом тут и не пахнет. На вот, поцарапай его. – Афоня вынул из кармана нож и подал Кириллу. Тот попробовал царапнуть по кольцу. Однако нож лишь скользнул по блестящему металлу, не оставив на нем ни малейшего следа.

– Видал! – торжествующе воскликнул Афоня. – Да что нож! Тот, мой знакомый, чем только не царапал, вплоть до алмазного стеклореза. Ничего его не берет! Это тебе о чем-нибудь говорит?

– А о чем это должно мне говорить?

– А о том, как объяснил мой приятель, что кольцо это не иначе, как с летающей тарелки.

– Ну уж сказанул! Да мало ли сейчас всяких сверхтвердых сплавов наделано.

– Сейчас, может быть. А в то время... Ты знаешь, когда эта штуковина сделана?

– А ты знаешь?

– И я не знаю. Только, видно, очень давно. Я ведь ее еще пацаном в первый раз увидел. А теперь уж... Да не в этом дело. Это же совсем ни на что не похожая штукенция!

– Ну и где же она, эта «штукенция»? И почему никто о ней, кроме тебя, ничего не знает?

– Тут, понимаешь, целая история. Лет пятнадцать назад, когда я был еще босоногим мальчишкой, и были у меня отец и мать, даже маленькая сестренка, словом, все как у людей, вышли мы с отцом на рыбалку. Вышли, как всегда, на своей шаланде, сказали матери, что к обеду вернемся. А только отчалили от берега, отец нажал на весла и вдруг аж в лице переменился. «Глянь-ка, – говорит, – Афоня, за борт-то, что там за чудо такое?» Свесился я через борт, гляжу, а на дне, прямо под нами и вроде совсем не глубоко – шар не шар, яйцо не яйцо. Словом, круглое что-то. Круглое и большое: почитай в полтора твоих роста будет. А на море – штиль. На небе ни облачка. Солнце успело высоко подняться. Все дно, как на ладони. И шар этот, как медный самовар, блестит. Глядит на него отец и, видно, про рыбалку забыл. «Смотри, – говорит, – Афоня, шар-то вроде из золота или позолочен, как церковный купол!» А мне что золотой, что позолоченный. Я отродясь и золота-то настоящего не видел. «Ну и что, – говорю, – что золотой?» «А то, – творит отец, – неровен час, кто-нибудь другой его увидит. Это же богатство! Надо как-то замаскировать эту штуковину. Давай-ка к берегу!»

Ну, вернулись мы к берегу, отец оставил меня при лодке, а сам сбегал домой, приволок старый брезент, обвязал его со всех сторон камнями, погрузил в шаланду и как только мы снова подошли к тому месту, сбросил его прямехонько на шар. И ловко так! Мировецкий мужик был мой отец. «А ты, – говорит мне, – никому ни слова! Даже матери – ни гу-гу!»

Так вот сховали мы свою находку. А вскорости отец слег, да так и не встал. Через месяц или около того похоронили мы его. Ну и, сам понимаешь, до шара ли мне тогда стало. Первое время я ни разу и не вспомнил о нем. А потом, если и вспоминал иной раз, то разве только чтоб потрепаться перед ребятами, хоть те почему-то и не очень интересовались этим делом.

Снова же я решил подобраться к своему чуду месяца за три до той драки, о которой тебе рассказывал. Решил из-за спора с одной девчонкой и даже не из-за спора, а как тебе сказать... В общем, хотел я доказать ей, что она как-то связана с этой штуковиной...

– Связана с этим шаром?! Девочка из вашего поселка? – не поверил своим ушам Кирилл.

– Да, из нашего. Сейчас ты, наверное, совсем уж за сумасшедшего меня примешь. Сейчас я и сам бы так подумал. А тогда... Эх, было времечко! Словом, достал я тогда акваланг, нырнул в заветное место, да еле разыскал свою находку: брезент уж сплошь илом покрылся, ракушником порос. А шар под ним, как был, так и остался – новехонек. Но сколько я ни пытался раскрыть его, найти

какую-нибудь дверцу, окошечко, хоть щелку наконец, ничего не получилось. Вот только это колечко и удалось оторвать. Ну, что ты теперь скажешь?

– Что я скажу?.. Мне больше всего непонятно, о какой связи этого шара с какой-то девочкой ты упомянул. Ты что, решил, что она приплыла или прилетела на этом аппарате?

– Ну, это тебя не касается! Этого я не должен был и говорить, черт знает, как вырвалось. Ты скажи мне одно, хочешь взглянуть на эту штуковину или нет?

– Хочу, конечно, как не хотеть! А как мы доберемся до нее?

– Это уж моя забота. А только услуга за услугу. Я тебе шар, а ты мне... Ты говоришь, ты физик? И, стало быть, знаешь, как изготовить какую-нибудь взрывчатку. Вот и скажи мне, как это сделать?

– Взрывчатку?!

– Ну да. Что ты так удивился?

– Да зачем тебе взрывчатка?

– Скажу и это. Никому другому не сказал бы, тебе скажу. Да я уж говорил в прошлый раз. Я должен отомстить непременно за все, что со мной сделали. Это теперь стало единственной целью, единственным смыслом моей жизни. Я должен взорвать эту дьявольскую фабрику, чтобы и духу от нее не осталось.

– Взорвать фабрику? При всей охране, какой она наверняка напичкана?

– Охрана есть, это точно. Но она только снаружи. Внутри эки расконвоированы. А проникнуть внутрь... Нет ничего проще. Я знаю, куда выходит канализационный сток. Там, правда, решетка. Но снаружи ее можно открыть, я пробовал. На фабрике же я знаю все ходы и выходы. Знаю и где взрывчатку заложить, чтобы вернее ухнуло. Словом, я все продумал. Но вот взрывчатка... Где ее добыть? Говорят, можно купить на барыге. Но за какие шиши? Работать я не могу, воровать не умею. Говорят также, можно сделать ее самому. Вот ты и подскажи мне, как это, из чего?

– Нет, Афанасий, этого я тебе не скажу. И не потому, что не знаю. Если б и знал, не сказал.

– Почему?

– Потому, во-первых, что этим ты не отомстишь тем, кто действительно исковеркал твою жизнь. А главное, потому, что не могу подвергнуть гибели невинных людей.

– Нет, ты не понял меня. Я все сделаю ночью, когда на фабрике никого не будет.

На фабрике – может быть. Но ты представляешь, что произойдет в результате взрыва такого объекта? В воздух поднимется туча радиоактивной пыли, она разнесется на десятки, а то и сотни километров. И тысячи людей будут обречены на мучительную гибель. О них ты подумал?

– А они обо мне думают? Они меня жалеют. Ты вот хоть говоришь со мной. А другие и близко не подходят, говорят, у меня внутри сидит этот проклятый атом и я сам могу любого погубить. А ведь я... Да что, я сам всадил в себя эту мерзость? Ладно, не хочешь помочь, не надо! А только я от своей задумки не отступлюсь. Ээ-х, никто меня не понимает!

Лицо Афони исказилось, как от лютой боли, он скрипнул зубами, а по худой небритой щеке его поползла мутная слеза. Острая жалость током пронзила Кирилла. Он непроизвольно тронул Афоню за плечо.

– Послушай, Афанасий. Я понимаю тебя, но посуди сам...

– Уйди! Где тебе понять! И всем вам, здоровеньким и сытеньким! Вам только жить да радоваться, а мне... – он круто повернулся и медленно, тяжело ступая, пошел вниз по склону.

Кирилл снова углубился в лес. Что-то не позволило ему пойти вслед за Афоней, вернуться в поселок, к морю, где действительно все дышало радостью жизнелюбия и эгоизмом благополучия и счастья.

Но не прошло и полчаса, как мысли его – как тут было не согласиться с Афоней – вновь вернулись к Ольге, а из всего услышанного от Афони на первый план выдвинулась удивительная история с таинственным шаром и прежде всего вырвавшееся у него предположение, что была какая-то связь между этим загадочным аппаратом и одной из девочек Прибрежного. Афоня, правда, не захотел даже говорить на эту тему. Но что-то заставляло Кирилла думать, вернее, ему хотелось думать, что этой девочкой была маленькая Ольга.

Оба последующих дня были днями больших ожиданий. Но напрасно каждое утро, сразу после завтрака, Кирилл поднимался в сосновую рощу и чуть не до самого обеда мерил шагами пустую

полян. Ольга не пришла сюда ни завтра, ни послезавтра. И только на третий день, когда он потерял всякую надежду на встречу и пришел в рощу лишь потому, что не знал, куда себя деть от навалившейся тоски, на поляну вдруг выскочила рыжая Дэзи, а вслед за ней показалась и ее пропавшая хозяйка.

Кирилл поспешил ей навстречу, тщетно стараясь скрыть переполнившую его радость. Но девушка даже не взглянула на него.

– Простите, Кирилл, я не могла прийти раньше, – проговорила она, не поднимая глаз. – Вы, наверное, очень рассердились на меня?

– Нет, с какой стати. Но у меня было достаточно времени обдумать все, что вы сказали.

И сопоставить с тем, что наговорила обо мне ваша хозяйка?

Кирилл почувствовал, что краснеет:

– Да она, собственно...

Знаю. Знаю все, что говорят обо мне здешние сударушки: я и белоручка, и гордячка, и...

– И «принцесса на горошине», – подхватил со смехом Кирилл.

– Вот-вот! – сразу оживилась, словно оттаяла, Ольга. – Только никто из них не видел рук этой «принцессы», а между тем... – она протянула Кириллу свои маленькие ладошки, где отчетливо просматривались большие грубые мозоли. – Видите, никакой крем не помогает. Земля требует не только платонической любви. И я люблю ее именно так. Чего не скажешь, к сожалению, о большинстве моих хулителей. Для них, таких, как ваша хозяйка, земля всего лишь источник доходов. Они не лелеют, а терзают свою кормилицу. Да вы видели ее уголья?

– Но ведь и ваши родители... – не удержался Кирилл.

– Да, и мои родители. В этом отношении они ничуть не лучше тетки Лизаветы и ей подобных. Только... Вы, наверное, слышали уже, что они мне вовсе не родители.

– Да, я слышал, что вы... Только не совсем понял...

– Вернее, ничего не поняли. И не могли понять. Я сама еще многого не понимаю. Но мне нужно понять. Нужно! И я хотела бы... – она с минуту помолчала. – Для начала я хотела бы немного рассказать вам о себе.

– Я буду рад...

– Не надо, Кирилл! Не надо этих дежурных фраз. То, что я скажу, не доставит вам никакой радости. Но я должна посвятить вас в кое-какие детали своей жизни, потому что... Потому что мне понадобится ваша помощь.

– Вы можете рассчитывать на меня, Ольга! – ответил Кирилл с жаром. – Для вас я...

– Ну вот, опять! – воскликнула девушка с деланным неудовольствием. – Но я верю в ваши рыцарские чувства. Хотя должна буду и сразу разочаровать. Вам не придется ни рисковать ради меня жизнью, ни даже менять свой дачный режим. Я только попрошу вас, как специалиста, помочь мне разобраться в одной физической головоломке. Но это после... А сейчас давайте сядем снова на нашу лесину и постарайтесь не перебивать меня.

Она с минуту помолчала, словно собираясь с мыслями, затем заговорила медленно и тихо, будто всматриваясь в далекое прошлое:

– Случилось так, что какое-то страшное, непонятное происшествие раскололо мою жизнь на две очень неравные и очень не одинаковые части. Одна – мое раннее детство, до появления здесь, в Прибрежном. Другая – продолжение детства и все, что было после него в семье Полипчуков.

Первую я помню очень смутно, точно обрывки неясного сна: в памяти всплывают то какие-то мрачные, сырые, плохо освещенные подземелья, то, наоборот, – большие, ослепительно сверкающие на солнце каменные сооружения, клубы раскаленной пыли, потрескавшаяся от нестерпимого зноя земля. И ни там, ни здесь – ни единой травинки, ни крохотного кустика. А главное – ни одного счастливого лица. Какая-то сплошная безысходность.

Вторую часть жизни я, напротив, помню очень хорошо. Вернее, могла бы помнить хорошо. Если бы было что вспоминать...

А вот переход от первой части ко второй... Я не знаю даже, как сказать вам... Это что-то совершенно необъяснимое, какая-то тайна, которая не дает мне покоя до сих пор. Я никак, сколько ни бьюсь, не могу вспомнить, чем закончилась моя жизнь в той мертвой, агонизирующей пустыне, зато отлично, словно это было вчера, вижу день моего появления здесь.

Я проснулась в тот день в очень удобной постельке, под открытым небом. День был ясным, солнечным. В лицо дул теплый, влажный ветерок. Пахло морем и какими-то неведомыми цветами. Надо мной склонились лица отца и матери. И оба они улыбались счастливой радостной улыбкой.

Скоро я поняла, что мы в лодке, точнее, не в лодке, а в большой, плывущей по морю ладье-катамаране, очень странной ладье. Представьте себе раскрытую раковину двустворки. И в одной из таких «створок» – мы, трое пассажиров, а в другой какие-то шланги, приборы механизмы. Я приподнялась на своем ложе и увидела берег. Он был совсем рядом, зеленый, благоухающий, отороченный белой полосой песчаного пляжа. Не прошло и полчаса, как наша ладья причалила к берегу, и мы сошли на этот пляж.

Это были счастливейшие минуты в моей жизни. Помню, что всю меня просто-таки распирала огромная беспричинная радость. Но почему-то очень кружилась голова. И трудно было стоять на ногах. Кажется, у папы с мамой было то же самое. Я видела, как они отошли немного в сторону и, присев на землю, о чем-то долго шептались, посматривая то на меня, то на небольшой поселок, смутно видневшийся сквозь чащу деревьев. Потом папа пошел по дороге в гору, а мама взяла меня на руки и снова перенесла в ладью.

Там мы сидели долго, видимо, ждали папу. Но он все не появлялся. А маме вдруг стало плохо. Я видела, как она борется со слабостью, стараясь не показать этого мне. Я тоже чувствовала себя неважно: по-прежнему сильно кружилась голова, к горлу подступала тошнота.

Между тем наступил вечер, стало быстро темнеть. Тогда, мы с мамой снова перебрались на берег и потихоньку пошли к поселку. Шли долго, потому что время от времени мама опускалась на землю и сразу не могла встать. Стало уже совсем темно, когда мы подошли к маленькому белому дому и присели на крыльцо перед закрытой дверью. Здесь у меня снова заболела голова и страшно захотелось спать. Я положила голову к маме на колени и уже сквозь сон услышала ее последние слова. Она сказала что-то вроде того, что ей надо еще раз побывать на берегу и что-то сделать в нашей ладье, так как иначе мы не сможем встретиться с папой. Но я уже почти не слышала ее, я спала.

Утром я проснулась на том же крыльце, но что это было за пробуждение! Мамы не было. А вокруг меня собралась огромная толпа мужчин, женщин, детей. Все они что-то громко говорили, спорили, показывали на меня пальцем, бесцеремонно рассматривали со всех сторон.

Потом кто-то взял меня за руку и ввел в дом. Здесь меня накормили, напоили, снова без конца задавали какие-то вопросы. Но я не могла понять ни слова. Я только плакала, звала маму, рвалась убежать на берег, к нашей ладье. Однако меня не пускали, держали за руки, наконец заперли в какой-то чулан и оставили одну...

Так началась моя жизнь в доме Полипчу-ков. Страшно вспомнить, что это были за дни и ночи в чужой семье, среди чужих людей. Правда, дядя Игнат и тетя Степанида ничем не обижали меня и делали, кажется, все возможное, чтобы скрасить мое сиротство. И тем не менее...

Ольга замолчала и долго смотрела куда-то вдаль, словно забыв о присутствии Кирилла. Он тоже молчал, боясь нарушить ход ее воспоминаний. Наконец сказал:

– Что же дальше?

– Что дальше... Дальше была сплошная беспросветная тоска. И еще надежда. Надежда, что когда-нибудь папа с мамой вернутся и заберут меня к себе. Только это и помогало мне жить. Но шли годы, а вместе с ними уходила и надежда. Теперь она ушла совсем.

– Кто же были они, ваши отец и мать? Откуда привезли вас сюда?

– Если бы я знала! Я рассказала вам все что могла вспомнить.

– И все-таки, подумайте еще. Там, где вы жили с отцом и с матерью, вам приходилось конечно, смотреть и на ночное небо, и вы могли бы вспомнить... Нет, не рисунок расположения звезд: это было бы слишком сложно для маленькой девочки. А хотя бы то, появилась ли у вас луна?

Она грустно усмехнулась:

– Уж не хотите ли вы предположить, что мы прибыли совсем с другой планеты или с другой звезды?

– Я просто хочу помочь разгадать вашу тайну.

– Я понимаю... Кстати, один наш сельчанин, Афоня Болдин, да вы, кажется, знаете его, сейчас о нем нельзя говорить без боли, а тогда, лет пять назад, это был красивый веселый парень,

выдумщик, балагур и такой фантазер, каких я никогда больше не встречала. Так вот, этот Афоня отозвал меня однажды в сторону и говорит: «А я знаю, кто ты. Ты – инопланетянка». Я, понятно, только рассмеялась в ответ. А он принялся всерьез доказывать, что это именно так, а не иначе, и даже пообещал показать какой-то аппарат, на котором я якобы прилетела. Чепуха, конечно, страшнейшая, но... А почему вы так на меня смотрите. Или все-таки думаете, что я действительно прилетела откуда-то с Магелланова Облака или из Туманности Андромеды? Что же, оснований для этого у вас больше, чем у Афони: ему я не рассказывала всего, что рассказала вам.

– Нет, это, конечно, на грани здравого рассудка, – смутился Кирилл, – и тем не менее...

– И тем не менее вы готовы допустить такую возможность? Так я разочарую вас. Нет, Кирилл, я родилась на Земле. Я отлично помню, что видела в детстве и луну, точно такую, какая всходит здесь, в Прибрежном, и даже ковш Большой Медведицы. И потом... У нас, женщин, есть одна физиологическая особенность, мне не совсем удобно о ней говорить, но вы, очевидно, сами догадываетесь, о чем идет речь. Так вот, эта особенность протекает у меня так и в точно такие же сроки, как у всех других женщин Земли. Простое совпадение тут, как вы понимаете, абсолютно исключено.

– Да, пожалуй. Но Афоня и мне говорил о каком-то загадочном аппарате, какого якобы нет на Земле, и местоположение которого на дне моря известно ему одному.

– Афоне можно верить. Аппарат такой возможно, и существует. Не исключено даже, что это наша затонувшая ладья. Но к космосу он тем более не имеет ни малейшего отношения. Я, честно говоря, и хотела бы оказаться не женщиной Земли, у меня есть на это свои причины. Но факты, как видите, говорят о другом... Хотя должна вам признаться, есть во мне что-то такое, что отличает меня от всех знакомых мне людей. Нет, не внешне и даже не во внутреннем складе. А где-то на уровне подсознания, на уровне самых сокровенных глубин моей души, что-то такое, что я не могла бы выразить никакими словами. Так что какая-то тайна все-таки преследует меня. Только связана она не с космосом, не с инопланетными цивилизациями, а с чем-то другим, может быть, еще более невероятным.

– Но с чем же? С чем? Давайте подумаем вместе. Вы говорите, что родились не здесь, а где-то далеко отсюда, в стране пустынь и подземных катакомб и однажды утром, словно очнувшись от сна, очутились в этой бухте, неподалеку от берега, в какой-то не совсем обычной морской посудине. Значит, вы могли только либо спуститься сюда с неба, либо приплыть по морю. Небо вы исключаете. Остается море. Я готов допустить, что в силу каких-то конструктивных особенностей ваша ладья могла приплыть и откуда-то издалека. Может быть, очень издалека. Но, насколько я знаю, на берегах Черного моря нет таких пустынных стран, какая сохранилась в вашей памяти.

– Не в этом дело. Это мог быть и какой-нибудь остров и небольшое ущелье где-нибудь в горах. Главное, что я, даже будучи ребенком, ощущала там какую-то всепронизывающую безысходность, предчувствие какой-то неминуемой беды, чего-то такого, что называют концом света. И потом, я не могу вспомнить ни одного дня нашего морского путешествия. Будто какая-то неведомая сила мгновенно перенесла нас из тех мрачных подземелий в этот солнечный мир. Тогда мне казалось, что прошла одна ночь, а наутро я проснулась здесь, в красивой светлой бухте. Да и сам катамаран. Он был не больше прогулочной шлюпки, и в нем не было абсолютно ничего, что могло бы позволить длительное время путешествовать по морю. И еще одна деталь – и папа, и мама, насколько я могу судить по памяти, были абсолютно не похожи на мореходов и вообще на путешественников. Помнится, папа даже заметил, что он совершенно не умеет плавать, и очень боялся, как бы наша ладья не зачерпнула воды. Это у самого-то берега!

– Кем же он был, на кого был похож ваш отец?

– Кем он был – я не знаю. Дети такого возраста, в каком была я, не задаются подобными вопросами. А на кого он был похож... Она чуть замялась. – Вы знаете, он был похож на вас...

– На меня?!

Да. И не только внешне. Но и тем, как вы говорите, смотрите. Потому я так сразу и... Мне иной раз казалось, что вы вдруг улыбнетесь, как улыбался когда-то он, и заговорите на нашем языке...

– А вы помните ваш язык?

– Конечно! Разве можно забыть родную речь. Часто, когда я остаюсь одна, я говорю сама с собой на нашем языке. Только на этом языке я думаю, мечтаю...

– И никогда не попытались выяснить, что это за язык?

– Ну как же! В последние два года, будучи уже студенткой, я специально занималась этим. Восстановила по памяти нашу азбуку: к счастью, меня в раннем детстве научили читать и писать. Составила несколько текстов. Съездила даже в Москву, в институт языкознания. Но все тщетно. Нашего языка не знает никто.

– Удивительнейшая история! А у вас не осталось что-нибудь из старых привезенных с собой вещей?

– Вот об этом я и хотела с вами поговорить. Помнится, когда я проснулась в то утро, на крыльце Полипчуков, рядом со мной был небольшой, завернутый в простынку сверток. Женщины, окружившие меня, сразу развернули его: там оказалось что-то из бельишка, теплая пуховая кофточка и что-то вроде толстенькой малоформатной книжки.

– Книжки? – насторожился Кирилл.

Я не могу сейчас вспомнить точно. Скорее, что-то похожее на книгу. Во всяком случае, внутри нее были бумажные листы с рукописным текстом, как в самой обыкновенной книге. А вот снаружи... Снаружи, вместо картонной или коленкоровой обложки, страницы прикрывались двумя массивными, красиво инкрустированными металлическими пластинами. В тот день я и не подумала поближе рассмотреть, что это были за пластины. До того ли было! А вот сейчас мне кажется, что это было золото с перламутром.

– Эге! – не мог не воскликнуть Кирилл.

– Да. И потому красивая вещица сразу пошла по рукам, слышались ахи-охи, и не успела я, как говорится, глазом моргнуть, как «книги» и след простыл.

– И больше вы не видели ее?

Ольга вздохнула:

– Нет, не видела. Позже, став уже взрослой, я обыскала весь дом Полипчуков, обшарила все их тайники и тайнички – безрезультатно.

– А их самих не пытались расспросить?

– Спрашивала и не раз. Оба в один голос заявили, что видеть книгу видели, но куда она делась в суматохе того дня, знать не знают.

– И вы им верите?

– Какое это имеет значение? Вещь пропала.

– Ну, а от одежды, оставшейся в свертке, тоже ничего не осталось? Ведь при современных методах криминалистики...

– Нет, где там, через столько лет!

– Значит, ничего, ничего...

– А вот этого я еще не сказала. В последнюю минуту, прежде чем уйти, мама набросила мне на шею цепочку с большим красивым медальоном. Помнится, в то страшное утро все почему-то хотели сорвать с меня эту вещицу. Но я вцепилась в нее обеими ручонками, кричала, отбивалась головой, ногами, даже кусалась. Потом спрятала ее. И с тех пор медальон не видел, кроме меня, никто.

Она перевела дыхание, быстро взглянула на Кирилла:

– Так вот, мне кажется, эта вещица может помочь проникнуть в мою тайну, только... В общем, я не могу медальон раскрыть. Для этого надо знать какой-то код, расшифровать какие-то знаки, нанесенные на его поверхности. Кажется, что-то из атомной физики. Но для меня она темный лес. А обратиться к постороннему человеку... До сих пор это казалось мне абсолютно невозможным. Однако теперь, когда я узнала, что вы физик, и почувствовала, что могу довериться вам... Словом, я хочу просить вас взглянуть на эту вещицу.

– Что же, давайте посмотрим. Медальон при вас?

– Нет, что вы! Я прячу и перепрытываю его в самых разных местах. Особенно в последние годы, когда поняла, что может значить прощальный подарок мамы. В последний раз я закопала его далеко в лесу, на берегу небольшого озера. И если вы согласитесь, завтра мы смогли бы пойти туда.

– О чем говорить! В любое удобное для вас время.

– Но это очень далеко.

– Хоть на границу с Турцией.

– Тогда так. Если мои Полипчуки уедут на рынок...

- А они могут и не поехать?
- Всякое бывает. Так вот, если они уедут, то вы спуститесь на пляж и будете ждать меня у большого камня. Знаете такой?
- Да, конечно.
- И еще. Пойдем надолго, так что захватите с собой сумку или рюкзачок.
- С недельным запасом продовольствия? – рассмеялся Кирилл.
- Нет, еду я приготовлю сама. Не стоит вызывать у вашей хозяйки лишних вопросов. Но понесете все вы. И захватите курточку или плащ на всякий случай. Ну и конечно – никому ни слова.

8

- Вот оно, мое любимое озерко! – сказала Ольга, стараясь унять дыхание и отирая пот с лица. Кирилл сбросил с плеч рюкзак, спустился к самой воде, освежил лицо и руки. Озеро было невелико, не более двух-трех десятков метров в поперечнике и имело форму почти правильного овала. На берегу его, густо поросшем самшитом, высилось несколько старых-престарых платанов. Вода отливала чистой бирюзой. С одной стороны к озеру примыкала горная тропа, которая привела их сюда и уходила дальше вверх, к самому перевалу. На другой стороне возвышалась небольшая полуразрушенная часовня, прямо из-под основания которой вырывался мощный подземный водоток.
- Да, красотища! – не мог удержать возглас восторга Кирилл. – Как вам посчастливилось откопать такую прелесть?
- Как вам сказать... – словно очнулась Ольга. – Года три назад я загорелась мыслью отыскать следы отца, прошла по здешним тропам и случайно наткнулась на этот уголок. С тех пор я бываю здесь раза два-три каждый месяц. Сiju, смотрю на часовенку, вспоминаю отца. Ведь именно сюда, в эту сторону, он ушел в тот первый день.
- И не страшно одной?
- С Дэзи не страшно.
- Ну, а следы? – напомнил Кирилл. – Встретилось вам что-нибудь?
- Нет, конечно. Впрочем, эта вот часовня... Мне почему-то кажется, что я наткнулась на нее неслучайно. Мне трудно объяснить... Но я думаю, что есть какая-то связь между ней и всем, что произошло с моими близкими и мною. Вот почему меня тянет сюда. Здесь я решила спрятать самую дорогую для меня вещь. Сейчас вы ее увидите.
- Ольга вынула из рюкзака садовый совок, подошла к одному из платанов и, сдвинув в сторону лежавший там камень, начала осторожно раскапывать оставшийся от него след в земле. Через минуту в руках у нее была небольшая пластмассовая коробочка. Она вернулась к Кириллу:
- Теперь расстелите ваш плащ и приготовьтесь поработать головой.
- Он выбрал в тени платана место поровнее, опустил на плащ. Ольга присела рядом.
- Вот смотрите, – она извлекла из коробки небольшой сверток и, развернув его, положила на ладонь Кирилла изящное платиновое изделие, выполненное в форме дубового листа, на гладкой поверхности которого было действительно выгравировано нечто похожее на модель атома.
- Что, очень мелко? – спросила Ольга, следя за его взглядом.
- Да, мелко...
- А я захватила лупу.
- Вот это хорошо.
- Теперь можно было отчетливо рассмотреть все детали выгравированного рисунка. Вокруг точки, лежащей в центре, располагалось несколько замкнутых кривых: две первые имели вид концентрических окружностей, на каждой из которых были хорошо видны по две симметрично расположенных точки, затем следовал эллипс с шестью точками, затем снова окружность с двумя точками и наконец второй эллипс также с шестью точками. Можно было не сомневаться, что это отлично выполненная модель атома аргона.
- Все ясно, Оля! – поспешил обрадовать свою спутницу Кирилл. – Это электронная схема благородного газа аргона.
- Аргона?! – удивилась Ольга.
- Да, вот, смотрите. В центре схемы – атомное ядро. Вокруг него два «s» электрона первой электронной оболочки. Дальше – два «s» и шесть «p» электронов второй оболочки. И наконец –

два «s» и шесть «р» электронов третьей оболочки. Получается: $1s^2 2s^2 p^6 3s^2 p^6$ – электронная формула аргона. Вы ведь проходили это в школе, на уроках физики, помните такие формулы?

– Да, что-то припоминаю... Хотя я никогда не увлекалась физикой. Но почему аргон?

– Пока не знаю. Надо подумать... А эти кривые линии вокруг рисунка?

– Это не просто линии, это какие-то шкалы с делениями. Видите?

– Да-да. И вдоль них...

– Вдоль них идут тончайшие прорезы, в которых движутся крохотные рычажки.

– Так-так... Кажется, я начинаю кое-что понимать... Шкалы с делениями и движущиеся вдоль них движки, которые можно ставить на то или иное деление... Значит, если движки на всех четырех шкалах встанут в нужное положение, то...

– То крышка медальона откроется?

– По-видимому, так. Иначе к чему весь огород городить. Но что за нужные положения? Это и должен подсказать центральный рисунок. Здесь изображена электронная модель аргона. Значит, и положения движков на шкалах должны соответствовать каким-то атомным константам именно этого элемента. Теперь – каким константам? Это нам подскажет количество делений на каждой из шкал. Давайте-ка подсчитаем их.

– Я уже считала. И не раз. В этой вот, самой короткой – девяносто два деления.

– Что вы говорите! Девяносто два? Отлично!

– Эта цифра вам о чем-то говорит?

– Конечно! Девяносто два! Это же порядковый номер последнего элемента периодической системы. А наш аргон стоит на восемнадцатом месте. Значит, движок на этой шкале надо поставить на восемнадцатое деление. Ставьте, Оля. Ваши пальчики для этого больше приспособлены.

Ольга поставила рычажок в нужное положение.

– Так, – кивнул головой Кирилл. – Займемся второй шкалой. Сколько делений в ней?

– Двести тридцать восемь.

– Двести тридцать восемь... Двести тридцать восемь... Ну, ясно! Двести тридцать восемь – максимальный атомный вес, атомный вес урана. А у нашего аргона?

– Кажется, тридцать шесть, – Ольга поставила движок на нужное деление, но не успела отвести палец, как оба рычажка сдвинулись в нулевые положения.

– Прекрасно! – невольно рассмеялся Кирилл.

– Что прекрасно? – растерянно взглянула на него Ольга.

– А то, что ваш медальон, кроме всего прочего, прекрасный экзаменатор. Атомный вес аргона не тридцать шесть, а сорок. Давайте-ка все сначала.

– Та-ак, – снова склонилась над шкалами Ольга. – Первый рычажок на восемнадцать, второй на сорок. Верно! Теперь оба они стоят на месте.

– Так и должно быть. Займемся шкалами, лежащими слева. Сколько делений в первой из них?

– Двести семьдесят четыре.

– Двести семьдесят четыре... – Кирилл задумался. – Двести семьдесят четыре... Что же это за атомная константа, максимальное значение которой равнялось бы такой величине? Нет, не вспомню. А эта, последняя шкала?

– В ней двести сорок пять делений.

– И эта цифра ничего мне не говорит. – Кирилл встал и несколько раз прошелся вдоль берега. – Нет, решительно ничего не могу припомнить! Вот положение! Все так удачно началось, а кончилось... Если б угадать значение хоть одной из этих шкал...

– Что бы тогда?

– Тогда положение движка на последней мы смогли бы найти, просто передвигая его с деления на деление.

– А если сделать это на обеих шкалах?

– Ничего не выйдет. И дело не только в том, что нам пришлось бы испробовать двести семьдесят четыре на двести сорок пять – шестьдесят семь тысяч сто тридцать положений. Это куда бы ни шло. Главная беда в том, что при каждом неверном ходе, как мы теперь знаем, все рычажки будут возвращаться в нулевые положения. А начинать более шестидесяти семи тысяч раз все сначала...

– Что же делать? – сказала Ольга упавшим голосом.

– Выход один: ехать мне в город и перерыть там в какой-нибудь библиотеке все физические справочники.

– Ехать в Чернореченск? Но ведь это займет целый день, если не больше. Я не могу позволить, чтобы ради меня...

– Ну, это не только ради вас. Меня самого заинтересовала тайна медальона. К тому же мне надо побывать в городе. Я просил адресовать письма именно туда, на главпочтамт, до востребования.

– Это другое дело. Тем более, если письма от жены или невесты...

– Нет, письма могут быть только от матери. Ни женой, ни невестой я еще не обзавелся.

– Что так?

Кирилл пожал плечами:

– Не знаю...

– Неужели у вас никогда не было любимой девушки?

– Была. Да вышла замуж. За другого.

– Как же вы допустили это?

– Что значит – допустил! Я был к ней всей душой. А она... В общем, заявила, что ей не нравятся такие. Так и сказала: не нужен мне такой бука...

– Что-что? – рассмеялась Ольга – «Такой бука?» Так она и сказала? А ведь вы, в самом деле... бука. Да не обижайтесь, не обижайтесь на меня. И уберите со лба свои сердитки. Мне как раз нравятся буки. Таким же букой, если хотите знать, был мой отец, я уже говорила вам. И вот что, Бука, давайте-ка обедать!

Она спрятала медальон и, разостлав на земле салфетку, принялась выгружать из рюкзака приготовленную ею еду. Чего тут только не было! И огурцы, и помидоры, и колбаса, и сыр, и маленькие подрумяненные пирожки, и термос с горячим кофе. Недаром так намял ему плечи рюкзак.

– Но прежде покормим Дэзи, – продолжала Ольга, извлекая увесистый пакет с мясом. – Нет-нет, Дэзи, ты будешь обедать вот здесь, у этого куста, не будем мешать друг другу. А вы, Кирилл, мойте руки и выбирайте, что вам по душе. Все овощи абсолютно свежие, прямо с грядки. А пирожки я пекла сама.

Она занялась собакой, а Кирилл начал снова перебирать в голове все известные ему константы атомной физики. Да разве удержишь в памяти такую уйму цифр!

– Почему вы не едите? – сказала Ольга, возвращаясь несколько минут спустя к «столу».

– Я жду вас.

– Ждете меня? Зачем? Ах да, вы же бука! – снова рассмеялась она. – Ну давайте, я поухаживаю за вами.

– Нет уж, предоставьте это мне, – не мог не ответить улыбкой Кирилл. Он вынул нож и принялся нарезать хлеб, не переставая удивляться столь резкой перемене, происшедшей с его спутницей. Куда девалась вся ее холодность и высокомерие. В течение всего обеда она не переставала шутить, сыпать остротами, со смехом вспоминать забавные истории, каких немало случалось меж ее приемными родителями и меткой на язык теткой Лизаветой. Давно у Кирилла не было так легко и празднично на душе, как в этот полуденный час под сенью старого могучего платана.

Но вдруг будто невидимое облачко набежало на глаза Ольги. Взгляд ее был обращен в сторону часовни. Всю ее только что накрыла тень близ стоящего дерева, и теперь, строгая, внезапно потемневшая, она, видимо, вновь вернула девушку к ее грустным воспоминаниям.

– Скажите, а кто ваши родители, Кирилл? – спросила она, не отводя глаз от древней святыни.

– Мать работала в библиотеке, сейчас на пенсии и очень больна. А отец умер. Давно, когда я был еще совсем маленьким. Он был много старше матери, женат на ней вторым браком. Так что вся моя жизнь прошла вдвоем с мамой.

– А первый брак отца не оставил вам сестры или брата?

– Был брат...

– Что значит – был?

– Я никогда не видел его. В свое время отец не считал нужным познакомить нас. А после смерти папы мы потеряли всякую связь с прежней его семьей. И лишь стороной узнали, что единственный сын их пропал при каких-то странных невыясненных обстоятельствах лет пятнадцать назад здесь, на Кавказе.

– Здесь, на Кавказе?! И вы не знаете точно, где?

– Не знаю. У нас с мамой не принято было говорить на эту тему.

– А вы... Вам тоже довелось, как я поняла, немало путешествовать?

– Мне пришлось несколько раз выезжать на заработки. Иначе я не смог бы закончить университет. Так вот, просто отдохнуть, я выбрался в первый раз.

– И то с работой?

– Надо закончить диссертацию. Без нее мне, сами понимаете...

– А я еще отвлекаю вас своими заботами. Извините меня. И пойдете, пора в обратный путь.

– Да нет, я не тороплюсь, – сказал Кирилл. – И если вы не возражаете, хотел бы пройти на ту сторону озера, поближе взглянуть на эту часовню.

– Правда? Вы словно прочли мои мысли. Я тоже хочу подойти к ней. С некоторых пор это стало для меня своего рода ритуалом. Дэзи, к вещам! – скомандовала она, чуть повысив голос.

Умная собака тотчас залегла возле рюкзака. А Ольга, кивнув Кириллу, пошла в обход озера. Выйти на его противоположный берег не составило ни малейшего труда. Но берег этот оказался совсем иным, сырым и каменистым. Сильно искривленные кусты самшита росли здесь редкими куртинами. А ближе к часовне не было даже травы. Не было заметно тут и никакой тропинки или иных следов пребывания человека. Видно, люди давно забыли дорогу к кем-то воздвигнутому капищу, и мало кто приходил сюда в последние годы, а, может, и десятилетия, поклониться древней святыне.

Это темное мрачное сооружение стояло на голой, слегка обколотов глыбе известняка, едва прикрытого космами мха и лишайника, и подойти к нему можно было только сзади, потому что прямо перед ним образовалась глубокая промоина, на дне которой, шипя и пенясь, вырывался из-под земли мощный водный поток. Сама часовня была сложена из дикого камня и в верхней части, где чернела глубокая ниша, сильно обвалилась, обнажив основание грубо выкованного проржавевшего креста.

Кирилл взобрался на скользкую глыбу, чтобы заглянуть в темную нишу и вдруг увидел на нижнем обводе ее несколько отчетливых свеженацарапанных знаков. Знаки эти слегка напоминали буквы готического шрифта, но каждый из них сопровождался одной или несколькими точками, нанесенными над верхней кромкой знака. Ничего подобного Кирилл не видел нигде и никогда.

– Оля! – окликнул он свою спутницу. – А вы обратили внимание на эту странную надпись, вот здесь, под нишей?

– Какую надпись? Я ничего не видела.

– А вот, взгляните, – он помог девушке вскарабкаться на глыбу и, придерживая за руку, показал на непонятные знаки.

Она обошла часовню кругом, склонилась над нишей, чтобы лучше увидеть, что было нацарапано на камне. И вдруг вскрикнула, пошатнулась, лицо ее побледнело. Кирилл попытался поддержать ее за плечи, но тут же почувствовал, как все тело девушки обмякло и начало клониться к земле. Он подхватил ее на руки, перенес на более высокое сухое место, обрызгал водой лицо и грудь. Глаза девушки раскрылись.

– Оля! Что с вами? Оля! – нагнулся над ней Кирилл.

– Нет, ничего. Уже ничего. Но вы знаете... Знаете, что это за надпись? Она сделана на нашем языке.

– Не может быть!

– Да, это так, Кирилл. Но это еще не все. Там, на камне, написано мое имя...

– Невероятно! Так и написано: «Ольга»?

– Нет, Ольгой меня называли Полипчуки. Мое настоящее имя – Огги.

– Огги... – медленно, словно вслушиваясь в непривычно звучащее слово, повторил Кирилл. – Но что это может значить, Огги?

– Не знаю... Единственное, что я чувствую, это то, что недаром меня всегда тянуло к этому месту, этому озеру, этой часовне...

Ему пришлось обегать весь город, просмотреть все каталоги в пяти-шести библиотеках, прежде чем в читальном зале машиностроительного ПТУ удалось напасть на более или менее подробный справочник по атомной физике.

Кирилл начал лихорадочно листать страницы:

– Так... Периодическая система элементов... Таблица изотопов... Таблица атомных объемов... Таблица весовых и атомных кларков... Это все не то! Пойдем дальше. Таблица атомных радиусов – здесь максимальные значения не превышают трех ангстрем; таблица ионных радиусов – аргон вообще не образует ионов; таблица потенциалов ионизации первого электрона – и здесь максимальное значение для гелия в пределах первых десятков электрон-вольт. Таблица... Таблица... И ничего похожего на двести семьдесят четыре или двести сорок пять!

Он начал листать справочник снова:

– Посмотрим еще раз таблицу атомных радиусов: кислород – ноль целых сорок одна сотая ангстрема, аргон – одна целая девяносто две сотых, цезий – две целых семьдесят четыре сотых... Стоп! А почему не двести семьдесят четыре? Почему люди, изготовившие медальон, должны были пользоваться обязательно ангстремами, а не какими-то единицами в сто раз меньшими, как бы их ни называли? Прекрасно! Значит, движок на третьей шкале должен встать на отметку сто девяносто два.

Кирилл занес эту цифру в записную книжку.

– Теперь дальше. Таблица... Таблица... Таблица потенциалов ионизации первого электрона: максимальное значение здесь у гелия – двадцать четыре целых пять десятых электрон-вольт... О, черт! Да это и есть нужное нам двести сорок пять! Значит, для аргона следует взять цифру сто пятьдесят семь. Уф-ф! Кажется, все в порядке...

Он взглянул на часы:

– Половина шестого! Скоро, наверное, и почта закроется... А у меня с утра во рту – ни маковой росинки. Но главное сейчас – письма! Скажите, – обратился он к дежурному библиотекарю, – далеко от вас главпочтамт?

– Главпочтамт? Рядом: направо, за углом, – девушка-библиотекарь оторвалась от журнала и снова, уже в который раз, с явным интересом посмотрела на Кирилла. – Скажите, а вы не из Прибрежного?

– Да, оттуда, – коротко бросил он, торопливо расставляя взятые справочники по местам. – Спасибо вам за книги. Вы меня очень выручили.

– И вы не узнаете меня? – продолжала девушка с заметным волнением в голосе.

Он взглянул на свою собеседницу. Маленькая курносая блондинка не вызывала в памяти ровным счетом никаких эмоций. Да и не было ни времени, ни желания вступать с ней в разговор.

– Нет, не узнаю. Я вижу вас впервые, – сухо ответил он и, собрав свои записи, направился к выходу.

– Как впервые?! – остановила она его. – Я же вас... А может быть, и впервые. Вы ведь в то время так и не пришли в сознание.

– Где, когда я был без сознания? О чем вы говорите? – начал сердиться Кирилл.

– Да это же я, вернее, мы с дядей, сбили вас мотоциклом по дороге из Прибрежного на перевал. Хотя, честное слово, вины нашей...

– Вы что-то путаете, девушка. Никто никогда меня не сбивал.

– Ну да! Будто я вас не узнала! Ведь я вам кровь свою в тот день отдала. Чуть не целый литр перекачали. А вы и не изменились совсем с тех пор. Хотя столько лет прошло...

– Да повторяю вам, вы что-то путаете! Не было со мной ничего подобного. Ни здесь, ни в каком другом месте! – поспешил закончить этот странный разговор Кирилл.

– Ну как же... А если не вы, то, может, брат ваш... Уж очень вы похожи на того, из Прибрежного...

– Брат мой... Пойдите, а когда это было?

– Да лет пятнадцать-семнадцать прошло с тех пор. А до сих пор, как вспомню... Ведь никто из родственников так и не объявился у вас... То есть у того, с кем это случилось, если действительно это были не вы. Хотя, честное слово, не могу поверить...

– Нет, это был не я, но... Вы говорите, это произошло пятнадцать лет назад? И личность потерпевшего так и не удалось установить?

– Да как же было ее установить? Никаких документов у несчастного не оказалось. А потом, когда сознание вернулось к нему, выяснилось, что он напрочь забыл, кто он и откуда. Даже говорить сердечному пришлось учиться заново. Потому-то, как увидела я вас...

Кирилл не знал, что и подумать. Неужели речь шла о его пропавшем брате?

– Вот что, девушка, расскажите-ка мне обо всем этом подробнее, – он вернулся к столу библиотекаря, сел рядом с ней.

– Ну, слушайте, – начала она, не спуская глаз с Кирилла. – Было это, как сейчас помню, в начале лета, где-нибудь в мае или первых числах июня. Поехали мы с дядей к его родственникам на перевал. Я тогда еще девчонкой была, интересно казалось прокатиться на мотоцикле. Ну, проехали мы Прибрежный, начали в гору подниматься. Знаете, там тропа такая...

– Мимо озера с часовней идет?

– Вот-вот! Едем мы по этой тропе, видим, впереди человек. Дядя, как положено, посигналил. Человек оглянулся, значит, заметил нас. Дядя скорость сбавил, начал объезжать его и тут... Мы уж почти поравнялись с ним, как вдруг сверху – там, если помните, в одном месте над самой тропой обрыв навис, так вот прямо с этого обрыва – змея! Я вот их нисколько не боюсь, честное слово. А человек тот, хоть и мужчина, видно, испугался до смерти, рванулся от нее и – прямо под мотоцикл. Дядя, понятно, на тормоза! Да где там... Сбили человека. А кругом камни. Так он на них головой. Ну и – сотрясение мозга, как потом оказалось. Да еще руку поранил. Гляжу я: кровь у него из рукава хлещет, лицо белое, глаза закрыты. Ужас! Послушала я его сердце – стучит. Значит, живой еще. А в сознание не приходит. Что делать? Дядя снял с себя рубашку, разорвал на куски, перевязала я его кое-как. Потом уложили несчастного в коляску, и обратно в город...

– В больницу?

– Ну да. Привезли его в больницу, рассказали там все, как было. Врач и говорит: жить человек будет, но надо срочно сделать переливание крови. А от кого переливать? Я и минуты не колебалась. Надо так надо. И группа у меня оказалась подходящей. В общем, перелили ему мою кровь, полежала я там с полчаса, и мы уехали: надо было еще в милицию заявить...

– А дальше?

– Что дальше? На другой день уехали мы с матерью в Ставрополь погостить и вернулись только к концу лета. По приезде я узнала, что дядю судили, дали два года условно, а человека того из больницы выписали.

– Значит, все обошлось благополучно? Вылечили его?

– Вылечить-то вылечили, да, как сказала мне знакомая санитарка, потерял он всякую память: как ни бились с ним врачи, так и не вспомнил, кто он, откуда, есть у него где-нибудь родственники или один он на всем белом свете.

– Но как могли его выписать, такого? Куда он должен был пойти?

– Мир не без добрых людей. Сдружился он, сказывали, в больнице с одним старичком-пасечником, и тот увез его к себе в деревню. Вот и вся история. Я уж забывать ее стала. А как увидела вас сегодня... Уж больно вы похожи на того, из Прибрежного, и лицом и статью, вот только годами могли бы быть постарше.

– Куда же увезли его? Кто этот пасечник?

– Кто знает? Лечился старик в больнице. Хороший, видно, человек.

– Не в этом дело. Как разыскать его? Как узнать, где теперь тот человек, которого вы сбили? Ведь это, похоже, действительно мой брат.

Девушка участливо вздохнула:

– Так я и знала. Только ни в чем не смогу вам помочь. Да, боюсь, и никто уж не поможет. Пасечник человек не здешний. Приехал да уехал. Ни родственников, ни знакомых в нашем городе у него, говорят, не было.

– А если поинтересоваться записями в больнице?

– Какие записи? Разве могли они сохраниться за столько лет? Там у них и прошлогоднюю карточку никогда не сыщешь. Уж если наводить справки, то только в Прибрежном, откуда шел ваш брат.

– А почему вы решили, что он шел именно оттуда?

– Больше неоткуда: тропа начинается в Прибрежном.

– Ну, это не аргумент. Да если брат и оказался почему-либо в Прибрежном, то лишь случайно. Он, как и я, не имел к Прибрежному никакого отношения, поехал туристом к вам, на Кавказ пятнадцать лет назад, и с тех пор мы не слышали о нем ничего.

– Тогда не знаю... Ведь столько лет... А вы на почту собирались?

– Да, если успею.

– Успеете, она до восьми вечера работает. Всего вам доброго. А если что узнаете о брате, не считите за труд забежать сюда или написать мне, прямо в библиотеку училища, Марии Григорьевой. Интересно, как он теперь...

– Хорошо, Мария. Обещаю вам это. – Кирилл поспешно кивнул ей и смог наконец покинуть душное помещение маленькой читальни, а через несколько минут стоял уже на почте, у окошечка «до востребования».

– Та-ак, Градов... – потянула скужающая за стойкой девица. – Что вы так долго не приходили, Градов? Вам целых два письма и телеграмма.

– Телеграмма?! – Кирилл в нетерпении развернул стандартный бланк, впился глазами в печатный текст.

Телеграмма была из училища. В ней предлагалось старшему преподавателю Градову Кириллу Павловичу прервать свой отпуск и срочно возвратиться в училище ввиду того, что он включен в состав приемной комиссии.

– Как, уехать сейчас из Прибрежного?! Бросить все, что стало таким привычным, таким интригующе загадочным и интересным?! Нет, больше того... – Кирилл почувствовал, что рушится что-то самое большое, самое главное. Сначала он даже не понял, что именно. И только минуту спустя до сознания дошло, что телеграмма отнимает самое дорогое, что когда-либо дарила ему жизнь.

Медленно, точно оглушенный, вышел он из здания почтамта. Медленно пошел в сторону автовокзала, где можно было найти случайную машину, идущую по дороге в Прибрежный. Но – беда одна не ходит – никаких машин на вокзале уже не было, ни одного свободного места в комнатах отдыха не оказалось, ни один магазин или столовая поблизости не работали. Вконец расстроенный, голодный, измученный беготней по городу, Кирилл поднялся в зал ожидания и, отыскав свободное место на одном из жестких деревянных диванов, вскрыл полученные письма.

Мать, как все матери, писала, что дома у них все благополучно, что она молит бога, чтобы он хорошо отдохнул, больше ел и спал и меньше работал, чтобы не купался в холодную погоду и не заплывал далеко в море, чтобы не жарился долго на солнце и вообще берег себя. А в заключение жаловалась, что ей без него очень скучно, тоскливо, и она ждет не дождется, когда он вернется домой.

Письмо Сергея, напротив, было выдержано в самых бравурных тонах. Он сообщал, что результаты их раскопок превзошли все ожидания, что еще до приезда его в экспедицию там были найдены прекрасно сохранившиеся фрески, целые архитектурные ансамбли, каменные плиты с отчетливыми надписями на каком-то никому до сих пор не известном языке, самые разнообразные металлические предметы, остатки всевозможных шкал, циферблатов, а главное – изделия из стекла, и не какие-то там сосуды или украшения, а прекрасно обработанные линзы, призмы, параболические зеркала. Словом, писал Пугов, – не остается, кажется, никаких сомнений, что десять-двенадцать тысяч лет назад на Земле существовала технически чрезвычайно высоко развитая цивилизация, едва ли уступающая цивилизации сегодняшнего дня.

Может быть, так оно и окажется. Но что до всего этого было сейчас Кириллу! Он поднял воротник пиджака, привалился к спинке дивана и закрыл глаза, чтобы хоть ненадолго вздремнуть, забыться, уйти от тягостных мыслей о том, что еще несколько дней, и он должен будет вернуться к своему постылому одиночеству, в котором всего на миг мелькнул образ таинственной смуглянки.

10

– Ну как, нашли что-нибудь? – сразу спросила Огги, когда на следующий день они встретились в сосновой роще.

– Кажется, кое-что нашел, – ответил Кирилл.

– Да? Замечательно! Рассказывайте скорее! Но вы чем-то расстроены? Плохие вести из дома?

– Нет, дома все в порядке. Очень неприятная телеграмма из училища.

– Что же в ней?

– Требуют прервать отпуск и вернуться на работу, в приемную комиссию.

– Как?... И вы уедете? Совсем?

– Придется уехать...

Она сорвала травинку, нервно обмотала ее вокруг пальца:

– А я думала, что мы с вами...

– Да вы не расстраивайтесь. Я надеюсь мы еще до отъезда разгадаем тайну вашего медальона. В конце концов, два-три дня...

– Не в этом дело... Ну да что говорить. Так, что же вы узнали?

– Я не буду объяснять всех подробностей. Да это и не так уж интересно. Скажу лишь, что на третьей шкале движок должен встать, по-видимому, на деление сто девяносто два, а на четвертой на сто пятьдесят семь.

– Давайте попробуем, – Огги достала медальон и, примостившись на своей любимой лесине, принялась отсчитывать деления.

– Так... На первой шкале – восемнадцать, на второй – сорок, на третьей...

– Сто девяносто два, – подсказал Кирилл.

– Так... Сто... Сто девяносто... – отсчитывала вслух Огги. – Сто девяносто один... Сто девяносто два! Верно! Стоит движок, не соскальзывает!

– Отлично! Давайте дальше. На четвертой ставьте на сто пятьдесят семь, – Кирилл почувствовал, как все у него напряглось от волнения.

– Хорошо, Огги начала торопливо отсчитывать деления. И вдруг – щелчок! Верхняя крышка медальона откинулась как на пружине. Кирилл еле удержался, чтобы тут же не взглянуть на его содержимое. Но через минуту Огги сама поднесла медальон к его глазам – У меня нет от вас секретов. Впрочем здесь всего лишь фотография отца. И еще записочка. Видимо, от мамы. Да, от мамы, – она передала медальон Кириллу и углубилась в чтение.

Он внимательно осмотрел скрывавшееся под крышкой углубление. Там, действительно, не было ничего, кроме фотографии совсем не старого мужчины, который в самом деле, как и говорила Огги, удивительнейшим образом был похож на него, Кирилла. Фотография поражала исключительным мастерством. Но от центра к одному из углов по ней проходила тонкая серебристая полоска, сильно портившая все изображение.

Кирилл попробовал отвернуться от солнца, думая, что полоска возникла вследствие отражения от блестящей крышки медальона. Но она осталась, хотя и переменяла положение на фото. Он повернулся в другую сторону, и снова полоска переместилась по снимку, но, как он заметил теперь, истинное направление ее оставалось одним и тем же, как бы ни поворачивался медальон. Между тем Огги прочла записку и несколько минут сидела неподвижно, глубоко задумавшись, нервно покусывая губы. Потом тихо произнесла:

– Хотите, я прочту, что написала мама?

– Если это возможно...

– Для вас – да. Только дайте мне еще раз взглянуть на медальон.

Она снова осмотрела его со всех сторон и со вздохом вернула Кириллу:

– Теперь слушайте. Я переведу записку на русский язык.

Кирилл сел рядом с ней, готовый услышать самые невероятные вещи.

– Дорогая дочка, – начала Огги сдавленным голосом, но тут же судорожно всхлипнула стараясь подавить подступившие рыдания.

– Кирилл легонько погладил ее по вздрагивающим плечам.

– Не надо, Кирилл, а то я совсем расплачусь. Вы слушайте, слушайте! «Дорогая дочка, – начала она снова, – прости, что я оставила тебя здесь, среди чужих людей. И быть может, навсегда. Но что мне оставалось делать? Папа наш не вернулся, значит, с ним что-то случилось: мы условились, что он возвратится ни в коем случае не позже, чем наступит темнота. А сама я чувствую, что жить мне осталось не больше нескольких часов, и могилой для меня может стать только наша ладья. Поэтому я ухожу туда, к ней. Но я верю хочу верить, что эти чужие люди позаботятся о тебе. Ведь они тоже люди. А дальше... Может быть, тебя все-таки отыщет папа. До тех пор пока медальон будет с тобой, не теряй на это надежду. Если же этого не случится, то в будущем, когда ты подрастешь, попробуй разыскать его сама. Стрелка, которую ты обнаружишь в медальоне, будет

все время указывать на местонахождение второго такого же медальона, который остался у отца. Подробнее обо всем ты прочтешь в моем личном дневнике. Я оставляю тебе эту уникальную, подаренную мне твоим отцом книжечку вместе с твоим бельцом и верю, что ты сохранишь ее. Да иначе ты и не сможешь открыть медальон, ведь код который необходимо знать для этого, можно прочесть только там. Впрочем, зачем я это пишу. Раз ты держишь в руках мою записочку, значит, прочла уже и мой дневник и знаешь о том, как мы жили с папой в тех местах, где тебе посчастливилось появиться на свет, о том, как и почему мы в свое время покинули эти страшные места. Кстати, о причинах этого, когда ты станешь взрослой, поведай и приютившим тебя людям. Помоги им избежать той кошмарной катастрофы, какой не избежали мы. Ведь сами они никогда не смогут прочесть моего дневника: нашего языка не знает никто. На этом я и кончу. Прости, что пишу так кратко и сумбурно: страшно кружится голова, силы окончательно покидают меня. Прости, моя крошка. Прости и прощай. Твоя мама». Вот и все. – Огги опять глотнула слезы. – Теперь многое становится понятным. Но стрелка! Где та стрелка, о которой пишет мама?

Огги снова взяла медальон, поднесла его к самым глазам, осмотрела со всех сторон.

– Нет никакой стрелки...

– А может, вот эта полоска, видите, она

как бы бежит по фотографии, может, она и играет роль стрелки? Она ведь сохраняет одно и то же направление, как ни поворачивай медальон. Я проверил.

– Эта полоска? – Огги повернула медальон из стороны в сторону, прошлась с ним по поляне.

– Кажется, вы правы, Кирилл. Она смотрит все время в одну сторону. Но если это так... Значит, там, в той стороне мой отец.

– Если он жив...

– Жив. Жив!! Я знаю! Там, на озере, я не сказала вам одну вещь. Надпись на камне, которую вы показали мне, сделана совсем недавно. В самом начале лета, когда я только что приехала из города, там не было ничего. Абсолютно ничего! Но ведь вы слышали, нашего языка не знает никто. И на камне высечено мое имя. Это мог сделать только папа. Мой отец!

– Но почему он сам до сих пор не пришел к вам? Ведь ваш медальон...

В том-то и дело, что мой медальон никогда не был со мной. Я уже говорила вам, что я постоянно прятала его в самых разных местах как можно дальше от дома. А последние три года он неизменно был на озере с часовней. Я сейчас думаю, что он и привел папу туда. И это было совсем-совсем недавно. Боже, как мне благодарить вас за то, что вы для меня сделали?

– Я?! А что я такого сделал?

Так ведь если бы не вы, я до сих пор не знала бы всего этого. А теперь...

– Вы собираетесь пойти на розыски отца?

– Немедленно!

– Но ведь это может занять не один день.

– Если б даже всю жизнь.

– А что вы скажете Полипчукам?

– Полипчукам?! Вы думаете, я смогу еще хоть неделю жить под их крышей? Нет! Они украли самую дорогую для меня вещь – мамин дневник. Мало того. Они отняли тем самым у меня отца. Они исковеркали всю мою жизнь. И ради чего! Я и раньше подозревала, что они продали то, что было маминым дневником. А теперь не сомневаюсь, что и дом и вся их проклятая рухлядь куплена на деньги, вырученные от этой сатанинской сделки. Вот смотрите, что я нашла вчера среди их бумаг, – она вынула из кармашка свернутый в несколько раз листок бумаги и развернула перед Кириллом.

Тот прочел:

«Расписка. Я, Буряков Сидор Петрович, обязуюсь доплатить гр. Полипчуку Игнату Афанасьевичу за купленную у него ценную печь 2700 (две тысячи семьсот) рублей не позднее осени будущего года. К чему и подписуюсь. С. Буряков».

– Обратите внимание на дату, – заметила Огги. – Расписка написана шестнадцать лет назад, то есть именно в тот год, когда мама оставила меня на крыльце Полипчуков. А что за «ценную вещь» мог продать тогда Полипчук? Я помню, что за дом был у него в то время. Развалюха, вроде той, в какой живет сейчас тетка Лизавета. И можно представить, столько денег сорвал он с этого Бурякова, если одна лишь «недоплата» составила две тысячи семьсот рублей.

- Но почему расписка осталась у Полипчуков?
- Трудно сказать, почему. Может, он скрылся, так и не уплатив долга Полипчукам. Может, сел в тюрьму. Может, наконец, умер. Не все ли равно.
- Это важно, Огги. Кстати, что вы собираетесь делать с распиской?
- Выброшу или разорву. Не возвращать же ее Полипчукам.
- Отдайте ее мне.
- Зачем?
- Думаю, что она еще понадобится нам. Ведь Полипчук совершил преступление не только против вас. Он обокрал всех нас, все человечество. Он лишил нас возможности узнать о той катастрофе, с какой столкнулись ваши родители, и какая, возможно, грозит нам. Дневник нужно разыскать. Во что бы то ни стало! А эта расписка – единственная ниточка, которая может привести на его след. И еще вот что... Я не хотел бы казаться навязчивым, но... Вы собираетесь пуститься в долгий, совершенно неведомый вам путь. Одна, без всяких средств к существованию, без чьей-либо помощи. Так нельзя, Огги. И я хотел бы предложить... В общем, я хочу сказать, что я мог бы наплевать на телеграмму из училища. Ну что они смогут мне сделать? В худшем случае – вклеить выговор, не дать ходу диссертации. Но я мог бы пойти с вами, помочь вам. У меня есть немного денег, я так и не израсходовал здесь своих отпускных...
- Она зажала ему рот ладошкой:
- Милый Кирилл. Кирюша... Вы не представляете, как я благодарна вам за эти слова. Скажу честно, вы первый человек, к которому я питаю полнейшее доверие. Но я должна – понимаете, должна! – найти отца сама, встретиться с ним одна. А вы поезжайте в училище. Не надо без нужды осложнять свое положение. К тому же я не думаю, что мой путь будет слишком долгим. И пойду я не одна, со мной будет Дэзи. Не беспокойтесь и о необходимых мне средствах. У меня есть кое-какие сбережения, мои личные. Словом, я уверена, что все закончится благополучно. А вы... Вы и без того оказали мне неоценимую услугу, и... – Она легонько тронула его за плечо. – Ну, что вы так опечалились, Кирюша? Не сердитесь на меня. Пожалуйста.
- Он только вздохнул:
- Разве я могу на вас сердиться...
- Вот и хорошо. Когда вы едете?
- Теперь уж все равно...
- Тогда вот что. Завтра в пятницу, часов в десять утра мимо нас каждую неделю проходит райпотребсоюзовская машина. Она забирает всех желающих. Ею вы и воспользуйтесь.
- Ладно... – Кирилл почувствовал, что ниточка, все больше связывавшая их в последние дни, вот-вот оборвется. – Но вы напишете мне?! Мы еще встретимся? – быстро заговорил он, боясь, что не успеет сказать самого главного.
- Я напишу вам, как только будет ясно с папой. Что же касается нашей встречи в будущем... Я хотела бы этого, Кирилл.
- Спасибо, Огги. Но ведь вы... Где и как я смогу теперь разыскать вас?
- Я и сама еще не знаю...
- Значит, может статься, я вижу вас все-таки в последний раз?
- Нет, почему же, по крайней мере один раз мы еще увидимся обязательно. Вы же поедете только завтра, и я выйду вас проводить. А сейчас, простите, я пойду. Мне надо многое сделать, пока не возвратились Полипчуки.

11

- Думал ли Кирилл еще неделю назад, как трудно будет расстаться с Прибрежным. Впрочем, разве дело в самом Прибрежном! Прибрежный превратится для него в ничто сразу, как только поселок покинет та, о ком он не мог не думать теперь ни одной минуты. И все же...
- Кирилл захлопнул чемодан, в последний раз прошелся по своей комнатухе и вышел в общую комнату, где тетка Лизавета хлопотала с прощальным завтраком.
- Садись, Кирилл, поешь у меня в остатный раз, – вздохнула она, присаживаясь к столу. – И что за люди твои начальники, не дали человеку отдохнуть до конца!
 - Что поделаешь, работа... – коротко отметил он, пододвигая к себе тарелку с салатом.

– А как на будущее лето? – продолжала тетка Лизавета, разливая чай. – Может, снова надумаешь приехать?

– Хотелось бы. Да кто знает, как сложатся дела.

Приезжай! Может, и Сергей опять соберется. Приезжайте вместе.

Постараемся, Елизавета Александровна. А скажите, вы не знаете случайно некоего Бурякова?

– Какого Бурякова, Сидора, что ли?

– Да, Сидора Петровича Бурякова.

– Как не знать. Сродственник Игната, соседа-то моего. Не так чтобы близкий сродственник – десятая вода на киселе, но все же не чужой человек. А с женой его, Аграфеной, мы и учились вместе. Беспутная была девчонка, Агашка-то, а теперь уж и вовсе... Тьфу, вспоминать тошно. Зато сам Сидор богатейшим человеком был когда-то. Магазином в городе заведовал. Ну и сам понимаешь – все у него в руках! Прежде, до того случая, он частенько бывал здесь, у Полипчуков.

– До какого случая?

– Да видишь, какое дело приключилось. Жили они, Буряковы, в городе, в казенной квартире, вот сосед их и повадился к ней, к Аграфене-то. Что уж там было у них, не знаю, только проведаль про это Сидор. А мужик он горячий. Ну и порешил соседушку. За дело порешил – не балуй! А суд дал ему десять лет. Так с тех пор и сгинул человек. Ни слуху больше о нем, ни духу. А Аграфена подлая через год уж за другого выскочила. Да не дал ей бог счастья: утонул ее новый муженек. Здесь, в Прибрежном, утонул. С тех пор, как и я, одна-одинешенька. Правда, живет теперь в своем собственном особняке: дом ей второй-то муж оставил. Шикарный домище! С садом, теплицей, надворными постройками. Да и от Сидора осталось немало. Только разве в этом счастье!

«Так вот в чем дело! – подумал Кирилл, вспомнив все, что сказала Огги. – Вот почему расписка Бурякова осталась у Полипчука. Но если тот Буряков был действительно богатым человеком и нажил свое богатство не совсем честным путем, то «ценная вещь» понадобилась ему, конечно же, не для того, чтобы перепродать ее кому-то. Ему важно было обратить неправомерно нажитые деньги в золото. Жене его, судя по всему, тоже едва ли имело смысл расставаться с золотой вещицей. Значит, дневник матери Огги, по всей видимости, до сих пор хранится у этой Аграфены Буряковой».

– Елизавета Александровна, – снова обратился он к своей хозяйке. – А вы знаете, где живет сейчас жена Бурякова?

– Знаю, конечно. Только теперь она не Бурякова, а Званцева и живет, я уж сказывала, в своем доме, в городе, на улице Подгорной. Аккурат возле больницы.

– Так одна и живет?

– Одна. Ни с первым, ни со вторым мужем бог ей детей не дал. Видно, за грехи ее.

– Может быть, и так... – машинально согласился Кирилл, занятый своими мыслями. Ну ладно, мне пора. Пойду на дорогу в город. Там, говорят, в это время райпотребсоюзский автобус проходит.

– Ну, с богом, с богом! – запричитала тетка Лизавета, прикладывая к глазам рушник.

– До свидания, Елизавета Александровна. Спасибо вам за все. – Кирилл подхватил свой видавший виды чемодан и, выйдя за калитку, зашагал вниз по улице.

Там, возле дороги, где когда-то высадил его молчаливый грузин, стояли уже три женщины с сумками и корзинками, ждали машину. Он отошел в сторону и, присев в тени туювниц на чемодан, устремил глаза на узкий просвет между деревьями, где вот-вот должна была показаться Огги.

Время приближалось к десяти. Сверху спустились еще две женщины, потом старик с мальчиком. А Огги все не шла.

Кирилл встал и в сильном волнении заходил по обочине дороги. Неужели не придет? Неужели он больше не увидит ее?

Он поднялся вверх по кособогу, спустился обратно. Огги не было.

Прошло еще с четверть часа. Потеряв всякое терпение, Кирилл решил уже рискнуть дойти до поселка, постучать в ее калитку. Но тут же вспомнил, что оттуда до сих пор не выезжал мотоцикл Полипчуков. Так вот оно что! Они просто не выпускают Огги из дома. Что делать? Пойти прямо к Полипчукам и закатить им скандал? Или плюнуть все-таки на возвращение в училище и вернуться к тетке Лизавете?

Но в это время издали, из-за поворота, послышался шум приближающейся машины. Женщины начали торопливо поднимать с земли корзины. Мальчик в нетерпении потянул за рукав старика. Тот, быстро затянувшись, выбросил изо рта окурок. Кирилл схватил чемодан и в растерянности заметался между сгрудившимися у дороги сельчанами и уходящей к Прибрежному тропой, как вдруг:

Доброе утро, Кирюша, – Огги выскользнула словно из-под земли. – Простите, что я так поздно.

– Огги! – Кирилл бросился ей навстречу. – Я думал, вы уж не придете...

– Я могла бы прийти и раньше, но... Вы сами знаете, что нет ничего тягостнее, чем затянувшееся прощание. Особенно на виду у людей. Много ли надо времени, чтобы пожелать друг другу счастливого пути. Желаю и я вам всего самого лучшего, мой добрый хороший друг. А это вот на дорожку – протянула она увесистый пакет, – там же найдете и мою прощальную записочку. Я понимаю, можно было сказать вам все еще вчера. Но так, наверное, будет лучше...

– Сказать что, Огги! Вы знаете, что я...

– Все-все, Кирюша! Садитесь скорее, видите, все уже в машине. Счастливого вам! – она быстро коснулась губами его щеки, легонько подтолкнула к тронувшемуся автобусу.

– Но мы увидимся еще, Огги? – Он постарался заглянуть ей в глаза. Она поспешно отвернулась, и последнее, что успел увидеть Кирилл, была тяжелая крупная слеза, медленно скатившаяся по щеке девушки и словно застывшая в уголке ее дрогнувших губ.

– Огги! – он снова шагнул к ней, но водитель дал резкий продолжительный сигнал, и Кириллу не оставалось ничего другого, как вскочить в переполненный автобус.

А когда, пристроив кое-как чемодан, он смог наконец оглянуться назад, за окнами машины не было уже ни поселка, ни знакомых тутовниц, ни поникшей фигурки девушки, ставшей для него самым близким, самым дорогим человеком на Земле.

Автобус мчался мимо сплошной стены вечнозеленых зарослей, трясясь и подпрыгивая на каменистой дороге. Неугомонные пассажиры, лениво переругиваясь, суетливо переставляли с места на место свои сумки, кошельки, корзины с фруктами. Водитель-грузин беспечно напевал себе под нос какую-то немудрящую, должно быть, очень веселую песенку.

Кирилл опустился на чемодан и, заглянув в пакет, сразу заметил там тонкий голубенький конверт. Конверт был не запечатан. Он вынул свернутый вчетверо лист бумаги и, развернув его на коленях, углубился в чтение.

Огги писала:

«Дорогой Кирилл, милый мой Бука! Я знала, я чувствовала, как вы относитесь ко мне, и клянусь себя за то, что до последнего дня, до последней минуты отвечала лишь ничем не оправданным равнодушием и холодностью. Но если бы вы знали, чего стоила мне эта напускная холодность! Вы вправе и сейчас сердиться на меня. Однако постарайтесь понять мое состояние. Всю жизнь, все время с тех пор, как я стала взрослой, меня не переставало мучить какое-то странное непонятное предчувствие. А вот вчера это предчувствие оправдалось. Я не прочла вам маминого письма до конца. Вернее, не прочла последнюю строчку, написанную в виде постскриптума. Вот эта строчка: «Дорогая дочка, еще раз предупреждаю тебя: по причине, о которой ты, наверное, уже прочла в моем дневнике, ты, к сожалению, никогда не сможешь стать ни женой, ни матерью, ибо это обернется огромным несчастьем и для тебя, и для того, с кем ты захотела бы разделить свою жизнь». Я не знаю, что за причину имела в виду мама. Но какая мать обратится к своей дочери с такими словами, если ее не вынудит к тому действительно важная причина. Поэтому, как мне ни тяжело это написать, – да, тяжело, Кирюша! – нам с вами не стоит, пожалуй, больше встречаться. Не пришло я вам, наверное, и обещанного письма. И все-таки, мне будет так недоставать возможности поделиться с вами! Поэтому время от времени я буду писать вам и складывать свои письма в нашу часовню. Там, в нише, в правой стенке ее, если вы заметили, есть глубокая щель. В ней я и буду прятать свои записочки. Может быть, когда-нибудь через много-много лет вы снова окажетесь в Прибрежном, приедете к нашему озеру и узнаете, как прожила эти годы бедная Огги. Вот и все, что я хотела сказать на прощание. Будьте счастливы, мой хороший добрый друг. Ваша Огги».

Кирилл дважды перечитал письмо, стараясь вникнуть в смысл того, что написала Огги. Но ни записка, оставленная ее матерью, ни само это письмо ни на йоту не приоткрывали завесы тайны, окружающую Огги и ее родителей. Ясно было одно: какое-то страшное несчастье обрушилось в

далекой неведомой стране на маленькую семью хороших людей, и последствия этого несчастья до сих пор коверкают жизнь самой юной из них, самой дорогой ему женщины. Но как помочь ей? Что можно сделать для нее, если она сама не знает, какое горе ее подстерегает? Вот если бы удалось разыскать этот проданный Бурякову дневник... Да, это единственное, что может сделать он, Кирилл, для Огги. И он не уедет из Чернореченска, пока не сделает все, что в его силах, по розыскам исчезнувшей реликвии.

Улица Подгорная начиналась сразу у вокзала, поэтому, сдав чемодан в камеру хранения и убедившись, что поезда до Верхнегорска не будет раньше завтрашнего утра, Кирилл решил сейчас же попробовать разыскать вдову Бурякову – Званцеву. Дом ее, судя по рассказам тетки Лизаветы, находился где-то неподалеку от больницы, так что найти его не представляло большого труда, тем более, что уже отсюда, с привокзальной площади, он увидел массивное каменное здание с соответствующей вывеской, по обе стороны которого тянулись добротные частные домовладения. Одно из них, видимо, и принадлежало Аграфене Званцевой.

Дойдя до больницы, Кирилл остановился у высокого парадного крыльца и, подождав, когда с него спустится немолодая, прилично одетая женщина, обратился к ней с вопросом:

– Простите, вы не скажете, в котором из этих домов живет гражданка Званцева?

– Гражданка Званцева? – Глаза женщины стрельнули острейшим любопытством. – Гражданка Званцева живет вон в том доме. Видите, где флюгер с петушком? Только ее нет сейчас, уехала, как всегда, по своим темным делишкам. А вы... Вы не из органов будете?

– Как вам сказать, – растерялся Кирилл. – Я собственно...

– А из органов, так могу сообщить важные сведения, – понизила голос женщина. – И по тому, первому делу об убийстве моего супруга и по второму, которое замяли, но которое я все равно так не оставляю, потому как имею факты. Да, факты! Во-первых, подошедший боровок – от него никак не отделаешься. Во-вторых, эта ночная стирка – она тоже что-нибудь да значит. В-третьих...

– Подождите, – остановил ее Кирилл. – Прежде всего сядем, вон хоть там, на скамеечке. И потом – кто вы?

– Кто я? Я супруга убитого ими, то есть Сидором Буряковым и этой змеей подколодной Аграфеной Званцевой Маркела Ивановича Марчука.

– Постойте. Я знаю, что супруг ваш был действительно убит из ревности его соседом Буряковым, за что тот и понес соответствующее наказание. Но жена его Аграфена... Почему вы и ее называете убийцей?

– Потому что все в том деле было подстроено. Потому что я одна знаю, как и за что убили Марчука. Вот, слушайте! Все началось с этой поездки в Прибрежный, к их родственникам Полипчукам и покупки у них какой-то золотой безделушки! Но дело вовсе не в этой безделушке! Мы же соседями были. А стены-то в нынешних домах, сами знаете – чуть шепни, и все слышно. Вот мы с Маркелом все их секреты и вызнали. Ну так поехали они в гости к Полипчукам... И надо же так случиться, что в это самое время подбросили Игнату со Степанидой младенца...

– Это я знаю.

– Знаете, да не все. Потому что знал все только Сидор Буряков. И посвятил в это только свою Аграфену. Мы же с Маркелом лишь ненароком подслушали их ночные разговоры. А дело было так. Встал в то утро Сидор самым первым, потому как на рыбалку отправился. Вышел на крыльцо, – видит – ребенок. Но шум поднимать не стал: зачем ему это? Словом, спустился он к морю, а там, неподалеку от берега – шлюпка не шлюпка, в общем, две сцепленные посудины, ровно как грецкий орех, не до конца расколотый. Сел Сидор в лодку интересно ему стало – подплыл к тем посудинам, смотрит, все там блестит, словно золотом отделано, а в одной из них – женщина. Одна-одинешенька. И вроде не совсем здорова. Так показалось ему сначала. А как присмотрелся поближе – мать честная! – в посудине-то покойница. Схватил Сидор весло, чтобы оттолкнуться от злосчастной посудины, а она – хлоп! И захлопнулась, вроде как в один шар сомкнулась. Потом завертелся тот шар волчком и камнем на дно. Сидор глянул под воду – а вода там как слезинка – лежит шар на дне, и не так глубоко. Ну, тут уж Сидору, понятно, не до рыбалки стало. Вернулся он к Полипчукам. А там дым коромыслом – подкидыша обнаружили. И при нем какая-то золотая вещица. У Сидора и глаза на лоб. Понял он, что не иначе как младенца подбросила та женщина, какую он только что на дно проводил, и сразу смекнул, что и в посудине ее многое, должно быть, чистым золотом отделано. Понял, а никому ни слова. Вернулись они с Аграфеной домой, а не

дают им покоя ни золотая вещица, что прибрали к рукам Полипчуки, ни, тем более, золото, что на дне осталось. Через неделю, слышим, съездил Сидор опять к Полипчукам, выкупил у них вещицу. А заодно проверил, лежит ли на дне диковинная посуда. С тех пор только у них с Аграфеной и разговора было, как добраться до затонувшего сокровища. Что ни ночь – новые планы строят. И тут – точно тронулся мой Маркел. Засело у него в голове это проклятое золото. Думал он, думал и однажды вечером пошел к соседям и прямо заявил, что он все знает, и либо возьмет его Сидор в долю, либо заявит он обо всем куда следует. Ну и достукался! Порешил его Сидор. А после, на суде разыграли они с Аграфеной комедию, представили дело так, будто польстился он, Маркел, на ее бабьи прелести, сама, ведьма, заявила, что была любовницей Маркела. Но и этого ей было мало. Решила и от Сидора отделаться. Умер он в тюрьме. А отчего умер? Ясно, что она в передачу яда всыпала. Я уж говорила вам, что за неделю до этого у нее боровок околел. Так это я так понимаю, она на нем яд испытывала. А аккурат после той последней передачи всю ночь у нее стирка была. Это вам ни о чем не говорит? Она и замуж за Званцева вышла, чтобы только домом завладеть. А отчего утонул он в том же Прибрежном? Неужели не ясно, что она его потащила за тем кладом? Верно я говорю?

– Ну, что касается отравленной передачи, подохшего боровка, ночной стирки, то все это чепуха, выеденного яйца не стоит. Но вот затонувшая посуда... Скажите, а не говорил Буряков что-нибудь относительно того, как могла оказаться там эта посуда, откуда могла приплыть? Или он в этих делах мало что смыслил?

– Сидор-то мало что смыслил?! Да он полжизни в боцманах протрубил, в загранку несчетно раз хаживал. А откуда приплыла та посуда? Да ниоткуда!

– Как ниоткуда?!

– А вот так, не могла она сама по себе по морю ходить. Так он и Аграфене говорил, не слышала: не мог, дескать, тот шарик и полмили самостоятельно проплыть, потому как не было у него ни руля, ни ходовых винтов, ни киля, ни этих, как их... стабилизаторов.

– Так откуда же он взялся там, под берегом, у самого Прибрежного?

– Кто знает... Может, на буксире кто приволок, может, с баржи какой сбросили. Да какое это имеет значение! Главное – золото...

– А это еще вопрос, золото там было или не золото. Не только золото блестит.

– Ну, кого-кого, а Сидора в этом деле не обманешь. Уж коль он человека из-за той посуды порешил... Да что Сидор! Сидор сам теперь на том свете. А вот Аграфена... Так как насчет того, что я сказала, дадите новый ход делу?

– Посмотрим... – многозначительно пожал плечами Кирилл, входя в роль. – Во всяком случае, надо сначала повидаться со Званцевой.

– Ну, тогда приезжайте недели через полторы, раньше она не вернется.

– Жалко! – вздохнул Кирилл и, простившись со словоохотливой вдовой, снова направился к вокзалу, чтобы попробовать заранее хоть устроиться на ночь в комнатах отдыха.

Рассказ жены Марчука заново высветил многие стороны таинственного события шестнадцатилетней давности, происшедшего в Прибрежном, но ни на йоту не приблизил решения главного вопроса: как и откуда прибыли Огги и ее родители?

Кирилл и прежде сомневался в том, что утлое суденышко, которое Огги прозвала ладьей, способно покрыть большие расстояния по морю. Теперь в этом можно было, кажется, не сомневаться. Как и в том, что именно эту загадочную посудину, сомкнувшуюся в «золотой» шар и погрузившуюся на дно моря, обнаружили в свое время Афоня и его отец со своей шаланды. Нельзя было не подивиться поразительной проницательности Афанасия, каким-то образом решившего, что как раз с этой его находкой было связано появление Огги в Прибрежном. Однако, похоже, и он не имел ни малейшего представления, кем в действительности была пассажирка диковинной ладьи и от какой беды или катастрофы бежали она и ее родители со своей, невесть где оставшейся родины. Обо всем этом можно будет узнать лишь из дневника матери Огги. Если он сохранился у Званцевой...

Как бы там ни было, он, Кирилл, должен вернуться сюда, в Чернореченск, и вырвать у нее бесценный документ, чего бы это ни стоило. Только после этого можно будет рассчитывать на новую встречу с Огги...

Приемные экзамены закончились. Сегодня впервые за последние три недели Кирилл смог наконец прийти домой к обеду и поест не на ходу в переполненном буфете, а в своей уютной кухоньке, вдвоем с матерью, в спокойной домашней обстановке.

Ели не торопясь, перебирая события последних дней, вспоминая, чем было замечательно уходящее лето.

– А знаешь, мама, – сказал Кирилл, наливая второй стакан любимого компота, – там, на Кавказе, я, кажется, напал на след погибшего брата.

– Какого брата?

– Да Константина, сына отца и Антонины Павловны. Он же мне брат?

– Брат, конечно. Но почему погибший?

– Как почему? Ты сама, помнится, рассказывала, что лет пятнадцать назад он поехал в турпоход на Кавказ и пропал, как в воду канул.

– Ах, вон ты о чем... Так меня саму ввели в заблуждение. Чего не наболтают люди! Никуда он не ездил и нигде не пропадал. С месяц назад я видела Антонину...

– Разве ты встречаешься с ней?

– Видимся изредка, чего уж теперь делить... Так вот, говорили как раз о нем, Константине. Живет в Ленинграде. Давно женат. Две дочки растут. Все как у людей...

Скажи, мама, а ты самого его видела? Правда, он очень похож на меня?

– Похож на тебя! С чего ты взял? Да ничего общего. Ты весь в папу: курносый, сероглазый. А он – вылитая Антонина: рыжий, веснушчатый, и нос с горбинкой.

– Странно...

– Чего тут странного? Дети одних родителей и те не всегда похожи, а тут...

– Да, разумеется, – поспешил согласиться Кирилл. – Ладно, пойду, отдохну после обеда, – он встал из-за стола и прошел в свою комнату, чтобы наедине с собой поразмышлять над тем, что только что узнал от матери.

Итак, брат его, оказывается, на Кавказ не ездил. Да если бы и ездил, какое это могло иметь значение, если он абсолютно не похож на него, Кирилла. Но кем же тогда был тот несчастный, о котором так взволнованно вспоминала чернореченская библиотечка? А что, если...

Эта мысль мелькала где-то в подсознании и раньше. Но ее тотчас забивала, казалось бы, слишком достоверная версия о пропавшем брате. А теперь...

Он попытался восстановить в памяти портрет отца Огги, вставленный в ее медальон. Нельзя, конечно, сказать, чтобы тот был точной копией Кирилла. Но сходства просматривалось немало. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы увидевшая его при столь драматических обстоятельствах девчонка через полтора десятка лет, став взрослой женщиной, приняла за спасенного ею человека именно его, Кирилла. К тому же и время и место происхождения как нельзя лучше совпали с тем, что говорила Огги. Но если это так...

Кирилл встал с дивана и в сильном волнении заходил по комнате. Если это так, надо ехать немедленно в Чернореченск, расспросить всех старых работников больницы, перерыть, если понадобится, весь больничный архив, но выяснить, кто и откуда был тот старик, который увез к себе потерявшего память человека. Это будет надежнее, чем поиски его с помощью невесты как действующего полуприбора, полуукрашения. А главное – тогда он уже через неделю сможет снова увидеть Огги.

Увидеть Огги... Это было бы такое счастье, о каком он боялся даже мечтать. Но ведь это действительно возможно. Трудно предположить, что во всей чернореченской больнице не осталось никаких следов в общем-то неординарного события. Что же касается поездки, то вся она займет не больше двух недель, а отпуск у него остался недоиспользованным, да и студентов все равно отправят на сельхозработы.

Кирилл сел к столу и принялся тут же сочинять заявление директору училища. Но в это время в прихожей раздался резкий звонок, а вслед за тем знакомый басок Сергея:

– Дома?

– Дома, дома, – отвечала мать. – Проходи, Сереженька. Там он, в своей комнате закрылся.

Кирилл непроизвольно сунул недописанное заявление в ящик стола и вышел навстречу приятелю:

– Здравствуй, новоявленный Шлиман. Садись, рассказывай, чем собираетесь удивить человечество?

– Уже удивили. Я же писал тебе, раскопки превзошли все ожидания. История повторяется. Десять-двенадцать тысяч лет назад люди жили в почти столь же совершенном в техническом отношении мире, что и мы сейчас.

– Гениально! А почему, скажи пожалуйста, исчез этот технически совершенный мир?

– Вот это загадка. Но мы надеемся ответить на этот вопрос. Достаточно будет расшифровать их тексты, каких набралось уже немалое количество. Преоригинальнейшие, скажу тебе, письма! Я успел сфотографировать кое-что. Могу показать.

– Да подожди ты со своими письмами! Мы же два месяца не виделись. Садись, сейчас мама нам чаек организует. Потолкуем о нашем житье-бытье. Мне тоже есть о чем рассказать.

– Какое там житье-бытье, когда весь мир взбудоражен нашими раскопками! И что можно рассказать, проторчав лето в саду у тетки Лизаветы. Ты там, наверное, и газет-то не читал. А тут такая сенсация! Вот, смотри! – вынул он из кармана пачку фотографий, где были запечатлены высеченные на камне ровные ряды остроугольных значков с точками над ними. – Видел ты что-нибудь подобное?

– Видел, – просто ответил Кирилл, ибо сразу узнал характерные очертания букв, какими была написана вложенная в медальон записка матери Огги и какие он сам обнаружил нацарапанными на камне часовни.

– Что? – Сергей взглянул на него как на помешанного. – Что ты говоришь?!

– Я говорю, видел такой шрифт, – повторил Кирилл. – И знаю людей, которые не десять-двенадцать тысяч лет назад, а сейчас, в наше время читают и пишут на этом языке. Так что вся ваша сенсация...

– Да ты... ты... ты понимаешь, что мелешь?! – захлебнулся от негодования Сергей. – Я тебе показываю тексты, написанные сто двадцать веков назад. Время их написания подтверждено данными радиоуглеродного анализа. Мир еще не знал такой сенсации. А ты...

– А я еще раз повторяю, что вся ваша сенсация – сплошная липа. Потому что я сам держал в руках бумагу – бумагу, а не какой-то обломок камня! – с текстом, написанным точно таким шрифтом, а ныне живущая девушка свободно переводила этот текст на русский язык, ибо он был всего-навсего письмом ее матери. Более того, в другом месте я сам нашел имя той девушки, написанное такими буквами не ранее, чем полтора месяца назад другим человеком, отцом девушки. Да ты и сам ее прекрасно знаешь, жил по соседству с ней прошлое лето.

– Стой-стой! Где жил? О ком ты говоришь? Уж не о той ли пронафталиненной недотроге, которую удочерили Полипчуки?

– Да, я говорю о той несчастной сиротке, которую в свое время не только удочерили, но и ограбили Полипчуки, и которую я считаю сейчас самой замечательной женщиной на свете.

– Вот даже как! Впрочем, я этого ожидал. Девушка в твоем вкусе. Но то, что ты сейчас рассказывал о ней... Помнится, тетка Лизавета тоже говорила по ее адресу что-то не совсем вразумительное. Но чтобы приемная дочь Полипчуков имела какое-то отношение к давным-давно исчезнувшей цивилизации... Это уж мистика какая-то!

– Не большая, чем ваши умопомрачительные открытия.

– Что значит «умопомрачительные открытия»? У нас факты. А ты пытаешься противопоставить им какие-то сомнительные бредни невесты что строящей из себя пигалицы.

– Боюсь, что эти «бредни» будут похлеще ваших «фактов».

– Ну, хватит темнить! Расскажи наконец толком, что ты в самом деле узнал о ней, что за письмо переводила она тебе, что вообще было там, в Прибрежном?

– Я расскажу тебе все, Сергей, все, что знаю. Тем более, что мне нужен твой совет, а может быть, понадобится и твоя помощь. Итак, слушай. Все началось с, казалось бы, ничем не примечательной просьбы помочь открыть ее медальон. А дальше... – и Кирилл подробно рассказал обо всем, что последовало вслед за этим, включая встречу с вдовой Мар-чука и только что состоявшийся разговор с матерью.

– Н-да... История! – воскликнул Сергей, выслушав Кирилла. – Загадка на загадке! А я-то, дурак, в прошлом году... Но кто бы мог предположить что-либо подобное! Однако нечего и думать оставить эту историю неразгаданной. Дело может вылиться в такую сенсацию!

- Опять сенсация! – поморщился Кирилл. – Просто я хочу помочь хорошему человеку.
- Это само собой. Да тебе, как говорится, сам бог велел. Подумать только, добился расположения такой крали! Я бы на твоём месте...
- Перестань, Сергей. Я с тобой как с другом...
- Ну что ты, шуток не понимаешь? Да я, если хочешь знать, никогда не был так рад за тебя, как сейчас, хоть и завидую белой завистью. Но речь идет о настолько важном для науки феномене, что ты, независимо ни от чего, просто обязан довести дело до конца, обязан поехать сейчас же в Чернореченск и попытаться найти отца этой девицы или дневник ее матери. Но сначала отца! Дневник может подождать до будущего лета. Тогда и я смогу помочь тебе. Одному тебе со Званцевой не справиться. А тут надо действовать наверняка. Малейшая осечка, и дневник исчезнет навсегда. Этого допустить нельзя. Ни в коем случае! Так что принимай меня в союзники.
- Спасибо, Сережка. Я знал, что могу на тебя положиться. А для меня... Для меня теперь это дело всей жизни.
- Вот и поезжай. Да, слушай, захвати эти фотографии, покажи своей Огги. Может, ты все-таки ошибаешься, может, тут просто случайное сходство в очертании букв? Ну согласись, трудно допустить, чтобы письменность, возникшая более десяти тысяч лет назад, сохранилась до наших дней.
- Трудно. А разве легче объяснить появление в Прибрежном Огги и ее родителей?
- Это совсем другое дело! Хотя тоже чертовски интересно. Может быть, действительно похлеще, чем наши раскопки. Что стоит одно упоминание матери Огги о какой-то надвигающейся катастрофе! И главное – никто еще об этом знать не знает. Мы первые! Так что... Знаешь, Кирилл, брошу я, пожалуй, археологию, не поеду больше на раскопки. Пусть те, кому надо, этим занимаются. А мы с тобой... В общем, поезжай, Кирилл, поезжай! А в будущем году махнем вместе. Да, кстати, как у тебя с деньгами? Если трудно, то я...
- Подожди, – остановил его Кирилл, прислушиваясь к звонку в прихожей. – Кто-то пришел... Нет, кажется, ушли, видимо, ошиблись номером. Так вот, с деньгами у меня порядок, и я завтра же... Но в это время в дверях комнаты показалось бледное растерянное лицо матери:
- Кирюша, взгляни, тебе повестка...
- Какая еще повестка?
- Не знаю... Вызывают к следователю. С чего бы это?..

14

- Фамилия, имя, отчество? – следователь, плотный, упитанный мужчина лет тридцати пяти, бросил на Кирилла быстрый пронизывающий взгляд и придвинул к себе большой лист бумаги с крупным выразительным заголовком: «Протокол допроса».
- Так вы сами прислали мне... – начал было Кирилл, торопливо развертывая злополучную повестку.
- Потрудитесь отвечать на мои вопросы. Только на мои вопросы! – прервал его следователь. – Итак, ваше имя, отчество, фамилия?
- Градов Кирилл Павлович, – послушно ответил Кирилл. – Вы же знаете...
- Год рождения, место жительства, род занятий? – продолжал следователь низким гнусавым голосом, не обращая внимания на недоуменно-растерянный взгляд Кирилла. Тот ответил и на эти вопросы, хотя было совершенно непонятно, зачем сидящий перед ним служитель Фемиды теряет время на то, что черным по белому сам же написал в присланной ему повестке.
- Наконец, задав еще с десятков подобных вопросов, следователь откинулся на спинку кресла и, со вкусом затянувшись сигаретой, снова смерил Кирилла цепким пронизывающим взглядом:
- Так вот, гражданин Градов, верно ли, что в начале этого лета вы провели несколько недель в Прибрежном?
- Да, я был там на отдыхе.
- И вам известна тропа, идущая от Прибрежного на перевал? – Следователь впился в него острыми, прощупывающими глазами.
- Да, я ходил по ней.
- Так-так... А какие отношения связывали вас с гражданкой Полипчук?

– Хорошие отношения.

– Что значит хорошие? Это была связь, сожительство, просто случайное знакомство?

– А, собственно, с какой стати... – не смог не вспылить Кирилл.

Это уж наше дело, с какой стати! – жестко прервал его следователь – Ваше дело отвечать. И отвечать точно, без всяких фокусов! Итак, что за отношения были у вас с гражданкой Ольгой Полипчук?

– Ну, мы гуляли, разговаривали...

– Только и всего? – ехидно усмехнулся следователь.

– Чего же еще... А в чем все-таки дело?

– Будет и дело. Скажите, когда вы выехали из Прибрежного?

Когда я выехал из Прибрежного? – постарался вспомнить Кирилл. – Числа... Числа двадцать пятого. Да, точно – двадцать пятого июня.

– А прибыли сюда?

– Приехал к концу вторых суток, значит, двадцать седьмого.

– К концу вторых суток! Так медленно шел поезд? Или с ним что-нибудь случилось?

– Все было нормально. Но двадцать пятого я опоздал на единственный поезд, идущий к нам из Чернореченска и вынужден был провести сутки в этом городе.

– Так-так... И что же вы делали в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое?

– Что я мог делать? Промучился на диванчике в зале ожидания.

– У вас есть свидетели, которые могли бы подтвердить это?

– Какие свидетели на вокзале! Я же не думал, что придется отчитываться перед вами за эту ночь. Так уж и не думали! А между тем именно в эту ночь... Кстати, вам известна эта вещица? – вынул он из стола женский носовой платок.

– Да, это платок Ольги Полипчук.

– Вот как! Как это вы так сразу его узнали?

– Я видел его не раз. И потом запах ее духов...

– Вам знаком даже запах ее духов?

– Что в этом особенного?

– Да, пожалуй. А что вы скажете вот об этом? – Следователь быстро развернул платок, так что в глаза Кириллу бросилось большое бурое пятно, расплывшееся по одному из его углов.

– Какая-то грязь...

– Не грязь, а кровь! – жестко рубанул следователь. – Да, кровь!

– Что вы хотите этим сказать? – воскликнул Кирилл дрогнувшим от тревоги голосом. – С Ольгой случилось какое-то несчастье?

– Ольга Полипчук убита.

– Как... убита?.. – еле смог проговорить Кирилл, чувствуя, как все в нем словно оборвалось от этих слов.

– Вы что, не знаете, как убивают? – продолжал следователь зловеще-издевательским тоном.

– Не знаю... – механически, почти не сознавая, что говорит, промолвил Кирилл. – Да и у кого могла подняться рука... Ведь это... Это все равно, что... – больше он не мог произнести ни слова.

– И тем не менее ваша хорошая знакомая убита. Да, убита! – снова повторил, как отрезал, следователь. – Убита на той самой тропе, по которой, как вы сами сказали, вы ходили. Убита именно в ту ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня. Поэтому я еще раз требую, чтобы вы подробно, во всех деталях рассказали, где и как провели эту ночь.

– Да вы что, уж не подозреваете ли меня в убийстве?! В убийстве человека, дороже которого... Впрочем, разве вы поймете...

– Попробую понять. Тем более, что сначала вы сказали, будто всего лишь гуляли и разговаривали с ней, а теперь... Словом, хватит темнить и изворачиваться! Или вы сейчас же все расскажете начистоту, или...

– Оставьте меня. Я рассказал все. Мне абсолютно нечего добавить. Да и какой смысл, если ее уже нет в живых... Скажите только, где ее похоронили? – добавил Кирилл, еле сдерживая подступившие рыдания.

– Гм... Гм... – почему-то замялся следователь. – Никто еще не хоронил. То есть, я хотел сказать, следствие только начинается. Дело возбуждено по заявлению отца Ольги Полипчук. Он представил неоспоримые доказательства. И потом...

– Так вы еще не уверены, что ее нет в живых?! – ухватился Кирилл за последнюю соломинку. 4

– Молодой человек! – снова посуровел следователь. – Сколько раз предупреждать вас, что здесь вопросы задаем только мы. И если вам действительно нечего больше сказать. Пока нечего сказать... То подпишите протокол допроса и эту вот бумагу.

– А это что за бумага?

– Это подписка о невыезде. Я попрошу вас не покидать город до окончания следствия.

Кирилл молча, почти не читая, подмахнул обе поданные ему бумаги и, получив пропуск, выбрался наконец из мрачного прокуренного кабинета на вольный воздух. В душе у него творилось нечто невообразимое. Ясно было, что с Огги что-то случилось, а сам он стал жертвой какого-то злого нелепого оговора.

И надо было что-то срочно предпринять. Но что? Что?! Тревога и полная неизвестность не позволяли остановиться ни на одном более или менее приемлемом решении.

Сергей ждал его на подходе к дому:

– Ну, зачем ты им понадобился?

– Страшно сказать, Серега. Что-то ужасное случилось с Огги. Может быть, ее уже нет в живых. И самое нелепое – меня чуть ли не обвиняют в ее убийстве.

– Что-что?! Что они все, с ума посходили? Расскажи толком, что там было?

Кирилл подробно передал весь разговор со следователем.

– Ну-ну... – задумался Сергей. – Ты говоришь, ее платок... Но почему платок? Почему только платок? Значит... Значит, у них вообще нет ничего, кроме этого платка. Да кляузы Полипчука.

– Следователь просто решил взять тебя на пушку, Кирилл.

– У меня самого мелькнула такая мысль. Но разве можно так вот...

– У них все можно. Да и что им оставалось делать? Огги пропала. Видимо, потихоньку ушла из дома. И, конечно, не посвятила Полипчука в свои планы. Тот бросился ее искать. Где-то обнаружил окровавленный платок. Подал заявление прокурору. Вот и закрутилась карусель. А ты единственная зацепка для следствия. Единственный, на кого мог указать Полипчук. Ни с кем другим Огги просто не имела дела. Ну, а приемы у следователей известны. Взять и ошарашить человека. Всем, чем они располагают. Вот и подсунули тебе ее платок. Только скажи, пожалуйста, что это за сверхутонченный метод убийства, при котором оказывается окровавленным всего лишь носовой платок? Зато для всякого живого человека нет ничего проще, чем запачкать платок кровью. Достаточно хотя бы перегреться на солнце. Да они и сами это прекрасно понимают. Будь уверен, если бы у них были более серьезные улики, тебя бы ни за что не отпустили. А Огги, я уверен, жива-живехонька, разве что нос разбила где-нибудь о камень.

– Я бы очень хотел надеяться, но, боюсь, все не так просто, что-то все-таки случилось с ней. И если даже только травма...

– Да это я так, к слову. Может, у них еще и платок-то не ее.

– Ее, я не мог ошибиться, там вышиты ее инициалы. Да и запах духов... Нет, я чувствую, у нее несчастье. И я сегодня же поеду туда, разыщу ее. Я не смогу теперь оставаться здесь ни на минуту!

– А как же подписка о невыезде?

– Пошли они со своими подписками знаешь куда! У человека несчастье. Может быть, что-то страшное. Очень страшное. А кто ей еще поможет?

– Но где и как ты собираешься ее искать?

– Не знаю еще. Судя по всему, платок нашли на тропе, что идет на перевал. По ней она и собиралась пойти. К тому же там есть одно местечко, где она могла оставить мне записку. А главное – больница: не может быть, чтобы я не нашел там никаких следов того пасечника, что увез отца Огги. Тогда будет ясно, куда идти. Словом, там видно будет.

– Что же, если так... Когда ты собираешься выехать?

– Я сказал – сегодня, прямо сейчас. От них всего можно ожидать. А чтобы они не сцапали меня раньше времени, скажу матери, что поехал в срочную командировку в Москву. И выеду не с вокзала, а с соседней станции, куда ходит автобус. Ты же снесешь в училище и передашь

секретарю директора мое заявление об отпуске. Да не сегодня, а завтра или лучше – послезавтра. И само собой – никому ни слова!

– Это я понимаю.

15

Мария Григорьева встретила его как давнего хорошего знакомого.

– Здравствуйте, Кирилл. Счастлива вас видеть, – протянула она ему обе руки, обжигая радостной улыбкой. – Как ваши дела? Узнали что-нибудь о своем брате? Или уже разыскали его?

– Нет, Маша, все оказалось сложнее. Значительно сложнее. Тот, о ком вы рассказывали, вовсе мне не брат, а совершенно чужой, лишь случайно похожий на меня человек. И тем не менее я должен, я обязан его разыскать, иначе... Словом, я не могу рассказать вам всего, но – верьте! – от этого зависит теперь моя жизнь. Именно поэтому я снова пришел к вам. Только вы сможете помочь мне.

– Я хотела бы это сделать. Но как? Я говорила вам...

– Вся надежда сейчас на больницу. Вспомните, пожалуйста, нет ли среди ваших знакомых кого-нибудь, кто работал там в то время, когда все это произошло?

– Нет, пожалуй. Старых врачей там не осталось, медсестры тоже давно сменились. Вот разве тетка Ганна... Она точно работала тогда в больнице. Да что может рассказать простая санитарка?

– Ну, не скажите. В таком деле, как наше, санитарки иной раз бывают куда более осведомленными, чем врачи и медсестры. Познакомьте меня с ней.

– Нет ничего проще. Теперь она на пенсии. А живет в ста метрах отсюда. Сейчас я выдам ребятам книги и проведу вас к ней. Только бы застать ее дома: больно непоседливая старушка.

Но к счастью «непоседливая» тетка Ганна копалась у себя в огороде. Увидев Марию с незнакомым молодым человеком и решив, что это «неспроста», она тотчас забежала, засуетилась, провела их в дом, на ходу застелила стол белой скатертью и принялась выставлять на него свежие огурцы, помидоры, кринки со сметаной и творогом:

– Вот, все свое, не купленное, прямо с грядки и погреба, – приговаривала она, снугая меж столом и кладовой.

– Тетя Ганна, к чему вы это? – попыталась остановить ее Мария. – Мы же буквально на минутку. Кирилл вот хочет спросить вас кое о чем.

– Пусть спрашивает, сколько его душе угодно. А сначала садитесь, откушайте, чем бог послал.

– Тогда сядьте и вы с нами, Ганна Федоровна, – согласился Кирилл. – А спросить вас я хотел вот о чем. Скажите, правда ли, что лет пятнадцать-семнадцать назад вы работали в местной больнице?

– А как же. И не пятнадцать, не семнадцать, а целых двадцать пять годков проработала я там, только нынешней зимой на пенсию-то вышла.

– Так, может, вы помните, как Мария со своим дядей привезли однажды в больницу сбитого их мотоциклом человека?

– Еще бы не помнить! Помню, будто вчера все было. Правда, Марийка-то в ту пору совсем девчонкой была. Но держалась молодцом. Как сказал Евсеич, наш тогдашний заведующий, царство ему небесное, что кровь нужна тому несчастному, так она ни минуты не колебалась. «Берите, – говорит, – кровь у меня, я что хочешь вынесу». А без этого, без марийкиной крови, значит, Евсеич сказал, ни за что бы ему не сдюжить.

– Не выздороветь, вы хотите сказать?

– Ну, до выздоровления-то дело так и не дошло, по крайней мере, в то время: больно сильно, видно, досталось человеку. Как пришел он в себя, так ни с кем – ни слова, ни полслова. Мы поначалу решили, что онемел человек. А он только головой качает и лепечет что-то непонятное. Тут уж мы догадались, что просто не наш он, может, француз, а может, эфиоп какой. Ну и, понятно, начали русскому языку учить. Особенно дед Матвей старался, сосед его по палате. Душевный был человек, Матвей-то! Койки их рядышком стояли, и тумбочка одна на двоих. Так он с ним, как с сыном...

Тетка Ганна вдруг всхлипнула и поспешно вытерла глаза кончиком платка. Потом медленно, будто заново переживая прошедшее, заговорила тихим приглушенным голосом:

– Ну, прошел так с месяц или около того, Матвея начали к выписке готовить, и однажды вечером отвел он меня в сторону и говорит: «Слушай, Ганна, дело-то какое: сосед-то мой совсем выучился

по-нашему балакать». «Ну и слава богу!» – говорю. «Оно бы и так, – отвечает, – да узнал я страшную вещь: отшибло у него, оказывается, всякую память, не помнит он ни имени своего, ни того, кто он, откуда, есть у него сродственники или нет». «Так надо, – говорю, – сейчас же сказать об этом Евсеичу». «Сказывал, – говорит, – да он и сам, слышь, давно все понял, только не знает, что делать: приходит пора ведь и его, соседа-то моего, выписывать, а куда он пойдет, сердечный?» «Как же теперь быть-то», говорю. «А решил я, – отвечает, – взять его, если позволят, к себе, на пасеку, пусть поживет в моей хатенке, может, и вспомнит что-нибудь. А не вспомнит, так, бог даст, и совсем со мной останется. Я ведь один, как перст, никого у меня нет, а он мне как родной стал...» Так и уехали они вместе. Дай бог им счастья. Не часто таких хороших людей встретишь...

– Ганна Федоровна, а где эта пасека деда Матвея? Куда он увез своего соседа? – заторопил Кирилл сердобольную старушку.

– Кто знает...

– Так неужели он никогда не называл своей деревни, не говорил, где он живет?

– Как не называл, называл, наверное. Да разве все упомнишь. Ведь когда это было! Да и память не та стала.

– А вы подумайте, тетя Ганна! – вступила в разговор Мария. – Может, вспомните все-таки? Очень это Кириллу нужно.

– Нет, не вспомню. Все как захлестнуло. А вот разве... Помнится, навещали Матвея какие-то сродственники, приезжали сюда с ночевкой и квартировали у Игнатьевны, той, что рядом с больницей живет. Может, она вам поможет...

Анна Игнатьевна Пospelова оказалась совсем еще не старой, очень приветливой женщиной, отлично помнившей всех своих постояльцев, какие нередко останавливались в ее просторном чистом доме. Вспомнила она и родственников деда Матвея, которые дважды квартировали у нее и каждый раз расплачивались чудесным альпийским медом.

– А вот где живут они, – задумалась она. – Точно не скажу. Но помню, как рассказывали, что приехали из-за перевала, по тропе, что ведет к Прибрежному, и по пути проезжали не то через одно, не то через два каких-то селения. Так что, если пересечь перевал и поспрашивать в близлежащих деревнях, то, может, и сыщется пасека деда Матвея. Только не все ладно там, на перевале-то...

– А что такое?

– Пошаливать начали какие-то добры молодцы. Да вот хоть недавно: пропала у одних хороших людей дочь-невеста. И что бы вы думали? Стали искать, видят, всего в нескольких километрах от дома, аккурат на той тропе к перевалу – лужа крови, а в ней – ее носовой платок и что-то там еще...

– А она сама? – еле выдавил из себя Кирилл, боясь услышать самое страшное.

– Что она сама? Саму ее, видно, упрятали куда-то, и концы в воду!

– Кто же ее так? – еле смог продолжить Кирилл от вновь нахлынувшей тревоги.

Анна Игнатьевна пожала плечами:

– Кто мог пойти на такое... Это пока одному богу известно. Хотя, говорят, крутился возле нее один хмырь, из приезжих. Не иначе, как он ее и порешил.

– Но зачем? Зачем ему было убивать?! – почти выкрикнул Кирилл, чувствуя, как гаснет последний лучик надежды, еще теплящейся у него в душе.

– Мало ли зачем. Может, драгоценностями какими прельстился, может, еще чем-нибудь. Отец-то с матерью у нее, говорят, богатыщами были.

– И все это одни враки! – неожиданно вмешалась Мария. – Не было и не могло быть у нее никаких драгоценностей. Потому что росла она – я не раз слышала – круглой сиротинкой. А те, кого вы называете «хорошими людьми», отчим и мачеха, удочерившие ее, только тиранили девчонку. И вообще, никто ее не убивал, я точно знаю. А все это, сказывают, подстроили те же «хорошие люди», чтобы получить хорошие деньги.

– Как получить деньги? О чем вы говорите? – переспросил Кирилл, боясь поверить тому, что сказала Мария.

– Ну, не деньги, так наследство какое-то. Всякое болтают. Помнится, мне еще дядя рассказывал, что ее не просто подбросили Полипчукам, а оставили при ней какие-то несметные богатства:

золото, каменья разные. Все это Полипчуки, конечно, припрятали. Да ведь шила в мешке не утаишь! И если бы, скажем, убили ее или она сама умерла, то все эти богатства, естественно, остались бы у них. А если она жива и только сбежала от них? Шиш тогда достался бы Полипчукам! Вот они и придумали всю эту историю с убийством и распустили слухи о ее смерти.

– Так, значит, она все-таки жива? И вы говорите, точно это знаете?! – вскричал Кирилл, снова переходя от отчаяния к надежде.

– Как не знать, когда я сама разговаривала с человеком, который видел ее живой и невредимой уже после всех этих толков об убийстве.

– А где? Где он видел ее? С кем вы разговаривали, Маша?

– На днях к одним моим знакомым приезжал их родственник, продавец прибрежного сельпо. А до этого пришлось побывать ему в селе Хотском, что за перевалом. Там он и видел эту девушку. И было это всего неделю назад.

– Значит, она действительно жива? Жива?! Вы уверены, что он не ошибся, что видел именно ее? И не далее, как неделю назад? – забросал Марию вопросами Кирилл.

– Какая может быть ошибка? Она выросла у него на глазах. А из Хотского он приехал всего три дня назад.

– Где же это Хотское? Вы бывали там?

– Нет, в Хотском я не была. А рядом с ним, в поселке Солнечном бывала не раз. Там тетка моя жила. Красивый был поселок, действительно, солнечный. А сейчас словно вымер. И все из-за карьера...

– Так расскажите, расскажите, как проехать или просто пройти туда, в Хотское? – перебил Марию Кирилл. – Ведь тот человек, которого я разыскиваю, отец этой девушки.

– Отец этой девушки! Так вот почему вы так... А найти Хотское нетрудно. Сразу, как подниметесь на перевал, тропа раздвоится: одна пойдет прямо вниз, к главной усадьбе овцесовхоза и дальше, к тюмунитовому карьеру...

– Как вы сказали, к тюмунитовому?! – не мог скрыть удивления Кирилл.

– Да... А что, неправильно сказала?

– Нет, правильно. Только... Вы знаете, что это такое – тюмунит? Для чего он нужен?

– Что такое тюмунит? – задумалась девушка. – Руда какая-то... А для чего она нужна? – она пожала плечами. – Не знаю, право. Слышала, что, кажется, применяется для приготовления каких-то лекарств.

– Может быть, в какой-то степени и так, – постарался замять разговор Кирилл. – Так вы говорите, одна тропа пойдет прямо к карьеру. А другая?

– Другая повернет направо, пройдет мимо развалин древней башни, потом пересечет небольшой ручеек и выйдет к кошарам совхоза. Туда заходить не надо. А лучше обогнуть кошары поверху и сразу свернуть к Солнечному: он виден оттуда. Ну, а от Солнечного до Хотского рукой подать. Там спросите, да и сами увидите.

– Спасибо, Маша. За все спасибо! Сейчас же еду в Прибрежный.

– Сейчас? – она взглянула на часы. – Сейчас вы едва ли уедете: в это время почти не бывает машин в ту сторону. Переночуйте здесь, вот хоть у Анны Игнатьевны. А завтра поутру...

– Нет-нет! Я должен ехать сейчас, сию минуту!

16

Выбравшись ранним утром из переполненного автобуса на знакомой остановке у Прибрежного, Кирилл решил сразу же, не заходя в поселок, свернуть на тропу к перевалу: очень не хотелось встретить кого-нибудь из знакомых поселян. Однако не успел он взвалить рюкзак на спину, как перед ним, словно из-под земли, вырос Афоня. Тот медленно снял с плеч объемистый и, должно быть, очень тяжелый мешок, осторожно положил его на землю и только после этого подошел к Кириллу:

– А-а, и ты здесь. А я думал, ты совсем уехал.

– Собирался совсем, да пришлось возвратиться.

– Из-за нее? –

– Кого ты имеешь в виду? – сделал вид, что не понял Кирилл.

– Да брось ты! До того ли сейчас. Или ты в самом деле ничего не знаешь? Нет ведь ее. Нет больше нашей горлинки. Прикончил ее какой-то ирод. Кое-кто тут даже на тебя кивает. Но я знаю, что это чушь собачья. А если б в самом деле довелось встретить того подонка, я б его вот так, собственными руками! – он крутанул в воздухе сжатым кулаком и стиснул зубы так, что побелели скулы.

– Постой, Афанасий. Тут надо еще разобраться...

– Что толку разбираться, этим ее не воскресишь. А ведь я... Теперь уж можно сказать: я ведь молился на нее, готов был целовать землю, по которой она ходила. Хоть и знал, что она никогда даже не взглянет на меня. И вот я, гнида раздавленная, живу, а ее нет...

– Да говорят тебе, постой! Вчера я точно узнал, что выдумки все это. Жива Ольга.

– Что-о? Это ты вправду? Ты не дуришь меня?

– Правда, Афанасий. Просто ушла она от Полипчуков. Сбежала от этих извергов, решила найти своего родного отца. И сейчас ищет его где-то за перевалом. Один человек, близко знавший Ольгу, видел ее совсем недавно в Хотском. Знаешь ты такое селенье?

– Еще бы не знать! Это почти у самой зоны.

– Так вот, там и видели Ольгу, живую и здоровую.

– Ух ты! Ну, порадовал ты меня! Так порадовал, что... Да теперь я на радостях такой фейерверк закачу, небу станет жарко. Достал ведь я взрывчатку. Достал, сколько смог унести. Вот тут, в мешке она.

– Как же ты умудрился достать взрывчатку?

– Ну, этого я тебе не скажу. Хотя, конечно, легче было через себя перепрыгнуть. Зато теперь полдела сделано. Осталось переправить ее куда надо. Вещь тоже не простая. Тебя просить об этом без толку...

– Да, в этом я тебе не помощник.

– Ладно, обойдусь без тебя. Ездит тут один парень на ту сторону на ослике, он подкинет. Правда, бутылка понадобится. А где ее взять? Может, ты поставишь?

– Бутылку я тебе дам хоть сейчас. Вчера прихватил на всякий случай, только... Скажи, ты действительно хотел бы добра Ольге?

– Что я хотел бы для Ольги, – я один знаю. И хватит о ней! И так я сболтнул с горя больше, чем надо. А теперь...

– А теперь хочешь сам отправить ее на тот свет?

– Как это?

– Я же говорил тебе, если взлетит на воздух обогатительная фабрика тюмунита...

– Чего-чего? Какого тюмонита?

– А ты даже не знал, что вы перелопачиваете там, в зоне? Так вот, я выяснил, что в карьере добывается, а на фабрике перерабатывается радиоактивный минерал тюмунит, из которого впоследствии извлекается начинка для атомных бомб. И если ты взорвешь фабрику, то это будет не просто взрыв, он будет подобен взрыву атомной бомбы, и на огромной территории, по крайней мере на всем заперевалье, погибнет все живое. Ты, правда, сказал, что судьба людей тебя не очень трогает: они не стоят этого. Но теперь за перевалом и Ольга. Она, по-твоему, тоже не заслуживает остаться в живых?

– Постой-постой! Ты это точно узнал? Ну, про этот тюмонит, что из него, дескать, атомные бомбы делают, и все, что ты сказал про взрыв? Может, вранье все?

– Зачем мне было что-то узнавать? Я сам физик. Да и тебе ли рассказывать, что несет людям тюмунит.

– Ну да, я знал, что все, что мы делаем – атом. Все в зоне знали. Но то, что в атомных бомбах и сидит этот проклятый тюмонит – об этом мы слухом не слыхивали.

– Могли бы и сами догадаться.

Афоня растерянно заморгал глазами:

– Так теперь что же... Что мне теперь делать? Как отомстить за все, что со мной натворили?

– Мстить надо тем, кто действительно заслуживает этого, тем, кто, воспользовавшись открытиями ученых, употребляет их во зло людям, покушается на святая святых – здоровье и жизнь человека. И мстить не в одиночку, а включаться в это всем нам, всем, кому дороги это море, это небо, этот

воздух. Я, если хочешь знать, давно уже решил посвятить себя такому делу. Так что, в общем-то мы союзники.

– А кому и как собираешься мстить ты?

– Я уже сказал, кому. А вот как – этот вопрос посложнее. Я, например, вступил в партию «зеленых».

– Это что же за партия такая?

– Партия еще только создается. А программа ее проста: сохранение природы, единение человека с природой – превыше всех идеологий, всех политических амбиций, всех межнациональных и иных противостояний. И вот эта партия поставила задачу бороться против любого насилия над природой, бороться со всеми ее врагами, начиная с мелких браконьеров, кончая руководителями всякого рода вредных предприятий, питающих им ведомств и даже правительства, если оно встанет на защиту этих предприятий и ведомств.

– Значит, против начальства, ты хочешь сказать?

– Да, и против начальства, которое, не задумываясь над последствиями, открывает карьеры, подобные тем, что за перевалом, и заставляет работать там без всяких средств защиты таких несчастных, как ты.

– Подходяще! Тогда мы, в самом деле, вроде как сообщники. Только одолеете ли вы начальство? Ведь это такая силища...

– Большей силы, чем сила народа, не существует, Афанасий. И если весь народ пойдет за нами, перед ним не устоит никакое начальство.

– Дай вам Бог. Считаю, что я с вами. Особенно против начальства. Ох, как у меня на него руки чешутся. Только... Что же теперь делать с этим? – кивнул он на мешок с взрывчаткой. – Как ты думаешь?

– Что тут думать! В море его, и дело с концом!

– Бросить мешок в море не задача. Да ведь жалко...

– А Ольгу тебе не жалко?

– Ольгу... – С минуту Афоня явно боролся с собой. Потом махнул рукой. – А, была – не была! Пошли, бросим! Прямо сейчас! Только давай твою бутылку, приложимся сначала. Без этого у меня рука не поднимется утопить такое сокровище.

– Бутылка вот она, в рюкзаке. Но не здесь же...

– Зачем здесь, пойдем к морю. Там все и оформим.

Через полчаса с взрывчаткой было покончено. Афоня тщательно вытряс мешок и, отойдя от обрыва, бросил его на землю:

– Ну вот и все... – Он тяжело вздохнул, но тут же решительно потряхнул головой. – Да и Бог с ней. С кем надо и без нее рассчитаемся. Так ведь? А завтра утречком, если будет такой же штиль, выйдем на шлюпке в море, покажу тебе место, где лежит та штуковина. Выйдем пораньше, чтобы поменьше было лишних глаз. Ты где, опять у тетки Лизаветы остановишься?

– Нет, Афанасий, завтра ничего не выйдет. Я сегодня же, прямо сейчас должен буду пойти в Хотское.

– Хочешь найти ее?

– Надо, Афанасий. Кто знает, разыскала ли она отца. А оказаться одной среди чужих людей... Да и все эти слухи... Хотя мне и сказали, что всего четыре дня назад ее видели в Хотском, но, сам понимаешь, дыма без огня не бывает. К тому же я сам держал в руках ее окровавленный платок.

– Да, об этом платке только и разговоров...

– Поэтому я и тороплюсь в Хотское.

– Ну, топай. А когда ждать тебя назад?

– Трудно сказать...

– Но ты вернешься? И долго здесь пробудешь?

– Едва ли. Я ведь всего на две недели вырвался с работы.

– А как же насчет того, чтобы здешнему начальству дать прикурить. Ты обещал...

– Так, чудак-человек, разве я один что-нибудь сделаю. Я говорил, что это сделает вся наша партия, при поддержке всего народа...

– Вона чего! Ну, это мы уж слышали. Эдак и само начальство долдонит.

– Нет, речь идет о совершенно иной партии. Я же говорил...

– Ладно, топай! Послушал я тебя... – Афоня круто повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь. Кирилл понял, что оказался в глазах Афони лишь жалким болтуном:
– Пстой, Афанасий, пстой! – шагнул он за ним следом.
Но тот лишь досадливо махнул рукой:
– Пошел ты, знаешь куда!..

17

Солнце успело подняться высоко над перевалом, когда Кирилл вышел к заветному озеру и увидел сквозь дымку клубящегося над водой тумана знакомые очертания древнего капища. С ходу, едва переведя дыхание после крутого подъема, перебрался он на противоположный берег и, поднявшись на мшистую глыбу, запустил руку в нишу часовни. Пальцы сразу нащупали небольшой, свернутый в несколько раз листок бумаги.

Записка Огги?!

В сильном волнении, не спускаясь на землю, развернул он влажный, слегка подплесневевший листок.

Огги писала:

«Дорогой Кирилл, милый мой, хороший человек!

Вот я и пишу вам свое первое послание. Пишу много раньше, чем рассчитывала это сделать, и в этом месте, где впервые поняла, как вы мне дороги. Пишу потому, что случилось большое несчастье: я чуть не потеряла Дэзи.

Но все по порядку. В тот же день, когда вы покинули Прибрежный, я сразу, как только Полипчуки выехали на рынок, покинула их дом и отправилась на поиски папы. Отправилась по знакомой вам тропинке и вскоре после полудня пришла сюда, к нашему озеру. Здесь я хотела немного передохнуть, но едва успела снять с плеч рюкзак, как из леса выбежала стая диких собак. Я слышала о них раньше, но даже представить не могла, что это так страшно. Грязные, облезшие, со свирепыми горящими глазами, они набросились на Дэзи и начали ее терзать. Бедная собачка пыталась сопротивляться. Но силы были слишком неравны. Я видела, что Дэзи исходит кровью. Еще минута, и они бы прикончили ее. Но тут я догадалась вытащить из рюкзака весь запас захваченного с собой мяса (я специально взяла его для Дэзи) кинула разъяренным псам. Те сейчас же набросились на мясо, начали грызться меж собой и вскоре скрылись со своей добычей в лесу. А я подскочила к Дэзи, кое-как перевязала всем, что у меня нашлось, ее раны, и перенесла в заросли можжевельника.

Дэзи лежала, не открывая глаз. Но сердце ее еще прослушивалось. Пришлось остаться с ней на ночь. Разве я могла покинуть свою бедную, так преданную мне подружку. Но, боже мой, какая это была кошмарная ночь! Ведь каждую минуту могли вернуться страшные собаки. Да мало ли что еще. Словом, я не сомкнула глаз ни на минуту.

Но вот ночь прошла. А главное, пришла в сознание Дэзи. Она даже встала на ноги и немного поела. После полудня, когда спадет немного жара, мы с ней снова тронемся потихоньку в путь. А сейчас я сижу и пишу это письмо. Как мне недостает вас, мой далекий единственный друг! Но я верю, чувствую, что сейчас, в эту минуту, вы думаете обо мне. И это придает мне силы.

Желаю вам успехов и счастья.

Ваша Огги».

– Бедная, бедная Огги! – не переставал повторять Кирилл, снова и снова перечитывая послание любимой. – Как мог я оставить ее одну? Как мог уехать, зная, что она отправится в столь рискованное путешествие?

И все-таки какая-то тяжесть сразу свалилась с плеч: ведь только теперь он окончательно убедился, что никакого убийства не было, что Огги жива и, может быть, уже через день-два он увидит ее.

Бережно свернув и спрятав драгоценную записочку и даже не дав себе передохнуть, Кирилл снова зашагал к виднеющейся вдали седловине. Но путь туда оказался не близким. Лишь после полудня, изрядно попотев и поработав ногами, выбрался он на гребень перевала.

Однако какой вид открылся ему с каменистого уступа, до блеска отполированного водой и ветром за многие сотни лет, что протекли с тех пор, как пролегла здесь горная тропа! Вся лежащая внизу залитая солнцем долина будто вскипела сплошным разливом пышной зелени. Сбегающие по ее бесчисленным террасам заросли дуба, ореха, кипариса казались волнами застывшего моря. А на

гребнях этих иссиня-изумрудных волн рассыпались, подобно вспыхивающим бликам, алые искорки олеандров, белоснежные чашечки и островерхие фонарики магнолий, золотисто-оранжевые гирлянды каких-то других, неизвестных Кириллу цветов. Трудно было вообразить картину более совершенной, более утонченной красоты. Невыразимое чувство восторга переполнило Кирилла.

Но что это? Он перевел взгляд на другую сторону долины и едва смог сдержать крик возмущения, протеста, ужаса, готовый вырваться из его груди. Там, на противоположном склоне, как огромная рваная рана, расплзлось безобразное грязно-серое пятно туюмунитового карьера. Бесчисленные отвалы его, подобно щупальцам гигантского чудовища, пронизали живую кипень цветущей зелени, придавив, изуродовав, засыпав напрочь хрупкие, беспомощно тянущиеся к свету ветви поверженных деревьев. Тучи пыли, словно клубы смертоносного тумана, медленно сползали с них, густо обволакивая расположенные чуть ниже бараки, эстакады, ржавые рельсы узкоколейки, груды искореженного металла и иного мусора. А над всем этим хаосом мертвого камня и развороченной земли, как символ чудовищного насилия человека над природой, высилась огромная труба обогатительной фабрики с длинным шлейфом ядовито-желтого дыма.

Мозг отказывался признать, что все это сделали сами люди, сами хозяева земли, столь же прекрасной, щедрой, сколь и легко ранимой, незащищенной, сделали сознательно, искренне полагая, что сделала себе во благо.

Впрочем, те, кому принадлежало право решать, что делать, что не делать, никогда и не бывали здесь, не видели ни цветущей долины, ни того, во что превратилась она в результате их мудрого решения. Они, эти вершители судеб земли и людей, принимали решения «во благо» своих подданных за тысячи километров отсюда, в своих роскошных кабинетах с кондиционированным воздухом и искусственно взлелеянными цветами на подоконниках, попивая заведомо экологически чистое вино и лакомясь не менее экологически чистыми фруктами, выращенными отнюдь не там, где грохотали туюмунитовые карьеры и дымили обогатительные урановые фабрики, истязая природу и отнимая здоровье и жизнь у людей.

А те, кто непосредственно копал и взрывал землю, рубил и корчевал деревья, были ли то зеки или вольнонаемные гладиаторы наших дней, едва ли знали, что и для чего извлекают они из земных недр, а скорее всего лишь, не рассуждая и не задумываясь, выполняли приказы «начальства», кляня, как Афоня, выпавший на их долю «атом», или слепо веря, как Мария Григорьева, что добывают «руды для приготовления каких-то лекарств».

Да и многие ли вообще, за исключением специалистов, знают, что это за минерал – туюмунит, довольно редкий ванадат урана, конечному продукту переработки которого суждено вздыбиться в виде кошмарного грибовидного облака, несущего смерть всему живому.

Так вот где поселился волею судьбы отец Огги, вот где ждет его, Кирилла, раскрытие окружающего этого человека тайны. Он быстро, стараясь не смотреть на обезображенный склон долины, спустился к кошарам, которые оказались почему-то давно заброшенными, поспешно миновал единственную улицу полуразрушенного поселка, где не заметил ни единой живой души, и через каких-нибудь полчаса вышел к первым домам большого селения, в центре которого блестела свежеекрашенными куполами старая, но хорошо сохранившаяся церковь.

Это, видимо, и было село Хотское. Но здесь также не чувствовалось обычной для южных деревень полноты жизни. Главная улица села выглядела удивительно пустынной, двери выходящих на нее домов были плотно замкнуты, окна закрыты. В дворах и переулках, заросших густой травой, повисла ленивая сонная тишина.

Абсолютно не представляя еще, что предпринять дальше, движимый каким-то неясным предчувствием, Кирилл направился прямо к церкви. Двери храма стояли открытыми, но на паперти не было видно ни одного человека. Постояв с минуту у входа в ограду, Кирилл готов был уже двинуться дальше, как вдруг в проеме дверей показалась тонкая женская фигура с головой, покрытой черным шарфом. И эта поникшая фигура...

Возможно ли?!

– Огги! – вскрикнул он, бросаясь к ней.

Девушка вздрогнула. Глаза ее широко раскрылись. Губы изогнулись в страдальческой полуулыбке. Крупная слеза покатилась по бледной щеке.

– Кирилл! Кирюша... Как вы... Как ты узнал, что я только что молила Бога... – Она шагнула ему навстречу и прижалась лицом к его груди, не в силах подавить нахлынувшие рыдания.

– Огги, милая, родная, что с тобой? Что случилось? Почему ты здесь? – шептал он, легонько поглаживая ее по голове.

– Папа... мой папа... Нет больше папы, Кирюша, – смогла наконец она выговорить сквозь приступы рыданий. – Я похоронила его на днях. И вот теперь... Теперь я одна на всем белом свете.

– Не говори так, Огги! Я знаю, тебе тяжело. Тебе безумно тяжело. Но... Ты не одна. Ты никогда не будешь одна, потому что... Словом, с сегодняшнего дня, с этой самой минуты ты моя жена.

– Кирюша, хороший мой, но ты же знаешь, что мама...

– Я знаю только, что больше не покину тебя ни на один день и не пожалею жизни, чтобы никому никогда не дать тебя в обиду.

– Спасибо, Кирюша. И все-таки не торопись связывать себя такими обещаниями. Я должна рассказать тебе такое...

– Ты все расскажешь, когда мы вернемся домой.

– Куда домой? О каком доме ты говоришь? Ведь я...

– Я говорю о доме, где живу сам, и где теперь будешь жить со мной и ты.

– Нет-нет! – Она в испуге отстранилась от него. – Сначала выслушай меня. Выслушай сейчас. Сядем вот сюда, на скамеечку, и поговорим.

– Ну, хорошо, – согласился Кирилл.

– Так вот, стоило мне подняться на перевал, – начала Огги свой рассказ...

18

Стоило ей подняться на перевал и раскрыть медальон, как тонкая световая полоска чуть поколебалась и уперлась прямо в лежащее далеко внизу селение. У Огги перехватило дыхание от волнения. Значит, там, в этой утопающей в зелени деревне с высокой белой церковью и живет ее отец.

Если бы так! Но путеводная полоска убедительно указывала не на расположенный неподалеку, прямо под ней, поселок и не на большой задымленный карьер на противоположном склоне, а именно на это, лежащее чуть в стороне и почти в самом низу долины селение, к которому, по-видимому, и вела правая развилка тропы, круто сбегаящая к поднимающимся невдалеке кошарам.

– Ну, Дэзи, вперед! – тихо скомандовала Огги. – Я знаю, ты устала. Но мы должны, обязательно должны еще до наступления ночи добраться вон до этих домов, чего бы это нам ни стоило.

Дэзи лизнула ей руку и затрусила вниз. Огги последовала за своей верной спутницей.

Впрочем, путь вниз по склону оказался не столь уж трудным, и еще до наступления сумерек они вступили на широкую улицу села. Но как быть дальше? Как спросить о человеке, который поселился здесь около двух десятков лет назад и, следовательно, ничем не выделяется среди прочих жителей, человеке, который неизвестно чем сейчас занимается, неизвестно как одевается, как выглядит? Разве показать вон той группе женщин, столпившихся у источника, сразу за которым начинается дорога в лес, фотографию отца?

Огги раскрыла медальон и даже ойкнула от неожиданности. Стрелка, ее путеводная стрелка была повернута теперь почти под прямым углом к улице и располагалась прямо вдоль дороги, на которой стояли женщины.

Она подошла к ним ближе, коротко поздоровалась:

– Скажите, куда идет эта дорога?

– Как куда? На пасеку.

– А дальше?

– А дальше никуда, только на пасеку и идет.

– И кто живет там, на пасеке?

– Так пасечники и живут. Два старичка наших, дед Матвей и дед Егорий. Сколько годков уж там живут одни-одинешеньки. Дед Матвей-то уж и ходит с трудом и видеть почти перестал, а все своих пчелок лелеет.

Ну и Егорий тоже... Душевные старички! Дай Бог всякому так...

Дед Егорий... Так вот как нарекли здесь ее папу, который всегда оставался у нее в памяти молодым, веселым, сильным мужчиной с задорно вздернутым носом и пышной шевелюрой светло-русых волос, и которого мать действительно называла иногда «мой Горри». Слезы готовы были брызнуть у нее из глаз. Но она сдержала их, постаралась унять волнение.

– Спасибо вам, добрые люди. Спасибо большое. Вот этих старичков мне и надо.

– Их тебе и надо?! Зачем бы это?

– Надо, очень надо! – повторила Огги и быстро, почти бегом, направилась к синему неподалеку лесу. Надо было спешить, в долине начали сгущаться сумерки, а мало ли с чем еще, может быть, придется столкнуться.

Однако пасека, действительно, оказалась совсем рядом. Не успела Огги немного успокоиться, как дорога вывела ее на обширную поляну, где, огороженные живой изгородью, стояли несколько десятков ульев и небольшая бревенчатая избушка, крытая полусгнившей дранкой. Возле крыльца избушки, за небольшим, врытым в землю столом сидели двое седовласых старцев и не спеша потягивали из простых глиняных кружек дымящийся чай.

Дэзи негромко зарычала.

– Тихо, Дэзи, тихо! – приказала Огги. – Неужели ты не понимаешь, что это самые дорогие мне люди.

Отца она узнала сразу. Но – боже! – как он изменился, как постарел за эти годы! И как подойти к нему сейчас? Как заговорить, как назвать себя, не вызвав у него тяжелого нервного потрясения?

Тихо, затаив дыхание, стояла она, скрытая густыми зарослями, не замечая, как текут по щекам непрошенные слезы.

Нет, просто подойти к нему и сразу сказать, что он ее отец, нельзя. Ни в коем случае! Но что же делать, как подготовить его к такой неожиданности?

Наконец Огги решилась, быстро прошла по узкой, заросшей травой, тропинке и, подойдя к избушке, склонилась в долгом глубоком поклоне:

– Доброго вечера вам, приятного аппетита, – сказала она как можно более ровным голосом.

– Спасибо, девочка, – ответил тот, кого встречные женщины называли дедом Матвеем. – Только что-то не признаю я тебя. Совсем глаза отказали. Да и голос вроде незнакомый.

– А я нездешняя, в первый раз в этих краях.

– Вон оно что! Что же привело тебя к нам на ночь глядя?

– Я ищу одного человека, – Огги чуть помолчала. – По имени Горри...

– Что?! Как вы сказали? Или я ослышался? – Отец ее, до того безучастно прислушивавшийся к разговору, низко склонившись над своей кружкой, резко поднял голову и взглянул на Огги.

– Нет, вы не ослышались, – ответила та вмиг задрожавшим голосом. – Ведь вы... вы... – слезы не дали ей договорить.

– Огги, дочка моя! Ты?! – Старик попытался выбраться из-за стола, но Огги бросилась к нему, обвила руками шею, прижалась к худой старческой груди.

– Папа... Папа... Папка мой... – только и могла она повторять сквозь приступы рыданий, не поднимая головы от груди отца.

– Гм... Вот оно, какая история, – встал из-за стола дед Матвей. – Только ты того, девочка. Только ты не очень. А то не ровен час...

– Да-да, я понимаю, – опомнилась Огги. – Успокойся, папа. Сейчас я все объясню.

– Ничего не объясняй, дочка. Дай мне только насмотреться на тебя. – Он легонько приподнял голову дочери со своей груди. – Подумать только, – совсем взрослая. И вылитая мать! А я уж потерял всякую надежду... – Голос старика предательски дрогнул.

– Папа, можно мне тоже чаю? – догадалась разрядить обстановку Огги.

– Да, конечно! – засуетился старик. – Сейчас я тебе налью. А вот тут мед и лаваш. Кушай, дочка.

– Как вкусно, папа!

– Вот и славно. Ты ешь, пей, а я буду говорить. Мне надо так много сказать тебе, Огги.

– Теперь успеем наговориться. Я ведь к тебе не на день и не на два.

– Спасибо, дочка. Но дело не в этом. Ты слышала, дядя Матвей сказал, не ровен час...

– Ну, это он так, по-стариковски.

– Нет, дядя Матвей знает. Но еще больше знаю я сам. Я ведь когда-то... Однако не время предаваться праздным воспоминаниям. Мне действительно надо сказать тебе очень многое, а жить осталось считанные дни, может, часы.

– Ну что ты, папа!

– Да-да, я знаю, что говорю. Ты слушай, только слушай и постарайся не перебивать меня. Но прежде скажи, ты знаешь, кто ты, кто твоя мама, кто все мы?

– Нет, мне ничего не известно об этом. Ведь мама умерла в тот самый день, когда мы расстались с тобой. А узнала я об этом лишь недавно, всего несколько дней назад, когда смогла наконец раскрыть оставленный ею медальон. В него была вложена ее записочка. Вот она. – Огги протянула отцу последнюю весточку от матери.

Тот быстро пробежал ее:

– Так... Все ясно. А дневник мамы?

– Он пропал. Вернее, его украли те, кто приютил меня. Я не успела даже раскрыть его. Ведь эти люди... – Огги коротко рассказала о своей жизни в доме Полипчуков.

– Так я и знал... Хорошо еще, что ты смогла сохранить мамин индикатор. Иначе тебе вообще не удалось бы напасть на мой след. Что же касается меня, то со мной произошла еще более нелепая история. Вскоре после того, как я покинул вас, меня сбил мотоцикл, в результате полученной травмы я полностью утратил память и только нынешней весной вспомнил тебя, нашу маму и все, что предшествовало этому роковому дню. Ко мне вернулись все мои знания. Огромные знания, Огги. И передать их я мог только тебе. Но как было найти тебя? В свое время мы с мамой условились, что в случае критической ситуации она сделает все возможное, чтобы ее индикатор унаследовала ты. И я попытался уловить его сигналы. Но мой собственный индикатор неизменно приводил меня лишь к небольшому озеру с часовней, и там обрывалось все. А между тем, я знал, что дни мои сочтены. Какое счастье, что ты сама смогла разыскать меня. Может быть, я еще успею кое в чем просветить тебя. Но пока – самое главное, самое основное. Итак, слушай. Ты родилась не здесь, не среди этих людей, а главное – не в эту эпоху. Ты родилась более десяти тысяч лет назад...

– Что?! Что ты говоришь?

– Не перебивай, меня, Огги. Я расскажу

все, что успею. Да, ты дитя совсем иной цивилизации, цивилизации почти столь же технически совершенной, что и нынешняя и, к сожалению, столь же, если не еще более, беспечной во взаимоотношениях с природой. А природа не терпит дилетантизма, а тем более насилия. В ней много запретных зон, куда человек просто не имеет права вторгаться. Наши с тобой соотечественники пренебрегли этим, и природа отомстила им. Отомстила жестоко, беспощадно, как смогла сделать только природа. Я раньше многих других понял, что наша цивилизация пошла по пути неминуемого самоуничтожения. Я ведь был тем, кого сейчас здесь называют учеными. Я не переставал говорить о надвигающейся катастрофе. Но меня не хотели слушать. Впрочем, наверное, было уже поздно. Мы перешли ту грань, за которой начались необратимые процессы. И тогда я решил не ждать последнего часа. Я знал, как ввести человека в состояние анабиоза, в котором он может сохраниться неограниченно долгое время. Я знал и то, как вывести его из этого состояния. И я построил аппарат, который мог бы автоматически сделать все это. Так мы: я, твоя мама и ты, оказались в начиненной приборами капсуле, которая погрузилась на дно моря и должна была всплыть на поверхности ровно через десять тысяч лет. Одновременно соответствующая аппаратура должна была вернуть нас в нормальное состояние. Не все мои расчеты подтвердились. Мы с тобой, как видишь, довольно легко перенесли многовековое небытие. А вот организм нашей мамы не выдержал такого испытания. Да и для нас с тобой все кончилось не лучшим образом...

– Ну, тут твои расчеты ни при чем, вздохнула Огги. – Однако что все-таки произошло там, на нашей родине? Чем погубили себя наши соотечественники?

– Это главное, что я должен тебе рассказать. Но в двух словах всего не передашь. А я уже утомился сегодня. Впрочем, видишь вон тс огни, над лесом?

– Да. А что это?

– Это тююмунитовый карьер. Самое страшное, что есть в этой долине. А для меня особенно страшное. Ибо это живое олицетворение того, от чего мы бежали десять тысяч лет назад. Живой призрак минувшего! Он, этот призрак... О-о!...

– Папа, что с тобой? Папа?

Но из груди отца вырвался лишь хриплый стон, глаза его закрылись, губы побелели, голова упала на стол.

– Папа! Папа! Дедушка Матвей, что с ним?

– Переволновался человек, понервничал. Последнее время он часто так... Как заговорит об этом карьере... Давай перенесем его в хату. Отлежится, поправится.

19

– Но он не отлежался, не поправился, – закончила свой рассказ Огги. – Через несколько дней папы не стало. Он умер, так и не приходя в сознание. Мы похоронили его на здешнем кладбище. А на другой день скончался и дедушка Матвей. И в довершение всего погибла Дэзи: тот случай в лесу не прошел для нее бесследно. И теперь вот...

– Так где же ты жила эти последние дни, что собираешься делать дальше?

– Приютила меня пока одна старушка. А дальше... Поеду, наверное, в Ставрополь, попробую продолжать учиться в техникуме или найду там какую-нибудь работу.

– Нет, Огги, ты поедешь со мной, ко мне. Я не оставляю тебя одну. Я люблю тебя, я...

Она закрыла ему рот ладошкой.

– Не надо, Кирюша. Не надо об этом. Я тоже хотела бы... быть поближе к тебе, но... Я не могу поехать с тобой, не могу не прислушаться к предостережениям мамы. Пойми, я боюсь не за себя, мне уж все равно. Но ведь речь идет не только обо мне. Признаюсь, у меня еще теплилась крохотная надежда: я думала, что папа объяснит мне смысл ее слов, и тогда, может быть... Но я не успела спросить его ни о чем, и теперь... Нет, нам нельзя быть вместе.

– Хорошо, не будем больше говорить об этом сейчас. Но до Чернореченска-то я могу тебя проводить? А там... Словом, я навел кое-какие справки, не исключена возможность, что мы разыщем дневник твоей мамы, узнаем, что она имела в виду.

– Ты знаешь, как найти дневник мамы?

– Почти. Но без тебя мне его не заполучить.

– Я сделаю все, что нужно.

– Неплохо было бы еще раздобыть диктофон и фотоаппарат...

– Диктофон и фотоаппарат? Я смогу, пожалуй, найти то и другое. У одних моих знакомых в Чернореченске, я знаю, есть такие вещи.

– Тогда я почти ручаюсь за успех.

– Кирюша, милый, если бы нам действительно удалось найти дневник...

– Можно зайти к вам? – проговорил Кирилл, несмело приоткрыв дверь добротного особняка Аграфены Званцевой.

– Зайдите, милости просим, – вышла к нему навстречу хозяйка дома, высокая дородная женщина в цветастом шелковом платке и длинном, до пят, бордовом сарафане.

– Здравствуйте, Аграфена Никитична, простите за беспокойство, – обратился к ней Кирилл, оглядывая богатую, как антикварная лавка, гостиную вдовы.

– Здравствуйте, мил человек. Чем могу служить?

– Як вам с просьбой, Аграфена Никитична.

– Садитесь, выкладывайте вашу просьбу, – проворковала Званцева. – Только скажу сразу, если вы наслушались бабьих сказок, что у меня, как на ярмарке, можно купить все что хочешь, от платка до каракулевой шубы, то не обессудьте: в этом доме ничего не продается.

Ну, что вы, Аграфена Никитична, я к вам совсем по другому делу. Лет семнадцать тому назад ваш бывший муж Сидор Петрович Буряков приобрел у Игната Полипчука из Прибрежного одну золотую вещицу...

– Не знаю я никакого Полипчука и слышать не слышала ни о какой золотой вещице! – отрезала Званцева.

– Ну, зачем так, Аграфена Никитична? Ведь Полипчук, как-никак, ваш родственник, не знать его вы не можете. Да и расписочка у него сохранилась о том, что ваш покойный супруг не доплатил ему

за эту вещь две тысячи семьсот рублей. Вот, полюбуйтесь, – выложил Кирилл на стол пожелтевший документ.

– Ложь! Фальшивка! – мигом взвилась Званцева, мельком взглянув на расписку Бурякова.

– Да нет, не фальшивка, – решил приврать Кирилл. – Графологическая экспертиза подтвердила, что расписка написана именно Сидором Петровичем Буряковым.

– Так вы что, хотите взыскать с меня эти две тысячи семьсот целковых? За этим Полипчук вас прислал?

– Ну, зачем взыскать – дело прошлое. Да и кто знает, сколько в действительности стоила эта вещь. Аппетиты Полипчука всем известны.

– Вот именно! – поспешно согласилась Званцева. – Этот наш родственничек, как вы изволили выразиться, просто ободрал нас, как липку. Знающие люди сказали, это вещь не стоит и половины того, что мы заплатили.

– Что же вы не вернули ему покупку?

– Попробуй верни! Сделка состоялась. Но об этих двух тысячах семистах рублях пусть он лучше и не заикается. Эк спохватился. Через столько-то лет!

– Да, едва ли стоило ему поднимать этот вопрос. Тем более, что вещь ворованная.

– Как ворованная? – спохватилась Званцева.

– А как же, он украл ее у девочки, которая волею судьбы оказалась у него в доме.

– Пойдите, пойдите! А откуда вы все это знаете? Кто вы такой?

– Я муж этой девушки, и мне хотелось бы...

– Вон оно что! – вмиг преобразилась Званцева. – Мужем Ольги, значит, решили назваться! И расписочку успели приобрести! Думали, так тут и раскиселятся перед вами, так и выложат все, что вы затребуете. Как же: я муж, мою жену обокрали... Ловко придумали! Да не на такую нарвались! Прежде чем лезть сюда, узнали бы хоть, где она сейчас, ваша «женушка». Ее уж и в живых нет!

– Ошибаетесь Аграфена Никитична, – спокойно возразил Кирилл. – Выгляните в окно. Вот она сидит на скамеечке на той стороне улицы, меня поджидает.

Званцева метнулась к окну:

– Свят-свят-свят! Живая! Как же это? Давно ли сам Полипчук сказывал, что убили ее. Что за наваждение! Но все равно! Муж вы или не муж, жена она вам или не жена, ничего у вас с ней не выйдет! Нет у меня никакой ее вещи. Нет! Ничего я об этом не знаю и никакого разговора у нас с вами не было. Кто подтвердит, что вы тут выудили из меня? Где свидетели? А я где хочешь, хоть в милиции, хоть в суде так и скажу: ничего я об этой вещи слыхом не слыхала, и все это одни выдумки. Так что проваливайте отсюда, пока я не позвала мужиков-соседей, и больше носа не показывайте!

– Не торопитесь, Аграфена Никитична, уйти я успею. Только напомним, что свидетелей у меня предостаточно, взять хоть вашу бывшую соседку, вдову Маркела Ивановича Марчука. Да мне и не нужны никакие свидетели. Весь наш разговор записан вот здесь, – вынул Кирилл из сумки диктофон. – Вот, послушайте.

– Это еще что?

– А вы слушайте, слушайте!

Раздался негромкий щелчок, и сразу:

«Здравствуйте, Аграфена Никитична, простите за беспокойство». «Здравствуйте, мил человек, чем могу служить?» «Я к вам с просьбой, Аграфена Никитична».

Кирилл выключил прибор:

– Поняли, Аграфена Никитична?

Та долго молчала. Потом проговорила с нескрываемой злобой:

– Все поняла. Говорите прямо, что хотите, в суд на меня подать, денег у меня вывернуть?

– Мог бы и в суд подать, обвинить вас в приобретении заведомо краденной вещи. Но я не стану делать этого. Деньги мне тоже не нужны. Скажу больше, я оставляю эту вещь у вас и никому не скажу, что у вас незаконно хранится вещь большой государственной ценности. Но при одном условии: если вы позволите мне сфотографировать страницы этой книги.

– Да зачем вам это?

– Нам, то есть мне и моей жене, очень важно знать, что написано в этой книге. Ведь это не просто книга, а дневник покойной матери Ольги, и в нем... Ну да буду с вами совершенно откровенным.

Ольга очень больна. Что с ней, не может определить ни один врач. Знала об этом только ее мать. И именно это занесла в свой дневник. Теперь вы понимаете, как важно...

– Боже, что же вы сразу не сказали?

– А если б сказал? Так вы, ни слова не говоря, и выложили бы мне эту книгу?

– Кто знает... Может, и впрямь поопасалась бы, – призналась Званцева. – Ведь в свое время мы все наши денежки в эту вещь всадили. Почитай, все мое богатство теперь в ней. А вы мне с этой ведьмой, вдовой Марчука, да еще с магнитофоном... Уж так меня прижали, что не знаю, что и делать...

– Опять – «что делать?» Да поймите, никто и не посягает на ваше богатство! Говорю, позвольте мне только сфотографировать текст дневника. И владейте им, сколько вашей душе угодно. Ну что он, убудет от фотографирования?

– Так-то оно так, да... Не знаю уж, как вам и сказать. Книжки-то уж нет, одни корочки остались...

– Как, одни корочки?!

– Ну, сами посудите, книжка-то толстая была, как ее прятать. Вот мы и вырвали большую часть страниц, оставили самую малость, чтобы только золото не терлось.

– А где они, эти вырванные страницы?

– Выбросили, наверное, я уж и не помню. Кто бы мог подумать...

– Ну, хоть те листы, что остались, можете вы мне показать?

– Зачем показывать, забирайте их совсем, все до единого. Только корочки мне оставьте.

– Эх, Аграфена Никитична, что вы наделали! Ну да что теперь об этом... Давайте, что осталось.

– Сейчас, посидите минутку. Только... А вы вправду не затребуете у меня этих корочек и никому не скажете о них?

– Клянусь вам, Аграфена Никитична!

– Тогда уж и расписочку Бурякова оставьте мне.

– Отдам и расписку.

– А как же магнитофонная запись? Вы бы и ее уничтожили.

– Уничтожу прямо при вас.

– Тогда я сейчас... Званцева вышла в соседнюю комнату и через несколько минут вынесла стопку плотных глянцевитых листов, убористо покрытых знакомым Кириллу шрифтом. – Вот, все, что осталось.

– Ну, что же... Только скажите, это начало или конец дневника?

– Конец. Самые последние странички.

– Ладно хоть так, – внутренне порадовался Кирилл. – Конец нам важнее. Ну, вот вам расписка, вот пленка с записью. И, если можно, еще один вопрос: а тот аппарат с останками несчастной женщины, который, как говорят, на глазах у покойного Бурякова погрузился на дно моря... Вы не смогли бы хоть примерно сказать, где он это видел?

Она покачала головой, вздохнула:

– Нет, не смогу. Все это мог сказать только Сидор Петрович, царство ему небесное. Я, правда, слышала от него, шар тот в хорошую погоду можно прямо сквозь воду видеть. Да где там... Мы со вторым моим муженьком, признаюсь вам, попробовали однажды поискать его, всю бухту исколесили на лодке вдоль и поперек – нигде ничего! Я даже сомневаюсь теперь, в бухте ли он в то утро рыбачил, может быть, совсем в другом месте это было: берег-то длинный. Да и сколько времени с той поры прошло! Могло занести эту посудину илом, могло волной разбить...

– Да, конечно... Прощайте, Аграфена Никитична.

– Прощайте, мил человек. Не сердчайте, если что не так. Ведь всякий бы на моем месте...

– Ну, положим, далеко не всякий. Да что говорить... Спасибо и на этом. – Он бережно свернул в трубку упруго шелестящие листы и, выйдя из пропахшей нафталином комнаты, поспешил к ожидавшей его Огги.

– Вот все, что сохранилось от дневника твоей мамы, – сказал он, подсаживаясь к ней на скамеечку и протягивая вырванную рукопись.

– Как, все? А остальное?

– Остальное эти варвары просто уничтожили, за исключением, разумеется, обложки, ради которой они и выторговали дневник у Полипчуков.

– Но ведь это... это... – не смогла найти слов от негодования и отчаяния Огги. – Сейчас я пойду туда и...

– Не надо, Огги. Я сделал все возможное. Других страниц не вернуть. Пойдем отсюда. Поезд отходит через полтора часа. Зачем нам оставаться здесь еще на сутки. А надо еще проститься и поблагодарить твоих знакомых, тетку Ганну, Марию. Пойдем, Огги!

– Да, пойдем, пожалуй, только... О каком поезде ты говоришь, о том, на котором поедешь ты?

– О том, на котором поедем мы.

– Как – мы? Я же говорила тебе... Разве ты забыл?

– Я помню все. Но мы условились, что примем окончательное решение лишь после того, как познакомимся с содержанием дневника. А на это, как я понимаю, понадобится время?

– Да, с ходу это не прочесть, некоторые фразы даются мне с трудом, – призналась Огги, просматривая рукописный текст, – я училась нашей грамоте совсем ребенком, а почерк у мамы был, видимо, далеко не каллиграфическим. Так что, действительно, понадобится время...

– Вот на это время я приглашаю тебя к гости к нам с мамой. А там Видно будет.

– Ой, не знаю, что и сказать тебе, Кирюша.

– И правильно, лучше ничего не говорить. Мы еще успеем наговориться там, дома. А поезд ждать не будет. К тому же надо бы все-таки навестить до отъезда хотя бы Марию-библиотекарку: она так много сделала, чтобы я смог найти тебя. Это здесь неподалеку, в машиностроительном ПТУ.

– Хорошо. Только зайди к ней один. Так будет лучше. А я тем временем пройду по магазинам, куплю кое-что на дорогу. Через час встретимся на вокзале.

Мария Григорьева была, как всегда, за своим столом, в читальном зале и, увидев его, быстро встала, пошла навстречу:

– Ой, Кирилл! Вы? Ну, что, как? Разыскали своего двойника, встретились с его дочерью?

– Да, спасибо вам большое. Нашел всех. Только... Опоздал немного. Всего на несколько дней опоздал. Умер тот человек неделю назад. А на другой день умер и приютивший его пасечник.

– Боже, какое несчастье! Столько смертей сразу. Вчера забежала ко мне подруга из Прибрежного и сказала, что там у них тоже покойник. Я не знаю, слышали ли вы об одном горемыке Афоне...

– Что?! Умер Афанасий Болдин?!

– Да, наложил на себя руки, говорят. А вы, значит, знали его?

Кирилл лишь закрыл лицо руками и молча опустил на стул. Умер Афоня... Покойный, конечно, не оставил никакого письма или записки. Но Кирилл знал, что заставило несчастного покончить с собой. Все последнее время он жил одним – надеждой отомстить за исковерканную жизнь. И он, Кирилл, отнял у него эту надежду. Что из того, что иначе он поступить не мог, что из того, что он, может быть, спас жизни сотен других людей. У каждого человека одна жизнь. Ее не заменишь тысячами других. Жизнь у Афони отнял он, Кирилл. И как бы ни оправдывали его все, казалось бы, не зависящие от него обстоятельства, сам он не мог оправдать себя никакими доводами рассудка. А надо было еще сказать об этом Огги, сказать, несмотря на то, что после этого она определенно отстранится от него навсегда.

– Да что вы так расстроились, Кирилл? – подсела к нему Мария. – Ведь он, Афоня, давно уже еле по земле ходил. И опустил донельзя. Я как-то встретила его – на человека не похож.

– И все-таки он был человек, Мария. Такой же человек, как все мы. Только больше обижен жизнью. И людьми тоже. А теперь я должен проститься с вами. Спасибо за все, что вы для меня сделали и, как говорится, не поминайте лихом. – Кирилл тяжело поднялся и пошел к выходу.

Огги встретила его возгласом, полным тревоги:

– Кирилл, что с тобой случилось? Что случилось, Кирюша?

– Не знаю даже, как тебе сказать. Получается так, что я... Что я убил Афанасия.

– Убил Афоню?! Что ты говоришь? Что за нелепость? Это... Это бред какой-то!

– Да нет, Огги. Сейчас я расскажу тебе все.

Случилось так, что в первый же день по приезде в Прибрежный я пошел на пляж и встретил там Афоню... – Кирилл подробно рассказал все, начиная с первого разговора с Афоней, кончая тем, как он уговорил его бросить в море взрывчатку, и как Афоня, обиженный и раздосадованный тем, что он, Кирилл, не смог тут же пообещать ему предпринять какую-нибудь конкретную акцию против местного начальства, смерил его презрительным взглядом и ушел, не пожелав даже дослушать до

конца в общем-то жалкие доводы Кирилла. — Понимаешь, Огги, я отнял у него единственное, что еще привязывало его к жизни — возможность отомстить за свои несчастья.

— Ты прав, наверное. Так оно, по-видимому, и было. И жаль, конечно, человека. Но жить одной ненавистью! Сделать месть единственным смыслом существования! Это не по-христиански. И уж совсем зря ты считаешь себя повинным в смерти Афони. Если кто и виновен в ней, так только наша кошмарная система, сделавшая его изгоем. Но разве изгоям дозволено все? И разве можно оправдать их мораль: «если плохо мне, пусть будет еще хуже другим?». Я вот сейчас слушала тебя, и в голове не переставала биться одна мысль: ведь если не изменится ситуация в нашей радиоактивной промышленности и энергетике, то несчастных, подобных Афоне, будет все больше и больше. И что, если все они начнут исповедовать такую мораль? Вот что страшно, Кирюша.

— Да, это страшно. И как не задумаются об этом там, наверху?

— А вот этим и должна заняться ваша партия «зеленых».

— А-а, наша партия! Помнишь, ты как-то сказала, что она лишь плодит всякого рода заявления и декларации. Так оно, к сожалению, и есть. И это главное, что не мог простить мне Афанасий. Ну да что теперь об этом говорить!

— А вот об этом как раз и надо говорить. Ибо только тогда, когда эта партия — а больше никому — из партии слов превратится в партию дела, земля, может быть, снова станет человеку родной матерью. А сама жизнь, просто жизнь — большим счастьем. Но мы еще поговорим об этом. А сейчас, смотри, поезд подходит.

21

Часы пробили девять. Кирилл открыл глаза и даже привстал от удивления: вся комната была наполнена каким-то странным жемчужно-белым светом. Он быстро соскочил с дивана, подошел к окну:

— Так вот оно что! — все кругом было бело от снега. — Зима пришла!

Он наскоро умылся, привел себя в порядок и, обменявшись двумя-тремя словами с матерью, хлопчущей на кухне, тихонько подошел к двери своей комнаты, куда вчера вечером они поместили приехавшую с ним Огги. Он легонько кашлянул. Дверь тотчас раскрылась.

— Доброе утро, Кирюша. Заходи, я не сплю.

— Ты уже встала?

— Я не ложилась сегодня.

— Почему?

— Спешила перевести для тебя мамин дневник, — указала она на стопку исписанных ее красивым убористым почерком листов.

— Ну и?

— Сейчас все увидишь сам. Оказывается, это не дневник в полном смысле слова, записи не помечены ни числом, ни днем недели, сделаны с интервалом от нескольких дней до нескольких месяцев. Видимо, мама была очень занятым человеком и бралась за перо лишь от случая к случаю, когда требовалось записать какие-то особенно важные события. А события эти... Вот, прочти.

Кирилл сел за стол. Огги пододвинула к нему исписанные листы, опустилась в кресло рядом.

Сохранившиеся страницы начинались с полу фразы:

«...вновь оповестили, что интенсивность жесткого излучения из космоса превысила допустимые нормы. Значит, снова нельзя будет выйти на Поверхность. Уж этот слой трехатомного кислорода! Давно ли служба атмосферы сообщала, что в результате строжайшего запрета на использование любых фторхлористых препаратов он почти полностью восстановился над всей территорией Литании, и вот — снова...

Впрочем, Горри и тогда сомневался в оптимистических прогнозах службы, ибо существует негласная директива, что этот запрет не распространяется на военное производство, а кто знает, чего и сколько выбрасывают в атмосферу оружейные заводы.

В последнее время Горри все чаще убеждает меня в неизбежности осуществления его проекта. А я боюсь. Нет, не за себя, за нашу малышку. Как она перенесет этот многовековой анабиоз? Да и что встретит нас на земле через десяток тысячелетий? Но и здесь, похоже, рассчитывать больше

не на что. Правда, служба подземных городов уверяет, что в них можно будет прожить не одно столетие. Но разве это жизнь...

* * *

Служба атмосферы преподнесла неожиданный сюрприз: сегодня с утра разрешен выход на Поверхность. Все ликуют. Но чему радоваться? Все тот же зной, палящий ветер, тучи горячей пыли.

Говорят, что в парке Солнца окончательно погибли последние деревья. Теперь даже не верится, что когда-то вся территория Литании была покрыта лесами. Горри уверен, что с вырубки лесов и началась наша трагедия. Леса рубили на топливо, рубили на нужды строительства, рубили просто так, в соответствии с директивами высших властей о расширении площади пахотных земель.

А что случилось с этими пахотными землями? Все снесли пыльные бури. Не помогла никакая ирригация. Да и могла ли она помочь? Горри считает, что чрезмерное увлечение гидротехникой только ускорило необратимые нарушения водного баланса в природе. И вот результат: ни лесов, ни лугов, ни полей. Одни грибы в подземных оранжереях. Как они надоели, эти грибы и всякого рода бактериальные белки! А что ждет наших детей?

Горри уверяет, что, чем бы ни кончилась наша агония, минимум через десять тысяч лет природа возродится во всем своем первозданном великолепии. Не знаю, не знаю... Но, кажется, я склонна согласиться с его проектом.

Сам он только этим и живет. Во всяком случае, в последнее время почти не выходит из лаборатории, где создается его аппарат.

* * *

Сегодня праздник. Он начался по давней традиции с массового шествия к парку Солнца. Грустное это было свидание с местами нашей с Горри юности. Деревья в парке действительно посохли. Черные стволы и ветви в разгар лета – что может быть печальнее такого зрелища. Единственными зелеными оазисами остались крохотные лужайки заботливо сохраняемой здесь травы.

Бедная трава! Она оказалась наиболее стойкой перед безжалостным натиском космического излучения. Но долго ли продержится она? Ведь содержание трехатомного кислорода в атмосфере, говорят, становится все меньше и меньше. И эти песчаные бури и иссушающая жара!

Все объясняют ее чрезмерной концентрацией в воздухе двуокиси углерода, возникшей вследствие бездумного сжигания лесов, угля, нефти и газа. Но Горри считает, что в большей степени количество двуокиси возросло в результате полной гибели растительного покрова и перенасыщения ею вод морей. Прежде она сбрасывалась из морской воды в виде карбонатов кальция и магния. Но как только пересохли реки и прекратилось поступление кальция и магния в моря, воды их перенасытились двуокисью и перестали поглощать этот коварный газ из воздуха.

Значит, нечего и надеяться, что в обозримом будущем что-то изменится в лучшую сторону. Что же будет с нашими детьми, внуками, правнуками? В последнее время появляется все больше статей, убеждающих литанийцев, что жизнь под землей не так уж плоха, что к ней надо просто привыкнуть, что наши потомки, родившиеся и выросшие в подземных городах, сочтут такую жизнь даже более нормальной, чем жизнь на Поверхности.

Может, так оно и будет. Человек действительно способен привыкнуть к чему угодно. Но останется ли он человеком? Не уподобится ли слепым кротам и землеройкам?

Какие мрачные мысли приходят сегодня в голову! И это в праздник! Но что праздник? После нескольких часов, проведенных на поверхности, наше сырое мрачное жилище кажется каменной могилой. И не с кем разделить эту страшную тоску. Горри даже сегодня, в праздник, умчался в свою лабораторию. Почему он так спешит? Я почти смирилась с мыслью принять участие в его проекте. Но к чему такая спешка? Ведь несмотря ни на что так хочется еще пожить! Хоть год-другой. Хоть несколько лишних месяцев. А может, он знает что-то такое, чего не знает пока никто другой. Как страшно! Как безумно страшно!

* * *

Служба здоровья официально сообщила, что причиной массового появления уродцев среди новорожденных детей явилось употребление их родителями препарата нийоно (лекарство, укрепляющее иммунную систему), побочные действия которого, как оказалось, проявляются лишь несколько лет спустя после применения. Невозможно описать весь ужас, охвативший меня при этом известии, ведь весь последний год мы регулярно давали нийоно нашей малышке. Но кто мог подумать... К тому же существовало официальное предписание, которое чуть ли не обязывало литанийцев применять этот препарат.

В свое время, когда в связи с кошмарной и все более ухудшающейся экологической обстановкой разного рода болезни начали особенно свирепствовать на всей территории Литании, открытие нийоно было воспринято как чудо: количество заболеваний сразу уменьшилось во много раз. Хотя уже тогда большинство серьезных исследователей предупреждали, что 1 препарат такого рода требует многолетней проверки на побочные действия. Однако к голосу их не прислушались. До того ли было доведенным до отчаяния людей. И вот результат...

Правда, Горри полагает, что до тех пор, пока Огги станет взрослой, действие нийоно на ее организм прекратится. Но, боюсь, он только успокаивает меня. Кто знает, что значит это «несколько лет»? Я сердцем материнским чувствую, что обрекли мы нашу девочку на невозможность стать в будущем матерью. Вот разве эти десять тысяч лет анабиоза...

Но легко сказать: десять тысяч лет небытия! Как решиться на это? И хотя аппарат Горри почти готов, я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что мы действительно воспользуемся его проектом. Ведь это все равно, что добровольно лишиться себя жизни. Об этом можно сколько угодно рассуждать, в благополучный исход этого сколько угодно верить, в необходимости этого сколько угодно не сомневаться. Но окончательно решиться на это... Не знаю... Все это так ужасно!

* * *

Сегодня почти всю ночь шел дождь. Первый дождь за последние три месяца. С каким чувством облегчения потянулись люди утром на Поверхность. Ведь дождь – это свежесть, это – прибитая пыль, это – долгожданная прохлада.

Проводив нашего папу в лабораторию, мы с дочкой также выбрались на Поверхность и решили пройти до парка Солнца. Вместе с нами туда шли и многие другие свободные от работы люди, главным образом женщины и дети. Настроение у всех было празднично-приподнятое. Жара действительно спала. На дороге блестели лужи. Воздух давно не был столь чистым и прозрачным. Но что ждало нас в парке! Последние лужайки, еще недавно ласкавшие глаз зеленой травой, поблекли, побурели, превратились в грязные безжизненные лохмотья. Их убил дождь.

Как сообщила позже Служба атмосферы, этот дождь вобрал в себя все ядовитые вещества, выбрасываемые в воздух бесчисленными трубами наших заводов и электростанций (ведь существующими инструкциями не предписывается никаких ограничений на загрязнение воздуха производственными дымами) и обрушил их на многострадальную землю. Такой дождь, полагают, прошел над всей Литанией, и, значит, нигде не осталось ни одного зеленого уголка. Отныне наши дети даже траву смогут увидеть только на картинках.

Я готова была плакать от отчаяния. Но

Горри воспринял это с удивительным спокойствием. Видимо, он окончательно примирился с мыслью, что дни наши на этой земле сочтены, и все надежды возлагает только на свой проект. Кстати, все технические испытания нашего будущего саркофага закончены. Осталось провести серию каких-то биологических экспериментов. И тогда... Страшно подумать, что будет тогда.

* * *

Сегодня в главном водозаборе, питающем центральные кварталы подземного города, обнаружены недопустимо высокие концентрации фосфора, хлора и ртути. Людей охватила паника. Служба водоснабжения объявила, что это явление временное, связанное с аварией в очистных сооружениях, расположенных на Поверхности завода полиметаллических сплавов, и что

впредь до устранения аварии центр переключается на запасной водозабор, вследствие чего будет существенно сокращена подача воды в жилые кварталы всего города.

Случай вроде бы ординарный. Паника понемногу улеглась. Но Горри не покидает тревога. Он уверен, что такой набор вредных примесей никакого отношения к заводу не имеет. Скорее всего, это компоненты различных пестицидов, какие многие годы бездумно всаживались в земельные угодья по невесть кем составленной инструкции в надежде увеличить урожай сельскохозяйственных культур.

Теперь не осталось ни этих культур, ни самих земельных угодий. Но вредные компоненты, проникая все глубже в недра земли, достигли, наконец, водоносных горизонтов, используемых теперь в снабжении подземных городов, и количество их в воде будет только возрастать. Единственный выход – бурить еще более глубокие скважины. Но и это только отстрочит агонию Литании.

Никогда еще я не видела Горри в таком подавленном состоянии. Кажется, у него начинают сдавать нервы. Однако он всегда был очень объективным исследователем. Неужели в самом деле конец? Но почему он не скажет мне об этом прямо. Впрочем, то, как он спешит закончить работу над проектом, красноречивее всяких слов.

Вчера, поздней ночью, начался заключительный этап этой гигантской работы: в капсулу, начиненную соответствующей аппаратурой, были помещены три обезьянки, и после того, как эта аппаратура ввела их в состояние анабиоза, капсула автоматически погрузилась на дно моря. Там, в морской пучине, в установленный Горри срок, кажется, через несколько месяцев, та же аппаратура выведет их из анабиоза и поднимет капсулу на поверхность. И если все будет благополучно...

Страшно подумать, но от исхода этого последнего эксперимента зависят наша судьба и жизнь. Иногда мне кажется, что где-то в глубине сознания я даже тешу себя надеждой на отрицательный исход испытаний...

Но нет, нет, нет! Разве я могу желать такого удара для Горри. Пусть все закончится благополучно. А там... Лучше не думать об этом.

Вот уже несколько дней Горри, несмотря на все запреты, с утра до вечера не покидает Поверхности, спускается к нам только на ночь и то не всегда. Там, в своей лаборатории, он следит за показаниями приборов, дистанционно регистрирующих состояние подопытных обезьян в капсуле на дне моря. Кажется, все идет нормально. Но волнение его достигло предела. Боюсь, что малейший сбой, и он сляжет от нервного перенапряжения.

Я, наконец, вынуждена была сказать ему, что так нельзя: проект проектом, но надо думать и о своем здоровье. А он лишь усмехнулся в ответ: «Неужели ты не знаешь, что находиться в защитном костюме на Поверхности безопаснее, чем все время сидеть в обычной одежде в этих подземельях?» Я не могла понять, что он имеет в виду. И тогда он открыл мне ужасный секрет. Оказывается, специалисты давно уже установили, что наше традиционное увлечение красителями, изготовленными из продуктов выветривания тяжелого черного окста (как я еще совсем недавно восторгалась этими яркими сочными неблекнущими красками!) и внедрение во все области техники, от медицинского оборудования до бытовых приборов (не говоря уже о военном производстве), самораспадающихся изотопов, привело к тому, что все пространство подземных городов оказалось насыщенным каким-то постоянно действующим губительным излучением. Спасти от него невозможно никак. И что самое страшное – излучение это накапливается в теле человека и рано или поздно неминуемо должно привести к его гибели. Так что и здесь, под землей, все мы обречены. Но никто не знает этого, ибо существует строжайшая инструкция о неразглашении подобных сведений.

«Вот почему, – заключил он, – я так спешу закончить работу над проектом. Надо хоть кому-то выжить в этом страшном мире. Для того, по крайней мере, чтобы предупредить о наших бедах грядущие цивилизации».

В том, что такие цивилизации вновь появятся на обновленной земле, он почему-то не сомневается, как и в том, что с помощью его проекта мы с нашей Огги сможем перенестись в этот грядущий мир. Но я не могу этого представить. Десять тысяч лет!..

* * *

По подземному городу ползут слухи, что где-то в северных кварталах видели людоедов, этих страшных чудовищ, вызванных к жизни экспериментами специалистов по генной инженерии. Трудно сказать, что двигало в свое время этими «исследователями». Тогда к известию о создании сверхлюдей отнеслись как к очередному сенсационному открытию. Шутка ли – эти сверхлюди не страдали ни от длительного кислородного голодания, ни от любых самых жестких излучений, ни от каких угодно перепадов температур. Естественно, создатели их умолчали о другом: о чрезвычайно низких умственных способностях и невероятно агрессивной жестокости своего детища. Все это стало известным лишь тогда, когда количество их перевалило за сотню и обнаружилась поразительно большая плодовитость людоедов.

Люди забились тревогу. Но, как всегда бывает в таких случаях, мнения разделились. Против довольно многочисленных сторонников немедленного уничтожения этих монстров выступила не менее многочисленная группа гуманистов, доказывавших, что, как-никак, это все-таки люди, и любое цивилизованное общество не вправе лишать их жизни. Впрочем, не исключено, что существовало и еще одно соображение, выдвигаемое военными кругами, о чем, естественно, никто не осмеливался говорить вслух.

В результате было принято решение создать для них специальные резервации на крайнем юге страны, где они могли бы жить, работая на окисных рудниках и других вредных предприятиях, не представляя опасности для других граждан Литании. И постепенно о них почти забыли. Слишком много забот обрушилось на литанийцев и без этой проблемы, как устроить дальнейшую судьбу человеко-зверей.

Однако в последнее время все чаще начали появляться сообщения о том, что отдельные людоеды пытаются совершить побег из резерваций. И вот теперь эти слухи о появлении их в подземном городе... Может, это действительно только слухи. Но кто поручится, что теперь, когда на Поверхности остается все меньше людей, людоеды не вырвутся из своих застенков и не станут крушить все, что встретится на их пути. Тогда останется одно – воспользоваться проектом Горри и бежать из этого страшного мира.

Кстати, все испытания его аппарата прошли успешно. Капсула в точно назначенный срок поднялась на поверхность моря, и все три обезьянки вышли из анабиоза без каких бы то ни было отклонений от нормы.

Теперь я с трепетом жду его окончательного решения. Но он почему-то медлит. Впрочем, что же тут удивительного. Ему, конечно, тоже страшно. Возможно, даже страшнее, чем мне. Ведь он должен думать не только о себе, но и нас с Огги. Разумеется, он все взвесил. И все-таки, уйти вот так сразу из жизни...

* * *

Произошло неслыханное. Руководство Литании объявило, что отныне употребление наркотиков является личным делом каждого гражданина. Ни производство, ни хранение, ни тем более употребление их не будут больше преследоваться властями. Руководство объяснило этот шаг тем, что при существующих крайне суровых условиях жизни оно не намерено лишать людей хотя бы такой отдушины. Нашли отдушину!

Негодование Горри не было границ. «Вот и конец, Магги, – сказал он мне сегодня утром. – Только люди, осознавшие, что гибель цивилизации предreshена, могли пойти на такое кошмарное решение. Но не могу, не хочу видеть подобного позора. Все! Больше откладывать некуда. Аппарат испытан. Не хватало еще, чтобы людоеды или взбесившиеся наркоманы вывели его из строя. Сегодня в полночь мы уходим в небытие. Подготовь себя и Огги. Только ничего не говори ей. Пусть она уснет спокойно. На десять тысяч лет...»

Что я могла ответить ему, самому близкому, самому дорогому мне человеку? Я верю ему беспредельно. Но если даже он ошибается, если мы не выйдем из состояния анабиоза, или по истечении назначенного срока нас встретит безжизненная пустыня, все равно, жизнь сейчас, здесь – окончена. Что даст несколько лишних лет, даже десятилетий мучительной агонии?

Итак, это последняя моя запись. Сегодня в полночь мы уйдем из жизни. И я заберу с собой этот дневник. Может быть, кто-нибудь прочтет его, если даже рискованный эксперимент не увенчается

успехом. А может быть – это самое заветное мое желание – его прочтет наша милая крошка. Прочтет и простит своих отца и мать за то, что они прервали ее только что начинающуюся жизнь. Огги, милая, любимая наша дочурка, поверь, что только ради тебя я, сколько могла, откладывала этот страшный момент. А теперь только ради тебя все-таки решилась на него. И если – мало ли что может быть – ты окажешься среди людей, а нас с папой уже не будет, расскажи им, этим людям, что здесь написано, не дай им пережить того, что переживают сейчас наши соотечественники за бесчисленные ошибки своих предков.

Твоя мама».

Кирилл перевернул последнюю страницу и долго молчал, вновь и вновь переживая все то, что пережила эта бесконечно далекая, но ставшая сразу удивительно близкой женщина. Молчала и Огги, занятая, видимо, такими же мыслями. Наконец, она встала, медленно прошла по комнате, подошла к столу:

– Вот и исполнилось последнее желание мамы...

– Да. И все мы, все нынешнее человечество должны быть безмерно благодарны ей за это послание-предостережение.

– А что ты думаешь о ее записи о нийоно?

– Думаю, что тревоги твоей матери слишком преувеличены. Более прав был твой отец.

– Я хотела бы надеяться на это.

– Будем надеяться вместе. А сейчас пойдем завтракать, мать заждалась, наверное.

– Да, пойдем. Только... Что ты сказал ей обо мне?

– Я сказал, что ты моя невеста.

– Ой, Кирюша... – она вспыхнула, спрятала лицо у него на груди. Но в это время в прихожей настойчиво задребезжал звонок, громко хлопнула входная дверь, и тотчас раздался густой бас Сергея:

– Приехал? Где он, разбойник?

Кирилл раскрыл дверь, вышел в прихожую:

– Здесь я. Раздевайся, проходи.

Сергей сбросил куртку, смахнул с волос капли растаявшего снега:

– А-а, жив-здоров? А я, брат... О, ч-черт! – увидел он вышедшую вслед за Кириллом Огги. – Простите, пожалуйста, не ожидал... И очень, очень рад! Там, в Прибрежном, я иногда, как бы выразиться... Словом, еще раз прошу извинить.

– Да ладно тебе! – рассмеялся Кирилл. – Вот расшаркался! Пришел – заходи, покажем интересную вещь.

– Ну уж нет! – выглянула из кухни мать Кирилла. – Сначала – за стол! Я не буду в третий раз все разогревать.

– И то верно, – согласился Кирилл. – Пора и позавтракать. Там, за столом, обо всем и поговорим.

– За стол я всегда готов! – отозвался Сергей, вновь обретая обычную самоуверенность. – Прошу вас, Огги! – согнулся он в галантном полупоклоне, пододвигая девушке стул... – И уверяю вас, Анна Николаевна кормит так, как не кормят нигде на свете.

– Ты уж скажешь! – застеснялась Анна Николаевна, поправляя скатерть. – Кормлю, как умею, голодными из-за стола не выйдете. Мужчины, поухаживайте за гостьей. Огги, голубушка, не стесняйтесь, будьте как дома.

Все расселись, голоса смолкли. В течение нескольких минут слышался лишь легкий перестук ножей и вилок.

– А что, все-таки, вы хотели мне показать? – не выдержал Сергей. – Неужели дневник?

– Да, дневник, вернее, то, что от него осталось. Всего несколько страниц. Но каких страниц! А главное – написаны они точно таким шрифтом, как те письма, какие ты мне показывал перед отъездом, и написаны в одном из городов той исчезнувшей цивилизации, остатки которой вы так усердно раскапывали нынешним летом.

– То есть как? Ты же говорил, что это дневник матери Огги.

– Так оно и есть. А ты знаешь, где и когда родилась моя невеста?

– Так ведь вроде не принято говорить о возрасте женщины.

– А все-таки?

– Ну уж, если ты так настаиваешь, то я думаю...

– Не ломай голову, – махнул рукой Кирилл, – все равно не отгадаешь. Родилась Огги в одном из тех самых архидревних городов. И было это более десяти тысяч лет назад.

– Чего-чего?! Ты что, решил подурочить меня или сам немножко того? – покрутил Сергей пальцем у виска.

– Ни то, ни другое. А дело в том, что в одном из таких городов... Впрочем, что же я буду пересказывать, я лучше прочту уцелевшие страницы дневника. Ты не возражаешь, Огги?

– Напротив. Я хочу, чтобы об этом узнали все. Все люди Земли. Да ведь и сама мама высказала такое пожелание. Ты помнишь, чем заканчиваются ее записи?

– Да, конечно. Тогда – минуточку! – Кирилл быстро прошел в свою комнату и вынес спасенные страницы дневника вместе с переводом Огги. – Вот, уважаемый товарищ историк, – обратился он к Сергею, – оригинал текста, написанного, как ты сейчас убедишься, более десяти тысяч лет назад, а это его перевод, который я вам прочту.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Сергей, – послушаем, что повествуют эти страницы.

– Да, слушайте. Послушай и ты, мама, – обратился он к Анне Николаевне. – Итак, первая запись. Она, к сожалению, без начала:

– «Вновь оповестили, что интенсивность жесткого излучения из космоса...» – начал читать Кирилл, и перед глазами сидящих за столом, будто в страшном сне, поднялись тучи горячей пыли, замаячили черные стволы голых умирающих деревьев, обрушились потоки ядовитых дождей, сомкнулись каменные своды сырых мрачных подземелий, блеснули свирепые глаза кровожадных людоедов. И над всем этим – всепронизывающий страх за свою жизнь, за жизнь детей, за будущее цивилизации и еще больший страх перед намерением уйти из жизни в надежде перенестись в неизвестное будущее.

«...А если – мало ли что может быть – ты окажешься среди людей, а нас с папой уже не будет, расскажи им, этим людям далекого будущего, обо всем, что здесь написано, не дай им пережить того, что переживают сейчас наши соотечественники за бесчисленные ошибки своих предков», – закончил Кирилл и обвел глазами притихших слушателей.

Никто не произнес ни слова. Огги сидела бледная, неподвижная, застывшая как изваяние, Анна Николаевна поспешно вытирала глаза кончиком фартука, Сергей нервно покусывал губы, крепко, до побледнения, стиснув на коленях пальцы рук.

И в этот миг, словно сигналом оттуда, из загнавшей себя в тупик гибнувшей цивилизации, раздался в прихожей резкий повелительный звонок.

Кирилл встал. Но Анна Николаевна опередила его:

– Сиди, я открою.

Все почему-то насторожились, словно в предчувствии неясной надвигающейся беды. А из прихожей донесся низкий гнусавый голос:

– Это квартира Градовых?

– Да, – ответила Анна Николаевна.

И в следующий момент в комнату, громко стуча сапогами, вошли знакомый Кириллу следователь и два милиционера.

– Гражданин Градов, согласно санкции районного прокурора я вынужден вас арестовать и заключить в следственный изолятор, – медленно, сухим будничным голосом, как нечто само собой разумеющееся, проговорил следователь, не обращая внимания на испуганные возгласы встревоженных женщин.

– Как арестовать? За что?! – всплеснула руками Анна Николаевна.

– Хотя бы за то, что он, несмотря на данную им подписку о невыезде, самовольно покинул город и больше недели скрывался неизвестно где.

– Как скрывался? От кого скрывался? Господи, да что это такое? – продолжала причитать вконец перепуганная старушка. – Это просто какое-то недоразумение. Чтобы мой сын...

– А вы, гражданка, не знаю, как вас... Займитесь своими делами и не мешайте мне работать, – прикрикнул на нее следователь.

– Работать?! Это, по-вашему, работа? – вновь накинута на следователя Анна Николаевна. – Да я...

– Не надо, мама, – погладил ее по голове Кирилл. – Я действительно не имел права покинуть город без уведомления этого человека. Только простите, гражданин следователь, насколько мне

известно, вы тоже не имели основания брать такую подписку, не предъявив мне конкретного обвинения.

– Скажите, пожалуйста, как мы шибко грамотны. Так вот, я предъявляю вам обвинение. Вы обвиняетесь в убийстве гражданки Полипчук, и в интересах следствия...

– И в интересах следствия, – перебил его Сергей, – вам, я думаю, было бы бесполезно познакомиться с самой гражданкой Полипчук. Вот она здесь, за столом.

– А вы кто такой, молодой человек? И кто вам дал право на такие глупые шутки по отношению к представителям закона?

– Кто я? Я обыкновенный свободный человек. Право вступить за невиновного, оскорбленного вами человека дано мне конституцией. А вот вам придется сейчас извиниться, перед всеми нами.

– Оставь его, Сережа. Я же действительно нарушил закон. Ну, ошибся он. С кем не бывает. Все разъяснится.

– Да брось ты, Кирилл! Ошибся... Ошибиться, действительно, может всякий. Да не всякий будет так, как он, хамить старой женщине. А из города уехать тебя вынудил он сам, этот горе-следователь. Ведь если бы ты не привез сюда Ольгу, он до сих пор тряс бы ее окровавленным платком, а потом и упек тебя за здорово живешь. Ольга, покажите этому «представителю закона» свой паспорт. Он же словам не поверит. И объясните, почему ваш носовой платок оказался в крови. А то он, в самом деле, уведет нашего Кирилла.

– Паспорт? Сейчас покажу, он у меня в сумочке. Но я абсолютно ничего не понимаю. О каком убийстве говорит этот человек? И при чем здесь мой платок?

– Этому человеку поступило заявление от вашего отчима Полипчука, в котором тот утверждал ни больше, ни меньше, что вы убиты. Да, убиты самым зверским образом! И в качестве неопровержимой улики предъявил найденный им где-то ваш окровавленный платок. А обвинение в убийстве возложил на Кирилла. Вот они и треплют ему нервы третью неделю.

– Боже, какая нелепость! Что же ты ничего не сказал мне, Кирюша?

– Не хватало еще травмировать тебя такими пустяками, – отмахнулся Кирилл.

– Хорош пустяк! Они же засудили бы тебя, не найди ты меня в Хотском. Одну минуту, гражданин законник! – Она сходила за паспортом и протянула его следователю. – Вот, пожалуйста, убедитесь, что это я и что я жива и здорова. Что же касается заявления моего отчима, то... Как вы могли поверить такому негодяю? Да, я ушла из его дома. Ушла тайком, потому что не могла больше жить под одной крышей с человеком, который обворовал меня и мою мать и тем исковеркал всю мою жизнь. Ушла, не подумав, что он способен на такую злую неумную клевету. Ну, а платок мой... Я вытирала им кровь на шее у Дэзи, моей собаки. Неужели ваши криминалисты не способны отличить кровь собаки от крови человека?

– Черт знает что! – скрипнул зубами следователь. – Не могли сориентироваться на месте. Шерлоки Холмсы – недотепы! Ну, ладно, мы разберемся во всем этом. Можете оставаться дома, Градов. Но имейте в виду, ваша подписка о невыезде пока остается в силе.

– Помилуйте, это еще зачем? – снова не удержался Сергей.

А затем, молодой человек, что существуют соответствующие инструкции, существуют определенные правила, существуют специальные приказы, предписания, наконец. И переступить их не дозволено никому. Пойдемте, сержант.

Блюстители закона вышли.

– Да-а, – протянул Сергей, как только дверь захлопнулась за ними. – Элементарные извинения их инструкциями, по-видимому, не предусмотрены.

– Это бы полбеды, Сережа. Хуже другое. Вы обратили внимание, в записках матери Огги тоже фигурируют разного рода инструкции, директивы, предписания. Боюсь, эти язвы тамошней бюрократии и явились главной причиной гибели Литании. Этого не установят никакие раскопки. А жаль. Не пришлось бы и нам повторить трагический путь литанийцев. В самом деле, разве не такими же непродуманными, а то и прямо преступными приказами властей всех рангов уже выведены из употребления миллионы гектаров плодороднейших земель, варварски разграблены богатейшие месторождения нефти, выброшены в отвалы десятки ценнейших компонентов в уникальных полиметаллических рудниках, погублены Арал, Севан, Припять, изуродована красавица Волга, нацело истреблена большая часть массивов сибирского кедра, сведены под корень прекрасные плантации винограда, заражены могильниками радиоактивных отходов

десятки густонаселенных районов, где, как на бомбе замедленного действия, живут ничего не подозревающие люди. Вот он, призрак минувшего. Что по сравнению со всем этим крохотный тьюмунитовый карьер на Кавказе. И мы должны поклясться друг другу выполнить завет матери Огги, не дать привести мир к экологической катастрофе.

– Да, – отозвался Сергей, – но для этого надо, по крайней мере, убедить людей в подлинности этих записей, и тут без наших раскопок... Кстати, а можно взглянуть на оригинал текста?

– Конечно, вот он, здесь, – подала ему Огги сохранившиеся страницы дневника.

– Потрясающе! Просто потрясающе! проговорил Сергей, осторожно перебирая шуршащие листы.

– Действительно, точно такой шрифт, какой мы обнаружили во время раскопок. Кирилл, а ты не показал Огги те фотографии, какие я дал тебе перед отъездом?

Нет, Серега, не до этого было. Я и забыл о них. Сейчас поищу.

Не надо, у меня есть копии. Вот взгляните, Огги. Смогли бы вы это прочесть? – вынул он из кармана фотографию каменного блока с отчетливо выбитой на нем надписью.

Да, надпись отлично сохранилась. Здесь написано: «Вход в центральный квартал подземного города Веркволво». Веркволво – видимо, название города. А если перевести и это слово, то оно означает что-то вроде: «Надежда на спасение».

Надо же, как просто! А наши криптологи бились, бились... Но теперь!.. Ведь если сопоставить данные радиоуглеродного анализа наших находок и этого текста, то подлинность его станет несомненной. Но что это? Смотрите, Огги, конец страницы написан вроде другим почерком?

– Да, я предполагаю, это приписка, сделанная рукой отца. Видите, она начинается после слов «Твоя мама».

– Однако Кирилл даже не упомянул об этой приписке. Или здесь что-то сугубо личное?

– Не знаю, я просто не смогла прочесть этот последний абзац. Он написан какими-то странными, словно не нашими буквами.

Но зачем бы вашему отцу писать на незнакомом вам языке? Ведь, судя по всему, приписка сделана для вас. Кстати, вот эти первые два слова... Одно из них определенно ваше имя.

– Очень может быть.

– А напишите-ка его обычными буквами вашего алфавита.

– Вот, пожалуйста.

– Да, буквы второго слова в общем схожи.

Но все они словно вывернуты наизнанку. Поймите, поймите! А не кажется ли вам, что это зеркальное изображение? К такого рода записям, я знаю, нередко прибегали мудрецы прошлого.

– Сейчас посмотрим, – Огги поднесла к тексту небольшое зеркальце. – Нет, буквы исказились еще больше.

– И все-таки есть определенная закономерность. Может быть, он пользовался каким-то особым зеркалом или... Скажите, у вас не сохранилось что-нибудь, напоминающее зеркало, захваченное еще оттуда, из того вашего

– Нет, – пожала плечами Огги. Вот разве обратная сторона маминого медальона. В нем можно видеть даже собственное изображение. Только...

– Что, только?

– Только в очень искаженном виде.

– Значит, кривое зеркало! – воскликнул Сергей, – Так это, возможно, и есть то, что надо. А ну-ка, поднесите к тексту.

Огги сняла с шеи медальон и поднесла к непонятным строкам:

– Ой, в самом деле! Теперь это самые обыкновенные буквы. Сейчас я попробую прочесть и перевести. Вы правы, первые два слова. «Дорогая Огги». А дальше... – Она пробежала глазами написанное. – Дальше так: «Дорогая Огги! Прости, что я заставил тебя поломать голову над расшифровкой этой приписочки к дневнику нашей мамы. Она сама попросила написать тебе несколько слов, и сегодня, за несколько часов до того, как покинуть этот мир, я просмотрел ее записи. Она очень точно описала обстановку, заставившую нас пойти на небывалый эксперимент, но не пояснила причину, которая привела страну к столь печальному концу. Мне хочется, чтобы ты узнала и это. Но лишь тогда, когда станешь достаточно взрослой. Поэтому я пошел на эту маленькую хитрость. Так вот, о причинах. По прочтении маминых записей у тебя могло сложиться впечатление, что гибель Литании – естественный итог развития любой человеческой цивилизации.

Это не так, дочка. Такого фатального конца можно было бы избежать, если бы страной руководили более умные, более дальновидные, более ответственные люди. Но все было как раз наоборот. На протяжении многих десятилетий Литанию возглавляли бездарные тупицы, заботившиеся лишь о сиюминутном благополучии своего непосредственного окружения и бессмысленном усилении никому не нужной боевой мощи нашего государства. Именно в угоду тому и другому бездумно разграблялась наша земля, ее недра, леса, воды, даже воздух, которым мы дышали. Природа отомстила им за это. А вместе с тем привела к гибели весь народ Литании. Впрочем, и он получил по заслугам; вольно было терпеть над собой власть тупоумных временщиков. Вот и все, что я хотел добавить к написанному мамой. Возможно, мы с тобой еще вернемся ко всему этому в том далеком мире, куда мы надеемся перенестись. Но если действительно сложится так, что ты останешься в нем одна, то распорядись нашими записями, как сама найдешь нужным. И еще. Может статься, ты или кто-нибудь из близких тебе людей вынужден будет повторить наш эксперимент. В таком случае имейте в виду, что наш аппарат рассчитан на многократное использование. Единственное, чем тебе надо заранее обзавестись, это инертный газ аргон, электронная модель которого изображена на крышке маминого медальона. Все остальные инструкции найдешь в самом аппарате, в носовой его части, в потайном контейнере, под фиолетовой кнопкой. Прощай, Огги. Хочу верить, что тебе не придется расшифровывать все это: ты успеешь вырасти еще на моих глазах. Но долг отца и ученого заставляет меня предусмотреть все. Твой папка».

Огги перевела заключительную фразу и закрыла глаза рукой.

Несколько минут прошло в молчании.

– Вот и последняя точка над и, – промолвил в раздумье Сергей, снова перебирая чудом прорвавшиеся сквозь толщу веков страницы. – Я всегда говорил, история повторяется.

– Если не учиться на ее уроках, – возразил Кирилл.

– Учиться кому – властителям, чиновникам, дельцам?

– Ну, этих не научит ничто и никогда. Я имею в виду народ, всех людей Земли.

